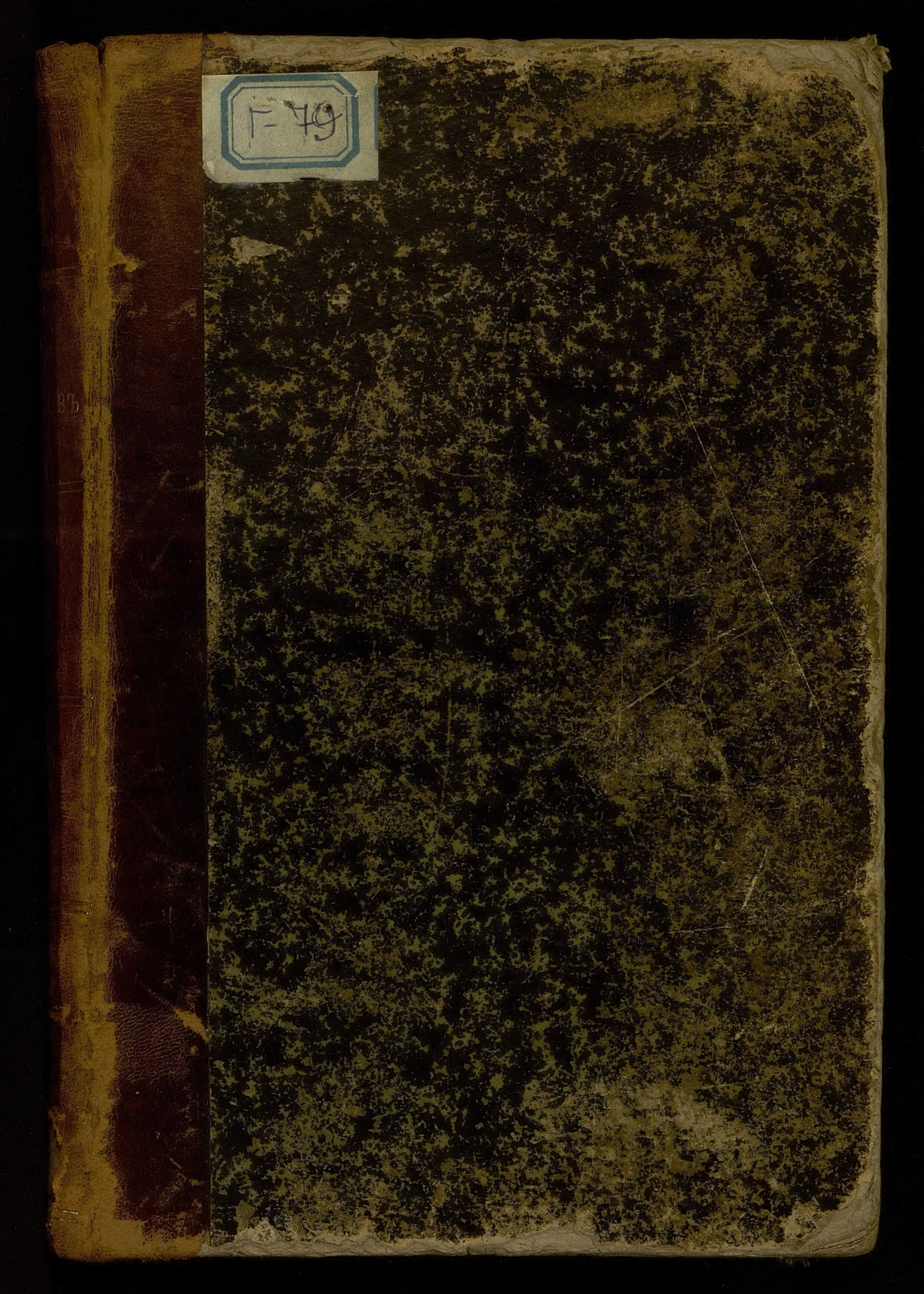
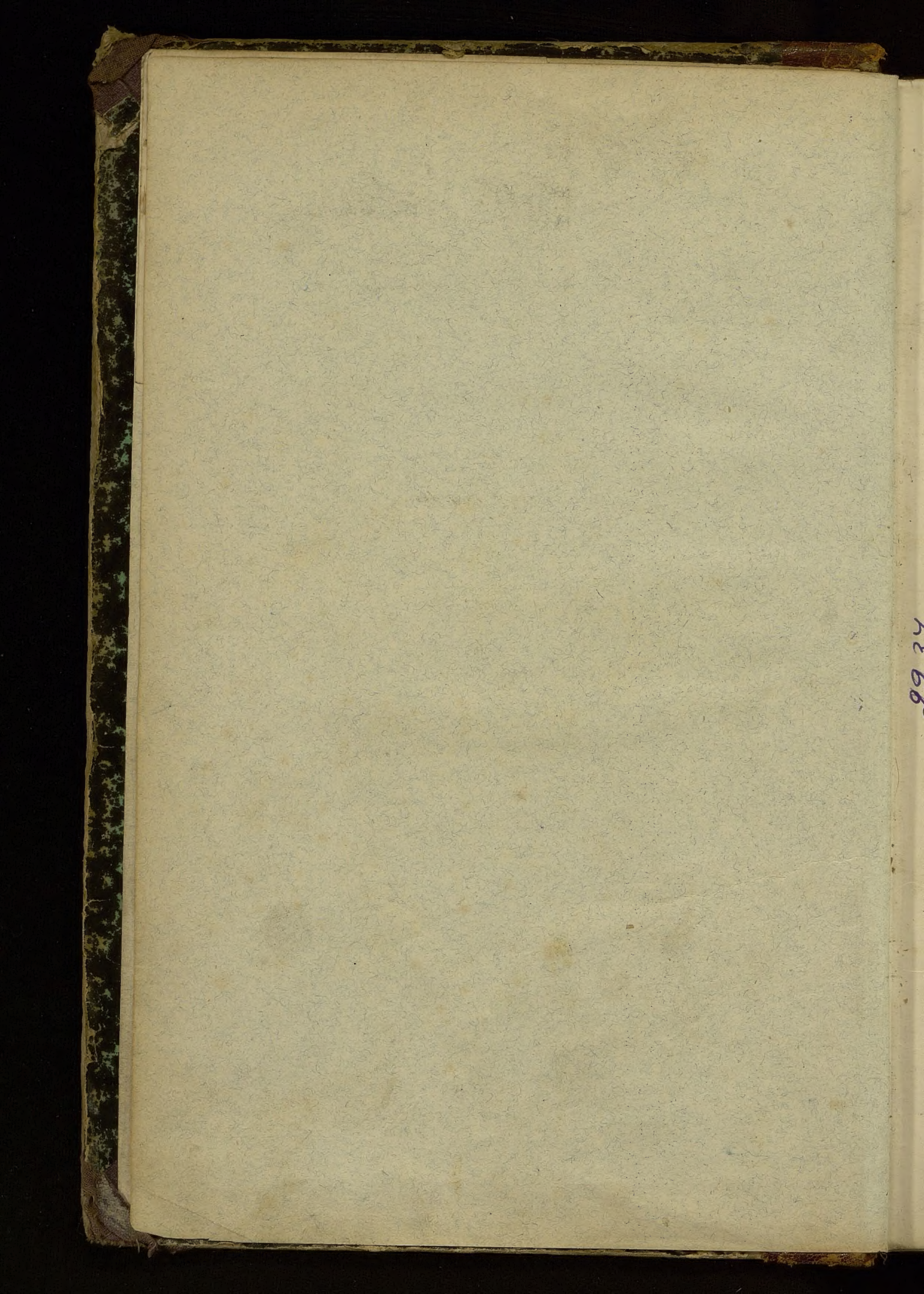

Г-79

3.

Կրկն.

стр. 24

~~Лекціи~~

~~И. М.~~ Гревсъ

Исторія средних вѣковъ

Часть II

Основные элементы средневѣкового строя и ихъ первоначальное взаимодѣйствіе.

1948 г.

Литограф. Гудьева Нов. пер. д.

15

Отдѣлъ I.

Первоначальное населеніе Европы и его древнѣйшая культура.

Одною изъ особенностей исторіи древняго (т.е. именно греко-римскаго, классическаго) міра является географическая обособленность его. (x) Эта отличительная черта усиливалась еще этнографическою изолированностью (народы сравнительно мало сносились между собою) и политическимъ партикуляризмомъ (господствующіе народы, главные дѣятели исторіи, распадались на мелкія политическія группы.) Римъ первый выступилъ на дорогу расширенія и географической сцены, и этнографической основы, и политической формы жизни. Самое положеніе Италіи содѣйствовало такому процессу: по своей конфигураціи Италія представляетъ длинную полосу земли, которая протягивается на довольно большомъ пространствѣ въ самой центральной части Средиземнаго моря. Своей юго-западной оконечностью, Сициліей, Италія сближается съ Африкой, Апулія почти соединяетъ ее съ Греціей, а своими сѣверными землями Италія соприкасается съ материковою Европой. Наконецъ общій наклонъ длиннаго полуострова по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ съ расширеніемъ на сѣверъ и развѣтвленіемъ на югъ дѣлаетъ Италію соединительнымъ звеномъ между обширными землями, примыкавшими къ сѣверо-востоку и сѣверу, юго-западу и югу Средиземнаго морского бассейна и образцами ее естественные гео-

(x) Въ древней исторіи историческою сценою служило, мы знаемъ, сравнительно не широкое кольцо земель, огибавшихъ Средиземное море.

графическій центръ исторіи древняго міра. Далѣе съ другой стороны подобно тому какъ лицевое положеніе Греціи, обращенной къ болѣе древнему по культурѣ Востоку, поставило ее до извѣстной степени въ зависимость отъ восточной образованности, положеніе Италіи, обращенной наиболѣе развитымъ и доступнымъ своимъ берегомъ къ варварскому европейскому Западу, послужило причиною того что вліяніе Рима, и его гражданственность, а также культура когда онъ самъ воспринялъ ее отъ Грековъ, вообще его активное воздѣйствіе распространялось не на Востокъ, а на Западъ. Сильному распространенію такого вліянія кромѣ географическихъ условій способствовалъ и самый духъ римскаго народа, не только завоевательный, но и объединительный ассимилирующій, объединяющій. И оба эти обстоятельства послужили важными движущими началами въ исторіи древнѣйшаго развитія народовъ европейскаго запада, а также вообще въ фактѣ расширенія всемірно-исторической сцены и самыхъ формъ общественнаго быта, т.е. въ фактѣ образованія болѣе обширныхъ государственныхъ союзовъ, процесса сплоченія мелкихъ политическихъ племенныхъ единицъ.

Римская Имперія, когда указанное внутреннее свойство римскаго племенного характера обнаружилось особенно ясно и этотъ объединительный процессъ осуществился уже въ большихъ размѣрахъ и въ ясныхъ формахъ, т.е. когда много новыхъ земель, много новыхъ народовъ были включены въ предѣлы ея, когда оказалось необходимымъ совсѣмъ по новому организовать государственное устройство для упорядоченія и объединенія гораздо болѣе сложныхъ элементовъ, являлся естественнымъ переходо-

даль отъ древняго міра къ новому, и исторія новаго міра (въ частности стало быть средневѣковая) должна начинаться съ обозрѣнія тѣхъ перемѣнъ, которыя внесла Римская Имперія въ характеръ исторіи человѣчества, того что она дала европейскимъ народамъ.

Сущность развитія классическаго міра до утвержденія Римской Имперіи вы уже знаете изъ курса греческой и римской исторіи. Намъ надо было бы теперь лишь внести результаты этого развитія и составить изъ ихъ описанія и анализа цѣльную (синтетическую) картину или характеристику Римской Имперіи.

Но Римская Имперія интересна для насъ въ ея всемірномъ историческомъ значеніи; мы обращаемъ главнымъ образомъ вниманіе при изученіи ея исторіи на ту роль, которую она сыграла въ великомъ процессѣ развитія человѣчества. Въ данномъ случаѣ мы ставимъ вопросъ о значеніи римскаго элемента въ созданіи общественнаго строя и культуры Европы. Чтобы понимать это воздѣйствіе мы должны знать среду, въ которую попадало изучаемое вліяніе. Этого средою были страны и народы прежде всего крайняго европейскаго Запада, которые были завоеваны Римомъ въ томъ періодѣ его исторіи, когда онъ былъ еще въ полной силѣ, которые сами были еще на довольно первоначальной и стало быть слабой ступени развитія, и которые вслѣдствіе этого должны были испытать особенно сильное романизующее вліяніе побѣдителя.

Побѣдителя, вы, говорю, знаете; — но ваше вни-

Вни

маніе мало еще направлялось историческими курсами, которые передъ вами излагались до сихъ поръ, на далекій <u>сѣверо-западъ Европы</u>. Поэтому я считаю удобнымъ начать систематическое изображеніе главныхъ явленій исторіи средневѣковыхъ народовъ <u>съ изученія первоначальнаго населенія западной Европы</u>, его происхожденія, разселенія, развитія быта и культуры. Дѣйствіе Римской Имперіи происходило на новой почвѣ, неизвѣстной древнему міру. — Познакомиться съ этой почвой мы должны прежде всего. Природа мѣстности съ которою связана исторія, нами изучаемая, люди ее первоначально заселившіе — вотъ что прежде всего должно заинтересовать насъ. Когда мы сдѣлаемъ этотъ этнографическій культурный очеркъ, мы перейдемъ къ характеристикѣ римской имперіи и ея культуры и затѣмъ разсмотримъ оба начала — <u>первоначальное населеніе Европы</u> и <u>Римскую имперію</u> во взаимодѣйствіи, которое привело къ сліянію ихъ вмѣстѣ съ значительнымъ преобладаніемъ <u>римскихъ началъ — въ романскій этнографическій элементъ средневѣковой и вообще новой западной европейской исторіи</u> (x).

I.

<u>Прежній взглядъ на Галловъ или Кельтовъ, какъ на древнѣйшее населеніе западной Европы. Теорія</u>

(x) Я остановлюсь на этомъ отдѣлѣ довольно подробно помимо общеисторическаго интереса вопроса еще потому, что онъ даетъ намъ возможность заглянуть въ выводы такихъ наукъ какъ доисторическая археологія и историческ. этнографія, которыя имѣютъ большое значеніе для исторіи и съ результатами и пріемами которыхъ вамъ иначе, какъ въ курсѣ средней исторіи врядъ-ли найдется возмож-

Амедея Тьерри.

Древние народы и въ частности Римляне въ силу самой географической обособленности своей жизни имѣли мало свѣдѣній о странахъ и народахъ находящихся внѣ предѣловъ ихъ исторической области. Такъ между прочимъ они очень мало знали о сѣверныхъ мѣстностяхъ Европы.

Правда, говорятъ, еще финикійскіе мореплаватели добирались до Балтійскихъ береговъ Скандинавіи. Правда, что позднѣе одинъ изъ двухъ путешественниковъ, которые были посланы Карѳагеномъ за Геркулесовы столбы (можетъ быть около 500 г. до Р. Х.) Гимильконъ посѣтилъ, какъ разсказываютъ, западный берегъ Галліи и поднимался будто-бы до Британскихъ островов, но отъ этого путешествія сохранилось немного слѣдовъ (х) и свѣдѣнія эти, сами по себѣ смутныя и, нужно думать, были и тогда мало распространены. Правда что еще во времена Александра Македонскаго торговый повѣренный Марсельцевъ грекъ <u>Пиѳей</u> проникъ также до береговъ Балтики, что возобновить съ тамошнимъ населеніемъ торговыя связи, существовавшія раньше между ними и финикійскими колоніями южной Галліи Пиѳей написалъ на основаніи своихъ наблюденій два сочиненія <u>Описаніе Океана</u> и <u>Периплъ</u>. (хх)

Во всякомъ случаѣ нужно думать, что лишь <u>изъ нашествія Галловъ</u> въ 390 г. и изъ нашествія Ким-
ность хоть отчасти познакомиться.

(х) Краткое изложеніе путешествія Гимилькона имѣется въ позднѣйшемъ латинскомъ сочиненіи <u>Авиена: Ora maritima</u>.

Кур.

вновь во 112 г. узнали Римляне, что въ заальпійскихъ странахъ къ западу отъ горъ, а потомъ и къ сѣверу живутъ грозные варвары. Но и послѣ этого свѣдѣнія Римлянъ о западѣ и сѣверѣ Европы были очень слабыя и фантастическія. Разсказывали греки о великихъ моряхъ, непроходимыхъ болотахъ, густыхъ лѣсахъ, страшныхъ наводненіяхъ, необыкновенныхъ атмосферическихъ явленіяхъ, сверхъестественныхъ животныхъ и удивительныхъ людяхъ этихъ невѣдомыхъ странъ. Непривычная обширность и суровость этихъ странъ наводила ужасъ или отвращеніе на Римлянъ; туманы сѣвера пугали человѣка привыкшаго къ яркому южному солнцу, длинныя ночи, сѣверныя сіянія и другія электрическія атмосферическія явленія заставляли воображеніе человѣка населять незнакомыя ему страны фантастическими чудовищами. (x)

Относительно народовъ, населявшихъ эти невѣдомыя земли, также имѣлись самыя неопредѣленныя свѣдѣнія. Такъ Галлы до временъ пуническихъ войнъ являлись еще для Римлянъ по словамъ Ливія (V, 17) новыми людьми, военными съ невиданнымъ оружіемъ, искателями приключеній, которые

(xx) Подлинные тексты этихъ сочиненій не сохранились; мы имѣемъ лишь отрывки изъ нихъ у Страбона и Плинія и потому не можемъ судить о томъ на сколько полны и достовѣрны были сообщаемыя имъ данныя.

(x) Въ сч. порот. книги фр. историка Geffroy „Rome et les barbares" 1874 г. (см. перв. главу) очень хорошо охарактеризованы представленія Римлянъ о дикомъ сѣверѣ, о той неопредѣленной безгранич. области въ кот. наход. пресловутая Туле, и впечатлѣнія и чувства, котор. охватывали когда имъ открывался новый сѣверн. міръ.

Тац.

8

пришли съ самыхъ отдаленныхъ северныхъ концовъ земли." Полибій разумѣетъ подъ именемъ Галліи (или „Кельтика") собственно Цизальпійскую Галлію, обь склона Альпъ и берега Средиземнаго моря - Современники Цицерона знали о ней не больше, „Гдѣ расположена земля Нервіевъ, пишетъ М. Т. Цицеронъ своему брату Квинту (Epist 161) мнѣ рѣшительно неизвѣстно." А въ другихъ сочиненіи („De provincie consularibus) онъ говоритъ: „... Нашъ военачальникъ, (ваши) легіоны пришли въ эти страны, о которыхъ нечего не говорили ни разсказы ни книги. Мы занимали въ Галліи лишь узкую тропинку, остальная находилась въ рукахъ враждебныхъ или неизвѣстныхъ народовъ, жестокихъ и воинственныхъ... Цезарь раздвинулъ до тѣхъ предѣловъ границы нашего государства..."

Разсказываютъ, что философъ Посидоній около 100 лѣтъ до Р. Х. совершилъ путешествіе въ Галлію. Но на дѣлѣ онъ былъ только въ альпійскихъ странахъ, а о собственной Галліи (о „Celtica Цезаря) зналъ лишь по слухамъ. Къ тому же мы имѣемъ отъ описанія его путешествія имѣемъ лишь небольшіе отрывки.

До Цезаря Римляне и Греки знали Кельтовъ или Галловъ, какъ воинственный народъ, совершавшій нашествія на чужія земли, но страны ихъ Галліи они не знали. Походы Цезаря впервые познакомили Римлянъ съ Галліею, его Комментаріи о Галльской войнѣ дали имъ первое достовѣрное описаніе страны и нравовъ Галловъ.

О происхожденіи населенія Галліи Римляне ничего не знали. Римское завоеваніе застало Галлію уже заселенною 300-400 народцевъ, которые группирова-

Lod.

лись въ три большія племени. „Вся Галлія говоритъ, Цезарь начиная свои Комментаріи, раздѣляется на три части, изъ которыхъ одну заселяютъ Бельги, другую Аквитанцы, третью народъ, который на своемъ языкѣ называется Кельтами, на нашемъ Галлами".(х)...

Откуда пришли эти племена и когда?... Римляне мало интересовались этимъ. Къ тому же во тѣ времена вопросъ о происхожденіи народовъ разрѣшался очень просто: говорили, что родина ихъ земля, на которой они жили. И галльскіе жрецы-друиды съ гордостью называли себя сынами Галліи.

Новая наука, конечно должна была ставить вопросъ о происхожденіи и времени появленія въ Европѣ этого галльскаго племени. - И вотъ французскій ученый Амедей Тьерри въ 1829 г. (хх) говоритъ: „... Въ самыя отдаленныя времена отъ которыхъ мы имѣемъ какія бы то ни было историческія воспоминанія, мы встрѣчаемъ Галльское племя, (la race des Galls) занимающимъ территорію континента Европы, заключенную между Рейномъ, Альпами, Средиземнымъ моремъ, Пиринеями и Океаномъ"... Опредѣляя тутъ же цифрою это „отдаленнѣйшее" время (древнѣйшій моментъ, когда можетъ заглянуть глазъ историка), А. Тьерри называетъ XV или XVI столѣтія до Р. Х. (т.е. Галлы по его мнѣнію заселяли эти мѣстности Европы уже тогда) Та же дата повторена у Тьерри въ новомъ

(х) Caes, De bello gall. I, 1.

(хх). См. Amédée Thierry, Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de la Gaule à la domination romaine, 3 volumes, 1 éd. - 1829, 4 éd. 1857. Сочиненіе это оч. хорошо написанное и чрезвычайно интересное по содержанію, предпринято имъ напр-

изданіи его труда 1857 г.

Ко времени выхода этого послѣдн. изданія сравнительное языкознаніе уже доказало принадлежность Галловъ къ арійскому племени. Оно опредѣляло и первоначальную родину Арійцевъ, находя ее на высокихъ равнинахъ Средней Азіи. Тамъ должны были жить и родоначальники Кельтовъ вмѣстѣ съ предками Индусовъ и Персовъ; они говорили на общемъ языкѣ; такимъ образомъ у нихъ развивались уже тогда зачатки религіозной корпораціи друидовъ.

Въ неизвѣстное время Кельты отдѣлились отъ своихъ азіатскихъ братьевъ, пошли на западъ и шли до тѣхъ поръ по этому направленію пока не встрѣтились съ Океаномъ. Сравнительное языкознаніе дало возможность опредѣлить (по крайней мѣрѣ предположительно) не только первоначальную родину Кельтовъ, ихъ переселенія, ихъ отношенія къ одновременно или позже ихъ выступившимъ Пеласгамъ (или Греко-Италикамъ), Германцамъ, Славянамъ. Оно бросало свѣтъ на общее состояніе ихъ культуры при началѣ переселенія, а стало быть и состояніе общеарійской культуры въ этотъ отдаленный періодъ, изображало ихъ уже обрабатывающими землю, хотя и грубыми способами, разводящими тѣ-же злаки или вообще растенія, которые составляютъ основу нашей культуры, приручившими уже животныхъ и пользующимися ихъ помощью въ земледѣліи и уже знакомыми съ употребленіемъ

ного, и съ патріотическою цѣлью — „опредѣлить характеръ того народа отъ котораго происходятъ (по мн. авт.) 19/20 французовъ." Планъ его: подробное изложеніе происхожденія, раздѣленія, разселенія, событій исторіи, пра-

металловъ. Кромѣ этого дѣлались попытки опредѣленія ихъ семейнаго, политическаго и соціальнаго быта.

Постепенно удалось опредѣлить болѣе точно ту площадь въ Европѣ, которую заняли Кельты. Площадь эта оказалась очень обширною и заходила очень далеко за предѣлы нынѣшней Франціи. Долгое время Кельты считались въ наукѣ древнѣйшими поселенцами Европы. Такимъ образомъ этнографическій составъ этого древнѣйшаго населенія западной части нашего материка представлялось однороднымъ, и оригинальныя каменныя сооруженія, которые встрѣчались во многихъ мѣстностяхъ Франціи и въ другихъ мѣстахъ, заселенныхъ по древнимъ даннымъ Кельтами, приписывались этимъ послѣднимъ и получили специальное названіе друидическихъ памятниковъ.

Между тѣмъ ближайшее разсмотрѣніе вопроса должно было навести на мысль о его невѣрности такой постановки вопроса. Тотъ же Амедей Тьерри, который утверждалъ, что Галлы были древнѣйшимъ населеніемъ Европы на сколько только помнитъ себя исторія, самъ отмѣчаетъ, что Галльская раса представляла собою не полное этнографическое единство, что въ ней напротивъ обнаруживается двойственность.(x)

вовъ, религіи, цивилизаціи Галловъ до завоеванія Римлянъ.

(x) Теорія Амедея Тьерри о двойственности Кельтской расы, а также и другія теоріи о происхожденіи Кельтовъ и ихъ отношеніи къ другимъ древне-европейскимъ племенамъ очень обстоятельно изложены и разобраны въ большой прекрасн. статьѣ профес. В.Г. Васильевскаго „Вопросъ о Кельтахъ" (въ Ж. Мин. Нар. Просв. 1882 г. Сент.) Къ ней я отсылаю для ознакомленія съ подробностями и буду самъ широко пользоваться ею при изложеніи занимающаго насъ вопроса о первона-

Тьерри исходитъ изъ извѣстнаго Цезаря, подтверждаемыхъ данными извлекаемыми изъ Страбона. Уже Цезарь отличаетъ разницу между народами, населявшими Галлію. Указавъ на то, что Галлія раздѣляется на 3 части, которые населены тремя народами, Цезарь говоритъ, что эти народы отличаются другъ отъ друга языкомъ, учрежденіями, нравами.

Аквитанцевъ при этомъ описаніи надо выдѣлить совсѣмъ, это народъ, похожій на испанскихъ Иберовъ больше, чѣмъ на Галловъ. Далѣе въ самой южной Галліи живъ еще народъ чуждый Галльской расы Лигуры, о которыхъ также говорится у Страбона. Все это населеніе мѣстностей пограничныхъ съ Галліей; но и въ собственно Галльскомъ населеніи Цезарь отличаетъ отличіе между Галлами или Кельтами въ тѣсномъ смыслѣ и Белгами.(х) Страбонъ, (который находитъ Белговъ и южнѣе - между Сеною и Луарою) хоть и указываетъ на то, что физіологически оба племени (Кельты и Белги) подходятъ къ одному типу, (который онъ называетъ „галльскимъ" по наружности), но признаетъ что по языку и по нравамъ они разнятся. Тьерри вполнѣ довѣряетъ такому различію. Онъ думаетъ, что племя, разселившееся на такомъ обширномъ пространствѣ въ продолженіе вѣроятно долгаго періода, несмотря на то, что оно объединялось общимъ языкомъ, признаками общаго происхожденія, не могло сохранить полнаго единства. Дѣйствительно въ Европѣ Кельтская раса простиралась отъ Атлантическаго океана до Чернаго моря, въ на-
чальномъ населеніи Европы.

(х) Первые жили къ западу отъ Сены и къ югу отъ Марны, вторые къ востоку отъ Сены и къ сѣверу отъ Марны.

Вл.

Британскихъ острововъ до сосѣдства съ Гибралтарскимъ проливомъ. На берегахъ Дуная, почти на всемъ его протяженіи, на берегахъ Рейна, верхней Эльбы, Темзы, Сены, Тахо и Эбро раздавался кельтскій языкъ, если не исключительно, то какъ господствующій. Географическія названія еще въ римское время сохраняли память объ этомъ широкомъ распространеніи кельтскаго языка. На самомъ крайнемъ восточномъ пунктѣ кельтскаго господства мы находимъ городъ Новіодунумъ (около нынѣшней Исакчи) на правомъ берегу Дуная близъ Чернаго моря въ Добруджѣ (x). Это названіе, въ которомъ латинское одно только окончаніе, тождественно съ именемъ, которое носилъ во время Цезаря одинъ городъ Трансальпинской Галліи въ странѣ Эдуевъ, и которое носили въ эпоху Римской имперіи Nyon въ Швейцаріи, одинъ городъ въ средней Франціи (Jublains въ Мэнѣ, Mayenne) одна мѣстность въ Паннонии (нын. Венгріи), и одна волость общины Плацентіи (Піаченцы) въ сѣверной Италіи. Такимъ образомъ кельтская раса, занимая большую часть нынѣшней Франціи, распространилась на Апеннинскій и Пиренейскій полуострова и на Британскій архипелагъ, и осталась по дорогѣ - на протяженіи всей Дунайской долины.

Въ приведенныхъ географическихъ названіяхъ уже содержатся нѣкоторые указанія на единство языка, которымъ говорило широко распространенное Кельтское племя.

Но невозможно предполагать, чтобы это единство исключало всякія діалектическія отличія и твердо

(x) Сингидунумъ древнее названіе сербскаго Бѣлграда также слово кельтскаго происхожденія. Названіе Богеміи также напоминаетъ кельтское племенное имя

Тѣм

доказывало полную этнографическую однородность состава всего этого населения. И свидетельства Цезаря и Страбона ясно подтверждают различие въ языкѣ, характерѣ, и нравахъ между собственно Кельтами и Гелами. Слѣдовательно самыя показанія древнихъ даютъ основаніе для теоріи о двойственности кельтскаго племени (или расы), которую Тьерри и развивалъ въ своемъ сочиненіи. Эти замѣчанія древнихъ писателей Амедей Тьерри искусно иллюстрируетъ данными изъ современной филологіи (т.е. и до сихъ поръ сохранившимися чертами различія между языками обѣихъ вѣтвей кельтскаго племени въ тѣхъ странахъ гдѣ не вполнѣ исчезли еще теперь потомки той и другой) (x) Именно Тьерри обращаетъ вниманіе на двойственность кельтскаго населенія Британіи и видитъ подтвержденіе своей теоріи въ раздѣленіи ихъ на жителей Валлиса, называющихъ свое нарѣчіе кимрагъ (langue cimraique), а самихъ себя Кимрами, и на жителей Шотландіи и Ирландіи, носящихъ названіе Гаэловъ (Gaidheal). Такимъ образомъ является въ Англіи двѣ вѣтви Кельтскаго племени. Какъ перевести это дѣленіе на древній языкъ? „Жители Валлиса и Корнваллиса, отвѣчаетъ Тьерри –, Кимры – несомнѣнно тѣ же Белги, потому что у Цезаря и у Тацита есть прямыя извѣстія, что Белги жили и въ Британіи, переходя туда изъ Галліи съ цѣлью войны или прінсканія новыхъ земель для поселенія. Остальные британскіе Кельты, т.е. Гаэлы соотвѣтствуютъ собственнымъ Кельтамъ или Галламъ Цезаря и вмѣстѣ съ ними составляютъ одну семью. Если обратить вниманіе на географическое распространеніе, то подобное

(x) См. ст. Васильевскаго стр. 112, 113 и сл.

Кур-

расположение племенъ можетъ пригодиться въ объяснении, и Тьерри на основании соображений географическихъ возстановляетъ длинную историю отношений двухъ племенъ. Кимры явились позднѣе Галловъ, врѣзались въ ихъ середину и раздѣлили ихъ пополамъ. Отсюда понятно, что на сѣверѣ Франціи и на югѣ Британіи, т.е. внутри помѣстились Кимры (Белги) и стали распространяться во Франціи по направленію къ югу отъ Сены, а Галльское (собственно Галльское) племя, разрѣзанное пополамъ, осталось въ Шотландіи и Ирландіи и въ восточной Франціи (x).

Теорія Амедея Тьерри, построенная на остроумномъ, но иногда произвольномъ сопоставленіи древнихъ извѣстій съ новыми наблюденіями, нашла себѣ неожиданное подкрѣпленіе изъ сферы естественныхъ наукъ. Она заинтересовала извѣстнаго натуралиста *Вильяма Эдвардса* и вызвала появленіе его *письма къ Тьерри*, кото-

(x) Такимъ образомъ по Амедею Тьерри выходитъ (см. Histoire des Gaulois, I, 27) слѣдующее:

„Галлія уже давно была заселена многочисленною расою людей (Галлами, Кельтами Цезаря), когда появилась новая съ Сѣвера; направляясь къ берегамъ Океана, она перешла Рейнъ въ его нижнемъ и среднемъ теченіи. Эти новопришельцы прорываются сквозь народы, которые они встрѣчаютъ на своемъ пути и завоевываютъ мѣсто въ странѣ (Галліи). Когда потрясенія, произведенныя насильственнымъ завоеваніемъ улеглись, когда каждая изъ двухъ расъ окончательно осѣлась на занятыхъ мѣстахъ, гдѣ найдемъ мы ту и другую? – Такъ какъ нашествіе совершалось съ сѣв.-запада на югъ (новопришельцы перейдя Рейнъ дошли до по Ок. до Арморики и оттуда повернули на югъ), то завоеватели утвердились на обширныхъ равнинахъ, которыя располагаются между Океаномъ и восточными плоскогоріями и образуютъ въ Галльской топогра-

рое подтверждало его взглядъ (x)

Основываясь на данныхъ физіологіи, Эдвардсъ приходитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ Тьерри и тѣмъ подтверждаетъ теорію послѣдняго. Эдвардсъ объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Галловъ Тьерри. Исходя изъ всѣми теперь признаннаго принципа, что антропологическіе, характеристическіе признаки расы наслѣдственны, и что несмотря на внѣшнія нашествія туземная раса, обыкновенно преобладающая числомъ, сохраняетъ свой типъ, онъ отыскиваетъ потомковъ древнихъ Галловъ въ современныхъ жителяхъ Франціи и нашелъ 2 отличные другъ отъ друга типа. 1) Съ одной стороны обратило его вниманіе населеніе великорослое съ продолговатой головой и бѣлокурыми волосами; 2) съ другой порода людей средняго роста съ округленной головой и черными волосами. Эти два отличные другъ отъ друга типа заставили его предположить и въ прошломъ двѣ вѣтви кельтическаго племени, одна соотвѣтствующая первому типу совпадаетъ съ Кимрскою по Тьерри и является ея потомкомъ, а другая, соотвѣтствующая второму — соотвѣтствуетъ древне-Гальской.

фии очень опредѣленную (центральную) область. Завоеванная раса оттѣсненная къ югу и востоку удерживалась за цѣпями горъ, которыя идутъ одна за другою отъ Рейна до Оверни и за великими рѣками, тамъ гдѣ не оказывается горъ." Таковы именно приблизительно границы Кельтовъ и Белговъ по Цезарю и Страбону.

(x) Письмо это переведено на рус. яз. Т. Н. Грановскимъ подъ заглавіемъ „Письмо къ Тьерри о физіологич. признакахъ человѣч. породъ и ихъ отнош. къ исторіи" снабжено примѣчаніями переводчика

Исторія Ср. вѣковъ Часть II
Лекція 2. [illegible]

Наблюденія Эдвардса сами по себѣ правильны, были подтверждены позднѣйшими точными, и въ научномъ отношеніи болѣе методичными изслѣдованіями извѣстнаго антрополога <u>Брока</u> (<u>Paul Broca</u>). Эдвардсъ важнымъ признакомъ дѣленія считалъ ростъ; Брока собралъ статистическія данныя, относящіяся къ рекрутскимъ наборамъ во Франціи и оказалось, что случаи исключенія по <u>малорослости</u> въ однихъ департаментахъ встрѣчаются чаще чѣмъ въ другихъ. Вся Франція въ этомъ отношеніи можетъ быть подраздѣлена (такая карта и была составлена) на два пояса: одинъ изъ нихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ Бельгійской или Кимврійской Галліи Цезаря и Тьерри, а другой — заключаетъ всю центральную массу Франціи (отъ Альпъ къ Бретани) съ отличительнымъ признакомъ низкаго роста; между этими двумя поясами остается полоса съ населеніемъ средняго роста, надо думать вслѣдствіе смѣшенія расъ. Такимъ образомъ за небольшими географическими ограниченіями или поправками общая доктрина историка о двойственности Кельтскаго племени находила какъ бы блистательное антропологическое подтвержденіе. Кромѣ роста Эдвардсъ указывалъ еще на форму головы (разумѣя форму лица, а не черепа; наблюденіе основывалось на сравненіи наибольшей ширины лица съ разстояніемъ между мѣстомъ, гдѣ начинаются корни волосъ и оконечностью подбородка (длина лица): лицо Галловъ имѣло округленную форму, лицо Кимровъ овальную. Брока замѣнилъ этотъ пріемъ болѣе точнымъ способомъ <u>измѣренія черепа</u>, опредѣленіемъ такъ называемаго головного указателя. Въ него входятъ 2 вели-

См. въ I т. Сочиненій.)

чины а) переднезадній діаметръ отъ надпереносья къ наибольшей затылочной точкѣ, и в) поперечника наибольшей ширины головы (по направленію отъ уха къ уху). Отношеніе наибольшей ширины къ наибольшему переднезаднему разстоянію и есть головной указатель; на основаніи его всѣ черепа дѣлятся на длинные и короткіе и люди на долихокефаловъ (длинноголовыхъ) и брахикефаловъ (короткоголовыхъ). (x)

Возвращаясь къ теоріи Амедея Тьерри и наблюденіямъ Эдвардса и мы можемъ сказать, что эта научная классификація имъ не противорѣчитъ. Кимры оказываются долихокефалами, а Кельты, Галлы Тьерри брахикефалами. Что же касается до цвѣта волосъ, то и въ этомъ отношеніи мнѣніе А. Тьерри было подтверждено и Эдвардсомъ и Брока. Первый въ своемъ трудѣ о Галлахъ признаетъ ихъ отличительною особенностью черные волоса. Брока соглашается съ этимъ результатомъ наблюденій и признаетъ что въ одной области цвѣтъ волосъ болѣе темный нежели въ другой.

II

О племенахъ до-кельтскаго населенія Европы. Теорія Беллоге. — Иберы и Лигуры.

1. — Теорія Амедея Тьерри о двойственности Кельтской расы, подкрѣпленная естественно научными

(x) Формула такого черепнаго указателя получается такимъ образомъ: наибольшая ширина умножается на 100 и дѣлится на цифру переднезадняго разстоянія; результатъ и будетъ головной или черепной указатель, причемъ въ долихокефалах —

данными со стороны Эдвардса и Брока долго считалась неопровержимою и было во Франціи общепринятымъ, можно сказать оффиціальнымъ ученіемъ, хотя помимо разныхъ частныхъ недостатковъ, она оставляла совершенно не разъясненными причины такой существенной и коренной разницы между вѣтвями одного и того же племени. Возраженія дѣлались противъ нее и раньше, но они имѣли частный нерѣшительный характеръ – и только въ 60 годахъ она нашла себѣ сильнаго и компетентнаго противника въ лицѣ очень солиднаго ученаго – Беллоге. Работа его (къ сожалѣнію неоконченная за смертью автора) представляетъ весьма значительное изслѣдованіе о кельтской расѣ; и въ ней онъ энергично вооружается противъ теоріи Амедея Тьерри. (x) Укажемъ на сущность взгляда Беллоге.

Первый томъ его сочиненія занятъ филологическими изысканіями. Собравъ 320 древнекельтскихъ словъ и разобравъ ихъ отношеніе къ языкамъ двухъ кельтскихъ народовъ Ирландскаго и Валлійскаго, Беллоге нашелъ, что они могутъ быть объяснены и тѣмъ и другимъ при чемъ предполагать двойственность племенъ вовсе не нужно. Второй томъ изслѣдуетъ физіологическій типъ; сначала Беллоге устанавливаетъ основный

ныхъ черепахъ онъ будетъ числомъ меньше, чѣмъ въ брахикефальныхъ; длиною черепа называется направленіе отъ лба къ затылку. Формула: наибольшая ширина (помноженная на) x 100 (и дѣленная на) разст. передн. задн. См. Топинаръ, Антропологія, пер. под. ред. Мечникова, СПб. 1879. (стр. 224-25).

(x) Сочиненіе это озаглавлено: Roget de Belloguet. Ethnogénie Gauloi: ou memoires critiques sur l'origine et la parenté des Cimmériens, des Cimbres, des Ombres, des Belges, des Ligures et des anciens Celtes. (3 тома, 4ый неоконченный 1858-75 г.)

Сл.

анатомическій и историческій принципъ постоянства типовъ: только при скрещиваніяхъ типы прочно измѣняются и что только при многократномъ и продолжительномъ повтореніи ихъ, иначе они скоро возвращаются къ своему первоначальному виду. Доказавъ многочисленными историческими примѣрами свои положенія, Беллоге обращается къ внимательному разсмотрѣнію всѣхъ дошедшихъ до насъ, литературныхъ данныхъ о внѣшнихъ признакахъ древнихъ Галловъ и Кельтовъ, которые указываютъ на высокій ростъ, свѣтлые волосы и суровые глаза Галловъ (x) и на основаніи такого разсмотрѣнія приходитъ къ нижеслѣдующимъ очень интереснымъ выводамъ. Галлы первыхъ временъ были, по словамъ Беллоге, людьми высокаго роста съ очень сильными членами, съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи, съ волосами длинными и свѣтлыми даже красными, хриплымъ и угрожающимъ голосомъ, страшнымъ взглядомъ и глазами, вѣроятно, голубыми. Отличаясь большой мускульной силой и яростною стремительностью въ нападеніяхъ, они однако не имѣли достаточной энергіи, чтобы выдерживать долгій бой, и имъ не хватало бодрости и терпѣнія, чтобы переносить утомленіе и тяжелый трудъ. Конечно все это черты поверхностныя, мѣняющіеся съ климатомъ, пищею и успѣхами цивилизаціи, однако онѣ даютъ возможность отличать Галловъ отъ другихъ южныхъ народовъ и даже сдѣлать нѣкоторыя весьма важныя заключенія.

1) Физическія черты, приписываемыя древними Галльской расѣ вездѣ однѣ и тѣже въ Бельгіи и въ

(x) Procera corpora, flava caesaries, truces oculi.

центръ Транзальпинской Галліи, при подошвѣ Аппенинъ, въ Бретани и въ малоазіатской Галатіи мы обнаруживаютъ одинъ и тотъ же типъ. Это единство типа, поддерживаемое литературными извѣстіями древнихъ авторовъ и изображеніями Галловъ въ художественныхъ памятникахъ древности, имѣетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ признаніе полнаго тождества расы. Такимъ образомъ физіологія подобно филологіи отрицаетъ знаменитый галльскій дуализмъ Амедея Тьерри и различеніе между Кимрами и Галлами превозглашенное Эдвардсомъ, которое принято было, какъ членъ научнаго символа вѣры (article de foi) французскими учеными, хоть онъ и не извѣстенъ былъ древнимъ.

2) Но совпадая въ одномъ съ выводами филологіи, физіологія противорѣчитъ ей въ другомъ отношеніи при сравненіи между собою не Кельтовъ и Белговъ Цезаря, а Кельтовъ вообще съ ихъ сосѣдями Германцами. Языкъ доказываетъ различіе Германской расы и Галльской; а между тѣмъ не возможно отрицать сходство ихъ физическихъ типовъ - такимъ образомъ физіологія сближаетъ два племени, раздѣляемыя языкомъ. Наружность и тѣлесное строеніе Германцевъ по всѣмъ даннымъ очень походитъ на антропологическ. типъ Галловъ, Германцы обладаютъ, можетъ быть, лишь еще болѣе свѣтлыми волосами и большею выносливостью въ бою и трудѣ. И вотъ Галлы къ великому удовольствію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые настаивали на происхожденіи ихъ отъ Германцевъ, готовы превратиться въ Германцевъ.

3) Третій выводъ, наконецъ, очень замѣчательный

заключается въ констатированіи факта - полнаго исчезновенія галльскаго типа (такого какъ его описали древніе) въ 3/4 Франціи. Лучше всего онъ сохранился въ Бельгіи и Фландріи - что объясняется вліяніемъ германскаго элемента. Въ большей же части Франціи возобладалъ совсѣмъ противоположный южный типъ. Но какимъ же образомъ исчезъ этотъ типъ, бывшій предметомъ постоянныхъ наблюденій древнихъ? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ Беллоге перешелъ, какъ онъ говоритъ „изъ академіи наукъ въ академію художествъ" и дополняетъ свои наблюденія разсматриваніемъ изображеній Галловъ на разныхъ древнихъ медаляхъ и монетахъ. Благодаря сличенію этихъ художественныхъ памятниковъ и особенно благодаря одной знаменитой бронзовой медали, найденной въ Римини, (Aes grave Ariminium), съ изображеніемъ Галла, а также при помощи изученія изображенія Галловъ въ римской скульптурѣ (x) Беллоге доказалъ, что кимрскій типъ Тьерри и Эдвардса есть тотъ самый типъ, который у древнихъ считался принадлежностью Галловъ (xx), т. е. единственный засвидѣтельствованный историческимъ преданіемъ кельтскій типъ, исчезнувшій почти въ населеніи Франціи.

(x) Вспомнимъ напр. знаменитаго Капитолійскаго Галла извѣстнаго подъ именемъ Умирающаго Гладіатора, извѣстную группу Вилла Людовизи съ Галломъ, убивающимъ жену и себя, и цѣлый рядъ изображеній Галловъ въ очень извѣстномъ подаркѣ царя Пергамскаго Аттала.

(xx) На этой медали, найденной въ той области, гдѣ ни Тьерри, ни Эдвардсъ никакъ не предполагали присутствія Кимвровъ, а допускали однихъ только племя Галловъ, изображенія представляютъ ту же характерную внѣшность, то же продолговатое лицо и тѣ же признаки, о которыхъ свидѣтельствуютъ авторы: длинная голова, лобъ, немного подающійся назадъ, соединяется сверху прямой линіей

Кур-

Выводъ Беллоге о единствѣ галльскаго или кельтскаго типа долженъ быть признанъ во всей силѣ. И раньше Беллоге и нѣкоторые ученые находили противорѣчіе между описаніемъ Кельтовъ у древнихъ (большой ростъ, продолговатая голова, лимфатическое сложеніе, голубые глаза и бѣлокурые волосы) съ типомъ новыхъ Французовъ (средній ростъ, овальная голова, нервное сложеніе, черные глаза и волосы). Но Беллоге принадлежитъ та заслуга, что онъ выставилъ противорѣчіе наиболѣе рѣзкимъ и научнымъ образомъ, показавъ, что болѣе 2/3 Французовъ, считающихъ себя потомками Кельтовъ не подходятъ на возстановленный научно портретъ Галла, т.е. не обнаруживаютъ кельтическаго типа.

Какъ же объяснить теперь исчезновеніе этого сѣвернаго галльскаго типа и преобладаніе среди Французовъ типа южнаго? По мнѣнію Беллоге нынѣшніе Французы происходятъ не отъ Кельтовъ, а отъ Лигуровъ и отчасти отъ Иберовъ, которые населяли западныя части Европы раньше прибытія Кельтовъ. Лигурійская раса когда-то занимала большую часть Франціи и хотя была впослѣдствіи покорена Кельтами, но сохранила преобладающее этнографическое значеніе и повліяла на исчезновеніе сѣверокельтическаго типа, который сохранился лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ было воздѣйствіе германскаго элемента. Къ аналогическому выводу въ изслѣдованіи даннаго вопроса приходятъ и новѣйшіе антропологи. Такъ взглядъ Беллоге о не арійскомъ про-

---

съ носомъ безъ замѣтнаго углубленія при его началѣ; самая форма носа представляется слегка изогнутою и конецъ его круто загнутымъ къ низу, губы — верхняя и нижняя — касаются на одной линіи въ [illegible], наконецъ, подбородокъ круглый и рѣзко обозначенный.

происхожденіи Французовъ не понравилось некоторымъ французскимъ ученымъ — націоналистамъ, и самый видный представитель ихъ и кельтоманъ Анри Мартэнъ возсталъ противъ него. Онъ считаетъ излишнимъ введеніе въ вопросъ Лигурійскаго племени, находя, что оно лишь запутываетъ вопросъ. Онъ предпочитаетъ предположеніе объ участіи другихъ арійскихъ племенъ въ образованіи племеннаго типа Французовъ. Такъ смѣшивая названіе Венетовъ, которые жили въ обѣихъ Британіяхъ и на Адріатикѣ съ Венедами, прибалтійскимъ племенемъ славянскаго происхожденія, онъ говоритъ, что Кельты изъ Азіи увлекли за собою другія арійскія племена, между прочимъ и славянъ, съ языкомъ которыхъ, французскій языкъ имѣетъ много родственныхъ словъ, и кровь которыхъ отчасти течетъ въ жилахъ Французовъ. Такимъ образомъ Мартэнъ предпочитаетъ родство со Славянами родству съ Лигурами. Но мнѣнія его мало основательны, и вытекаютъ просто изъ желанія опровергнуть непріятную для него мысль о неарійскомъ происхожденіи Французовъ.

Несомнѣнно, что большая часть Французовъ не потомки древнихъ Галловъ или Кельтовъ. Во Франціи лигурійскій и иберскій типъ одержалъ верхъ. Такъ дѣло обстоитъ съ физіологической стороны; что же касается до нравственной стороны Французовъ, то пусть Французы являются по своему нравственному типу и темпераменту прямыми наслѣдниками Галловъ: они подвижны, непостоянны, склонны къ быстро проходящимъ увлеченіямъ, пристрастны къ внѣшнему блеску и къ военной славѣ. Такіе серьёзные мыслители какъ Токвилль и Мишле признают сходство Французовъ съ Кельтами по характеру. Беллоге, встрѣчаясь съ

съ этимъ противорѣчіемъ, легко обходитъ его, замѣчая, что нравственная природа Французовъ сходная съ чертами характера Кельтовъ, имѣетъ въ себѣ однако черты другихъ прародителей.

Во всякомъ случаѣ книга Бельлоге составляетъ эпоху въ исторіографіи разсматриваемаго вопроса, и его основныя положенія мало измѣнились даже и послѣ блестящихъ изслѣдованій Брока. Не имѣя возможности излагать и подробно разбирать взгляды Брока, я скажу только, что онъ хоть и думаетъ поддерживать теорію Амедея Тьерри, но на самомъ дѣлѣ лишь удерживаетъ его терминологію, а по существу гораздо болѣе подходитъ къ выводу Бельлоге, напримѣръ, когда онъ характеризуетъ своихъ Кельтовъ въ противоположность Бельгамъ совершенно тѣми же антропологическими чертами, какими Бельлоге описываетъ своихъ Лигуровъ. (х) Я долженъ также оставить въ сторонѣ разныя другія теоріи, пытающіяся освѣтить вопросъ, нужно ли понимать различія физіологическія и филологическія, которыя замѣчались въ древнѣйшемъ населеніи западныхъ частей Европы и остановиться, какъ на несомнѣнно очень вѣроятныхъ, на выводахъ Бельлоге, съ которыми въ существѣ вопроса не расходятся заключенія Брока.

(х) Его Кельты, короткоголовые и черноволосые, въ противоположность длинноголовымъ бѣлокурымъ Бельгамъ, являются расою смѣшанною т. е. воспринявшую, вслѣдствіе постояннаго и продолжительнаго скрещиванія, значительную часть физіологическихъ особенностей Лигурійской расы, которая пришла откуда-то изъ за Альпъ заняла Галлію раньше Кельтовъ и послѣ прибытія послѣднихъ подчинила ихъ, хоть и подчиненной своему антропологическому типу. См. подробности въ выше названной статьѣ В. Г.

В Куш...

Я повторю вмѣстѣ съ ними:

1) что Галлы или Кельты, длинноголовая бѣлокурая раса сѣвернаго типа явилась въ Европѣ и въ частности въ Галліи и Британіи не первоначальными жителями, а лишь позднѣйшими пришельцами и завоевателями.

2) что болѣе древнею этнографическою основою первоначальнаго населенія западныхъ и южныхъ частей Европы была другая раньше пришедшая короткоголовая черноволосая раса, хоть и завоеванная Кельтами, но подчинившая ихъ вполнѣ своему физіологическому типу.

Такимъ образомъ при самомъ бѣгломъ разсмотрѣніи Кельтскаго вопроса мы сейчасъ же убѣждаемся, что имъ не разрѣшается вопросъ о первоначальномъ населеніи Европы, а легко обнаруживается необходимость предполагать существованіе какъ-бы подъ Кельтскимъ - другого древнѣйшаго слоя населенія разсматриваемыхъ странъ. Каковъ же былъ составъ этого древнѣйшаго слоя? Многіе выдвигаютъ Лигуровъ, другіе называютъ Иберовъ. Чтобы выяснить дѣло, намъ надо коснуться этого Иберо-Лигурійскаго вопроса.

2.- Память объ Иберахъ сохранилась въ названіи Иберійскаго полуострова, но въ незапамятной древности они заселяли гораздо болѣе обширное пространство: они покрывали значительную часть южной Галліи между Пиренеями и Гаронной.- Это видно изъ словъ Цезаря, дополняемыхъ (какъ это часто бываетъ) разъясненіями Страбона.

Цезарь въ приведенномъ выше текстѣ говоритъ, что одну изъ трехъ частей Галліи занимаютъ Аквитаны

Васильевскаго, стр. 121 и слѣд.

прибавляя что Аквитанія простирается отъ Гаронны до Пиренеевъ (De bell Gall I, 1;) Страбонъ (Geog. IV, 4) поясняетъ очень отчетливо что Аквитаны отличаются отъ прочихъ жителей Галліи (т. е. отъ Кельтовъ и Белговъ) не только языкомъ, но и тѣлосложеніемъ и учрежденіями, и болѣе похожи на Иберовъ (испанскихъ) чѣмъ на Галловъ.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ извѣстій легко можно вывести, что древніе принимали Аквитановъ за Иберовъ и что нужно отнести къ Иберійскому племени древнѣйшее населеніе Южной Галліи.

— Къ указаннымъ древнимъ текстамъ объ Иберахъ надо присоединить еще извѣстія Өукидида и Тацита. Эти два писателя указываютъ и другія мѣстности заселенны Иберами. Өукидидъ (VI, 2) говоритъ, что Сиканы, занимавшіе въ древнее время Сицилію, были собственно Иберы, вытѣсненные изъ своего первоначальнаго мѣста жительства восточной Испаніи — обрушившимися на нихъ Лигурами. — Тацитъ же (Agric. 11) утверждаетъ что Иберы находились и въ Британіи: имено иберійскимъ онъ называетъ племя Силуровъ, обитавшихъ въ Валлисъ. Тацитъ даетъ и внѣшнюю характеристику ихъ по которой у нихъ оказывается темный цвѣтъ лица и курчавые волосы.

Иберійское племя несомнѣнно древнѣе Кельтскаго; оно, можетъ быть, заселяло значительную часть Галліи до прибытія этихъ послѣднихъ и лишь постепенно оттѣснено было ими въ южную часть Галліи, а потомъ и за Пиренеи; Кельты, оставляя Иберамъ къ сѣверу отъ Пиренеевъ, высокая, недоступныя долины, откуда они впослѣдствіи опять спустились въ долину Гаронны, послѣдовали за ними и въ Испанію — перешли

Пиренеи, и между этими горами и Эбро образовался постепенно смѣшанный народъ Кельтиберовъ.

Во всякомъ случаѣ извѣстія древнихъ говорятъ объ очень широкомъ распространеніи Иберовъ на Югозападѣ Европы. — Что это за племя? Каково его происхожденіе и родство? — Какъ проникло оно въ Европу? Пришло-ли оно изъ Африки черезъ Гибралтарскій проливъ и оттуда распространилось на сѣверъ и лишь потомъ оттѣснено было на югъ Кельтами? — или пришло оно раньше, чѣмъ попасть въ Галлію и Испанію, весь Европейскій материкъ войдя въ него изъ Азіи и оставивъ на Кавказѣ (который также имѣетъ свою Иберію) часть своихъ странствующихъ ордъ?

Рѣшеніе этого вопроса (очень сложнаго и труднаго) облегчалось-бы если бы можно было наблюдать какой нибудь болѣе или менѣе чистый сохранившійся до сихъ поръ остатокъ древняго племени Иберовъ. — Такой остатокъ по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ существуетъ: они находятъ его въ Баскахъ, небольшомъ племени, живущемъ въ Пиренеяхъ по обоимъ склонамъ этихъ горъ, въ глубокихъ долинахъ Наварры и Беарна. Во времена Меровинговъ они населяли кромѣ того и нынѣшнюю Гасконь, которая тогда называлась Vasconia — слово тождественное съ именемъ Басковъ. Сами себя Баски называютъ Эускалдунами, (Euskal dunac) и свой языкъ эускарою. Это племя (числомъ около 600 тысячъ душъ) сохранившееся въ отдаленномъ захолустьѣ Европы представляетъ изъ себя вымирающій остатокъ постепенно исчезающій обломокъ какой-то глубокой древности.(x). Особое вниманіе обращаетъ на себя именно я-

(x) О Баскахъ см. 1) Wilh. Humboldt, Prüfung der Untersuchungen über

зыкъ Басковъ, отличающійся своимъ строеніемъ отъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ. Знаменитый Вильгельмъ Гумбольдтъ первый воспользовался этимъ языкомъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о первоначальныхъ жителяхъ Испаніи. Изучая географическія имена мѣстностей — урочищъ, горъ, рѣкъ и городовъ древней Испаніи пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Названія мѣстностей Пиренейскаго полуострова принадлежатъ къ двумъ различнымъ языкамъ. 2) Первая группа именъ относится къ мѣстностямъ, гдѣ жили Кельты, и легко объясняется языкомъ кельтскимъ (кимрскимъ, гальскимъ) и сходствомъ географическихъ названій другихъ кельтскихъ странъ. — 3) Другая группа именъ принадлежащихъ къ областямъ, которыя были заняты Иберами, также легко объясняется языкомъ Басковъ, такъ что нельзя и сомнѣваться въ тождествѣ Басковъ съ древними Иберами. 4) Иберійскія имена мѣстностей кромѣ Испаніи встрѣчаются еще на югѣ Галліи, въ Италіи и по берегамъ Средиземнаго моря. 5) Иберійскія названія самыя древнія, такъ что, гдѣ они являются съ Кельтскими, они свидѣтельствуютъ о томъ, что Кельты были позднѣйшими поселенцами. Таковы выводы Гумбольдта о языкѣ и національности Басковъ.

die Urbewohner Hispaniens vermittelst der baskischer Sprache (Berl. 1821); 2) Bladé. Études sur l'origine des Basques. P. 1869; 3) Vinson. La question ibérienne, P. 1873; — 4) Luchaire. De lingua aquitanica, 1876 (латинская диссертація); — 5) Philipps, статьи о Баскахъ въ Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wiss. за 70-ые годы. Краткія обобщенныя свѣдѣнія находимъ въ указанной статьѣ В. Г. Васильевскаго.

Иза

Взгляды нѣмецкаго ученаго показались недостовѣрными и были подвергнуты критикѣ со стороны нѣкоторыхъ французскихъ изслѣдователей (напр. Bladé и Vinson); они утверждали, что нельзя сказать ничего опредѣленнаго ни о происхожденіи басковъ, ни объ языкѣ Иберовъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Гумбольдтъ дѣйствительно, вѣроятно, увлекался, но основное положеніе его, нужно думать, вѣрно. Оно было подтверждено новѣйшими работами Люшера и Филлипса. Продѣлавъ сызнова топонимическую работу Гумбольдта со всею строгостью истиннаго этимологическаго метода, т. е., предварительно изучивъ добросовѣстнымъ образомъ, съ одной стороны, законы образованія современной географической номенклатуры, а съ другой стороны - фонетическіе законы и словарь языка басковъ, Люшеръ считаетъ себя въ правѣ выставить слѣдующее положеніе: „Во время Страбона, Плинія и Птолемея, на обоихъ склонахъ Пиренеевъ, на берегахъ Гвадалквивира, Тахо и Эбро уже существовали мѣстности съ наименованіями баскскими. Почему же нельзя будетъ допустить совершенно логическаго заключенія, что область эускары была нѣкогда болѣе обширна, чѣмъ нынѣ, что она обнимала по крайней мѣрѣ двѣ трети Испаніи и значительную часть южной Галліи. Замѣтимъ, что тутъ нѣтъ рѣчи ни объ Иберахъ, ни о Лигурахъ, ни объ иберійской нумизматикѣ, а дѣло идетъ объ одномъ простомъ фактѣ лингвистики, которую не могутъ подвергнуть подозрѣніямъ, ни увлеченія послѣдователей Гумбольдта, ни всѣ насмѣшки его болѣе или менѣе добросовѣстныхъ противниковъ." Чтобы характеризовать методъ Люш-

ра, возьмемъ одно изъ несомнѣнныхъ коренныхъ словъ эускари, наиболѣе легко узнаваемое въ древней географической номенклатурѣ. На языкѣ Басковъ iri (съ переходомъ въ ili, uri) значитъ городъ, населенное мѣсто, berri значитъ новый. Затѣмъ въ области древнихъ Иберовъ мы находимъ города: Illi-beris въ Руссильонѣ (теперь Elne) Elimberre въ Гаскони (теперь Auch), Illiberis въ Андалузіи, Римской Бэтикѣ (теперь Гранада). Уже этихъ трехъ именъ, ради примѣра взятыхъ въ трехъ крайнихъ оконечныхъ пунктахъ господства древнихъ Иберовъ, достаточно для того, чтобы установить фактъ распространенія языка Басковъ въ Андалузіи, Гаскони и Руссильонѣ. Нужно прибавить, что Филиппсъ такихъ Иберійскихъ „новъ-городовъ" насчиталъ до 46ти.

По своему строю языкъ Басковъ очень отличается отъ европейскихъ (особенно арійскихъ языковъ). Это языкъ не флективный, агглютинирующій (x). На такихъ агглютинирующихъ языкахъ говорятъ — краснокожія племена Америки и финскія народцы сѣв. Европы и Азіи.

Пораженный сходствомъ эускарійскаго языка съ языкомъ американскихъ краснокожихъ, Гумбольдтъ увлекся въ своихъ гипотезахъ: онъ сталъ мечтать объ американскомъ происхожденіи Басковъ и такъ какъ надо было построить мостъ между Америкой и Европой, то онъ вспомнилъ и возобновилъ въ наукѣ преданіе о таинственной землѣ Атлантиды, которая нахо-

(x) т.е. не обладающій способностью измѣнять окончанія словъ для выраженія формъ склоненія и спряженія, а образующій отношенія рода, наклоненія и т.д. путемъ особыхъ присоединяющихся къ главнымъ

дилась будто бы въ незапамятныя времена между двумя великими материками. (х)

Гипотеза эта интересна конечно только какъ смѣлое увлеченіе великаго ученаго. Гораздо болѣе плодотворно другое сближеніе, именно сопоставленіе языка Эускары съ тѣми многочисленными финско-угорскими языками, на которыхъ говорятъ и до сихъ поръ народы, населяющіе обширныя сѣверныя пространства Европы и Азіи отъ Скандинавскаго полуострова до Камчатки. На основаніи этого сходства можно было какъ-бы протянуть цѣпь отъ Басковъ къ Финскому сѣверу (что въ географическомъ отношеніи гораздо легче чѣмъ связать ихъ съ новымъ свѣтомъ). Далѣе, если мы перенесемъ выше приведенныя данныя о языкѣ нынѣшнихъ Басковъ на языкъ древнихъ Иберовъ, то окажется, что древніе Иберы говорили агглютинирующимъ языкомъ и стало быть родственны Финнамъ.

Тогда построится такая картина: Въ незапамятныя времена, гораздо раньше Кельтовъ, изъ Азіи (проходя черезъ Уралъ или черезъ Кавказъ или обоими путями) большой потокъ финско-угорскихъ племенъ распространился въ Европѣ и проникъ до самыхъ далекихъ юго-западныхъ ея окраинъ, оставляя населеніе на всемъ протяженіи пути. — Впослѣдствіи Кельты и потомъ Германцы, войдя также изъ Азіи въ предѣлы Европы, врѣзались въ середину этихъ первоначальныхъ племенъ и разсѣкли ихъ массу пополамъ, оттѣсняя однихъ къ Ледовитому океану на сѣверо-востокъ, другихъ къ Пиренеямъ на юго-

(х) О ней говорилъ еще Платонъ и упоминали другіе писатели. — Объ этой Атлантидѣ равно какъ и обо всѣхъ извѣстіяхъ древнихъ писателей по вопросу о первонач. населеніи Европы смот. интер. сочиненіе D'Arbois de Jubainville. Les premiers habitants de l'Europe 2 éd. I 1889 г.

[illegible]

западъ. Если таковъ былъ путь Иберовъ, то они могли очень рано уже быть на такихъ мѣстахъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія, и гдѣ Баски являются ихъ послѣдними слѣдами. Они могли подъ вліяніемъ дѣйствія климата выработать въ себѣ нѣкоторые черты южныхъ народовъ (смуглый цвѣтъ кожи, сухое сложеніе, не высокій ростъ) или даже сохранить его отъ до историческихъ временъ своего азіатскаго происхожденія. Затѣмъ, если мы гипотетически допустимъ тожество или даже родство Иберовъ съ ихъ сосѣдями Лигурами, то выйдетъ, что значительная часть первобытнаго населенія юго-западной Европы говорили не арійскимъ языкомъ – стало быть были не индоевропейскаго происхожденія и может быть принадлежали къ той же самой финской семьи, отдѣльныя отросли которой населяютъ и до сихъ поръ сѣверо-восточную Европу, уходя далеко въ глубь Азіи.

Во всякомъ случаѣ всѣ ученые теперь допускаютъ широкое распространеніе финскихъ племенъ во всей Европѣ (къ сѣверу отъ Альпъ) въ эпоху, предшествующую кельто-германскому періоду; а многіе даже и не сомнѣваются въ этомъ. Такъ напримѣръ французскій натуралистъ Катрфажъ, изучая краніологію, доказывалъ, что населеніе Пруссіи финскаго и славянскаго происхожденія. Да и современные очень патріотическіе нѣмецкіе ученые напримѣръ Вирховъ (x) признаетъ, что въ Германіи нѣкогда жило Финское племя и что финская кровь несомнѣнно течетъ въ жилахъ значительной массы нынѣшнихъ Нѣмцевъ.

Такимъ образомъ мы можемъ предположить, что

(x) См. его статью Urbevölkerung Europas, которая была переведена на русскій языкъ въ журн. Знаніе.

область Эускарии распространялась на всю западную Европу до встречи по востоке съ Финскими племенами. Отсюда слѣдуетъ родство Басковъ (или древнихъ Иберовъ) съ Финнами; но нѣкоторыя сомнѣнія препятствуютъ полной увѣренности вывода. Баски хотя и говорятъ подобно Финнамъ агглютинирующимъ языкомъ, однако физiологически рѣзко отличаются отъ нихъ: Баски долихокефалы между тѣмъ какъ Финны обыкновенно считаются брахикефалами. Впрочемъ раскопки самаго послѣдняго времени показали, что народы угорской семьи длинноголовы, и что даже собственно Финны не принадлежатъ къ одному физiологическому типу: если финляндскiе Финны короткоголовы, то другiе зато долихокефалы (x)

Такимъ образомъ есть возможность принять, что Иберы составляли важный элементъ въ до кельтскомъ населенiи западныхъ частей Европы и предположить, что племя это было не арiйское, а, можетъ быть финнское.

3.– Для дополненiя полученной картины обратимся къ Лигурамъ. (xx)

Въ древнiя времена раньше утвержденiя Кельтовъ этотъ народъ занималъ обширное пространство въ южной Францiи и сѣверной Италiи. Западною границею ихъ въ эпоху вполнѣ историческую была рѣка Рона но они заходили и на правый берегъ ея, образуя въ Лангедокѣ смѣшанное населенiе Иберо-Лигуровъ. На сѣверъ они простирались до Севеннъ и Швейцарскихъ Альповъ; на югъ спускались

(x) См. статью Ешмачева, Къ археологiи и антропологiи Ильменскаго бассейна. Ж. Мин. Нар. Пр. 1881 г. Апр. и Май.

(xx) Многочисл. преданiя о нихъ и сводъ извѣстiй древнихъ писателей смотр. въ выше названной книгѣ Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe.

въ Италію и жили тамъ по берегамъ залива и до сихъ поръ называющаюся Лигурійскимъ, также въ нынѣшнемъ Пьемонтѣ, по склонамъ Апеннинъ даже до береговъ Адріатическаго моря и въ Сардиніи. По указанію Авіэна въ „Ora maritima" и по свидѣтельству Артемидора (около 110 г. до Р. Х.) Лигуры обитали и въ области рѣки Луары. Геллоге находитъ Лигуровъ въ Британіи и сопоставляетъ названіе Логры (названіе жителей юго-восточной части острова) съ именемъ Лигуровъ. Лигуровъ же онъ склоненъ видѣть въ упомянутыхъ Силурахъ Тацита, которые жили въ Британіи; онъ же обращаетъ вниманіе на извѣстіе Евклида, который отыскиваетъ Лигурійское населеніе рядомъ съ Иберійскимъ въ самой Испаніи. Вообще по мнѣнію Геллоге Лигуры южная раса, состоявшая въ родствѣ съ сѣверо африканскими Гетулами, и очень распространенная въ древнѣйшія времена въ западной Европѣ.

Нѣкоторые ученые отождествляютъ Лигуровъ съ Иберами. Это было бы очень удобно, такъ какъ такимъ образомъ объединялось бы представленіе о происхожденіи древнѣйшихъ жителей Европы. Но возраженіемъ противъ такого предположенія можетъ служить уже то, что лучшіе писатели древности всегда отличали разницу между обоими народами и указывали ихъ границы; кромѣ того отсутствіе въ мѣстахъ лигурійскаго населенія названій съ характеристическими эускарійскими корнями iri и berri указываетъ на различіе языковъ, на которыхъ должны были говорить эти два народа. Къ сожалѣнію, впрочемъ, отъ Лигурійскаго языка не осталось никакихъ слѣдовъ, и вопросъ о филологическомъ родствѣ языковъ Иберовъ и Лигуровъ остается неразъясненнымъ.

По физіологическому типу они, нужно

думать, также различны. Представители Лигурійскаго племени, сохранившиеся до нашихъ дней — <u>Сарды</u> короткоголовы, между тѣмъ какъ мы видѣли, представители иберійскаго Баски — длинноголовы. Такое различіе между Иберами и Лигурами предостерегаетъ насъ противъ излишняго увлеченія финскою теоріею, которая представляется очень заманчивою и подходящею для объясненія происхожденія не арійскихъ элементовъ въ европейскомъ населеніи. Если бы можно было съ достовѣрностью принять нынѣшнихъ Сардовъ за потомковъ предполагаемаго первоначальнаго населенія Европы Финско-Туранскаго племени съ сохранившимся физіологическимъ типомъ предковъ, а Басковъ за ихъ потомковъ съ сохранившимся языкомъ, но измѣнившимся подъ вліяніемъ климата и смѣшенія съ Арійцами физіологическимъ типомъ, — то эта теорія была бы гораздо прочнѣе и разрѣшала бы вопросъ удовлетворительно.

Но и теперь пугаться финской теоріи нечего: нѣкоторые даже французскіе ученые признаютъ, что въ жилахъ многихъ французовъ течетъ не арійская, а туранская (въ частности Лигурійская) кровь, и что туранскимъ типомъ является даже типъ бретанскій, типъ національнаго героя, Бертрана Дюгеклена.

Въ дальнѣйшія подробности, связанныя съ даннымъ пунктомъ, мы вдаваться не будемъ и скажемъ въ результатѣ, что можно утверждать съ достовѣрностью, что кельтскому населенію въ западныхъ частяхъ Европы предшествовало древнѣйшее <u>иберо-лигурійское</u>, каково бы ни было по своему происхожденію. (x)

(x) Аналогичныя заключенія по вопросу о до-кельтскомъ населеніи

Древнѣйшiе слои населенiя Западной Европы (преимущественно Францiи) по даннымъ доисторической археологiи.

1.

Значенiе доисторической археологiи. Краткiй очеркъ ея развитiя.

Вопросъ о первоначальномъ населенiи Западной Европы т. е. объ отношенiи Кельтовъ къ предшествовавшимъ имъ въ Европѣ расамъ, не остановился на выводахъ Беллоге и другихъ ученыхъ съ достовѣрностью доказавшихъ, что Кельты уже застали Европу заселенною и вѣроятно не одною, а нѣсколькими расами, изъ которыхъ ясно намѣчаются по крайней мѣрѣ двѣ - иберiйская и лигурiйская. Оказалось что рѣшить задачу о первобытныхъ обитателяхъ Европы не такъ легко, что по мѣрѣ накопленiя разнороднаго матерьяла и сосредоточенiя вниманiя изслѣдователей на данномъ вопросѣ, обнаруживается такая масса темныхъ пунктовъ, что для выясненiя ихъ дѣлается необходимымъ допустить существованiе не одного только до Кельтскаго этнографическаго слоя въ населенiи Европы, но нѣсколькихъ самостоятельныхъ послѣдовательныхъ наслоенiй.

населенiи можно сдѣлать изъ разсмотрѣнiя данныхъ, сообщаемыхъ англiйскими учеными на основанiи изслѣдованiя слѣдовъ первоначальнаго населенiя Британскихъ острововъ. См. въ статьѣ В. Г. Васильевскаго стр. 126-131. - Разбирается вопросъ въ книгахъ 1) Pike, The English and their origin, 1866; 2) Nicholas, Pedigree of the english people. 2 ed., Lond. 1868; 3) Elton, Origins of english history. Lond. 1882. - Для иллюстрацiи вопроса

Въ этой области изученія жизни народовъ Европы въ давно минувшія времена сѣдой древности, на помощь филологіи и исторіи должна прийти наука, недавно еще родившаяся, юная, но уже успѣвшая внести въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній весьма цѣнные вклады - это до-историческая археологія (x), имѣющая предметомъ изученія вещественныхъ памятниковъ исторической жизни и культуры народовъ съ цѣлью опредѣленія ихъ быта въ древнѣйшія времена. Вещественные памятники эти (оружіе, орудія, утварь, украшенія, остатки костей людей и животныхъ, остатки пищи и жилищъ и т. п.) находились въ землѣ случайно и привлекали любопытство наблюдателей уже давно; но ученые сравнительно недавно съ небольшимъ полвѣка, пришли къ твердому сознанію возможности пользоваться ими научно для воспроизведенія картины жизни тѣхъ отдаленныхъ періодовъ исторіи человѣчества, отъ которыхъ не только не осталось никакихъ письменныхъ документовъ, но даже никакихъ устныхъ воспоминаній, и только съ тѣхъ поръ памятники эти стали собираться планомѣрно, внимательно классифицироваться и систематически изучаться. - До сихъ поръ еще, что вытекаетъ изъ самой небольшой давности работъ, изслѣдованія до-исторической археологіи не могутъ счи-

о расахъ интересенъ этюдъ С. В. Ешевскаго „О значеніи расъ въ исторіи (См. въ 1 т. его сочиненій.)

(x) Терминъ этотъ, конечно, неточный и условный. Онъ имѣетъ въ виду дать понятіе о такой глубокой древности, въ которую не такъ давно не смѣла заглядывать исторія, и отъ которой не могло сохраниться ни одного изъ тѣхъ памятниковъ, на которыхъ до появленія такихъ археологическихъ работъ только и основывалось историческое повѣствованіе.

таться вполнѣ достовѣрными и выводы ея незыблемо твердыми. Ей не удалось еще вырости въ стройную систему. Нужно также отмѣтить, что многіе представители этой науки допустили себя до излишнихъ увлеченій, чѣмъ скомпрометировали до извѣстной степени свою науку и вызвали реакцію скептицизма, настолько же неправильную, какъ неправильны были неумѣренныя увлеченія; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно: 1) что до-исторической археологіи удалось заглянуть въ такую отдаленную глубину временъ, которая раньше казалась навсегда закрытою отъ взоровъ историка; 2) что дѣятели ея отыскали, собрали и классифицировали массу матерьяла, который послужитъ твердою основою для дальнѣйшихъ изслѣдованій, 3) что эта новая отрасль знанія привела къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе прочнымъ положеніямъ относительно общаго хода первобытной культуры человѣчества.

Такъ, прежде всего нужно сказать, что до-исторической археологіи удалось на основаніи сравненія изучаемаго матерьяла, находившагося въ раскопанныхъ могилахъ и другихъ мѣстонахожденіяхъ, и на основаніи опредѣленія ихъ сравнительной древности составить общее представленіе о главныхъ фазахъ, которыя проходило послѣдовательно человѣчество въ первобытныя времена своей исторической жизни. Изслѣдуя древнѣйшіе остатки первоначальной жизни исчезнувшихъ или переродившихся народовъ, до-историческая археологія различаетъ три главные періода или три главныя ступени въ первобытной культурѣ, называемые вѣками(x)

(x) Слово „вѣкъ" тутъ понимается очень не опредѣленно: онъ можетъ [illegible] и нѣсколько тысячелѣтій, смотря по обстоятельствамъ.

I) Каменный вѣкъ - древнѣйшій періодъ - въ которомъ, какъ увидимъ, между прочимъ, находились первоначальные обитатели Европы въ то время, какъ стали прибывать туда изъ Азіи переселяющіяся орды предшественниковъ Арійцевъ, и который далеко былъ оставленъ Арійцами позади, когда они стали проникать въ Европу. Это далекій періодъ, который переживали когда-то всѣ теперь высоко-культурные народы, пока не научились еще ковать металлы. Они довольствовались тогда употребленіемъ въ видѣ оружія для добыванія пищи и для защиты и орудій для домашняго обихода каменными грубо сдѣланными предметами и костями т.е. ограничивались для выдѣлки „культурныхъ предметовъ" наиболѣе простымъ матерьяломъ, легко находимымъ и не требующимъ большаго искусства и знанія для элементарнаго приспособленія къ элементарнымъ же нуждамъ. Грубости культурнаго матерьяла въ это время должна была соотвѣтствовать и грубость быта - полуоседлаго, бродячаго, звѣроловнаго, и медленность прогресса съ трудомъ совершавшагося посреди жестокой борьбы „дикаго" человѣка за существованіе съ непобѣжденною, сильною и грозною природою и жестокимъ и страшнымъ кровожаднымъ животнымъ царствомъ. Но и внутри каменнаго вѣка должно было происходить постепенное развитіе, которое оставило слѣдъ въ видѣ усовершенствованія индустріи т.е. улучшенія техники при выдѣлкѣ орудій и улучшенія количества и качества самыхъ орудій, а въ связи съ нимъ

Такой неопредѣленной хронологической измѣнчивости и продолжительности археологическаго понятія „вѣкъ" хорошо соотвѣтствуетъ французскій терминъ „âge" и нѣмецкій — „Zeit".

въ видѣ развитія высшихъ формъ быта, такъ что этотъ обширный отдѣлъ подраздѣляется обыкновенно на

а) Древнѣйшій періодъ - отбивныхъ, не полированныхъ орудій - старо-каменный или палеолитическій и

в) Болѣе поздній періодъ орудій изъ полированнаго камня - ново-каменный или неолитическій (x). Эти два періода постепенно переходятъ одинъ въ другой.

Важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи культуры всегда было открытіе народомъ или усвоеніе имъ отъ другаго употребленія металловъ. Металлы дали культурѣ особенный характеръ, быту большія удобства и исторія первобытной культуры кореннымъ образомъ измѣняется вмѣстѣ съ введеніемъ металлическихъ издѣлій въ область народной жизни. Такъ что можно было бы прямо раздѣлить, такъ называемые „до-историческіе вѣка" на два отдѣла: 1) до металловъ и 2) послѣ металловъ. Но обыкновенно послѣ каменнаго періода предполагается сначала,

II) Бронзовый вѣкъ, когда искусство ковать металлы уже найдено, но когда оно направляется лишь на или болѣе легко находившіеся или наиболѣе легко или удобно плавящіеся металлы, каковыми вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ не разъ оказывались для культурныхъ народовъ мѣдь и олово. Сообразно съ этимъ великимъ переворотомъ въ индустріи замѣчается и усовершенствованіе быта - общественные и семейные нравы дѣлаются болѣе мягкими, зарождаются грубыя на-

(x) Отъ греческихъ словъ - λίθος (литосъ) - камень, παλαιός - (палайосъ) - древній, νέος (неосъ) - новый.

чала государственнаго устройства, возникают религии, разумеется, въ более или менее зачаточном виде. Это время приручения животныхъ, перехода людей къ пастушескому быту отъ звероловнаго и, может быть, зарождения земледелия и большей оседлости и въ силу этого более прочныхъ и стойкихъ оснований жизни.

Наконецъ наступаетъ III) Железный векъ, сопряженный съ очень сильнымъ и разнообразнымъ культурнымъ процессомъ, который въ концѣ концовъ вводитъ первобытное человечество въ такъ называемыя историческия времена. – Арийцы переселившиеся въ Европу находились въ переходномъ периоде отъ бронзоваго века къ железному. Въ Гомеровскихъ поэмахъ мы видимъ преобладание у Грековъ бронзовыхъ орудий и оружий, хотя тамъ же есть несомненныя свидетельства о томъ, что имъ было уже известно употребление железа.

Я не имею въ виду излагать вамъ систематический сводъ данныхъ, которыя формулируютъ результаты современнаго развития доисторической археологии; я только воспользуюсь некоторыми ея выводами для разъяснения занимающаго насъ вопроса о первоначальномъ населении Европы.

Я указалъ на установленную доисторическою археологиею хронологическую систематику периодовъ для удобства дальнейшаго разсмотрения. Для пояснения прибавлю, что данную классификацию не надобно понимать слишкомъ безусловно; по мере накопления и обработки археологическаго матерьяла, ученые приходили къ сознанию необходимости ограничения ея слишкомъ большой определенности: 1) Относительно каменнаго века нужно сказать, что не всякий камень долженъ подвергаться

полировкѣ для болѣе удобнаго употребленія, такъ что долгое время неполированныя каменныя орудія (напримѣръ изъ кремня) могли сосуществовать съ полированными (напримѣръ изъ діорита) уже послѣ открытія и усвоенія искусства полировки. Хронологическое значеніе палеолитическаго и неолитическаго періодовъ сохраняется лишь для тѣхъ видовъ каменныхъ орудій, которыя должны были шлифоваться для большаго удобства употребленія. Кромѣ того а) Уже послѣ того как люди научились шлифовать камень, продолжали удерживаться и не шлифованныя орудія изъ тѣхъ же породъ; такъ какъ шлифовка была дѣломъ трудонымъ и ей подвергались сначала только лишь тѣ орудія, которыя особенно нуждались въ этомъ для серьезнаго удобства употребленія или для красоты; в) уже послѣ изобрѣтенія или усвоенія искусства употребленія металловъ долгое время „переживали" и каменныя орудія. Словомъ одинъ періодъ входитъ въ другой, причемъ наиболѣе прогрессивныя группы населенія (т.е. наиболѣе экономически и умственно сильныя) переходятъ къ употребленію улучшенныхъ орудій; другія болѣе неподвижныя и слабыя долго еще довольствуются старыми. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что издѣлія изъ нѣкоторыхъ каменныхъ породъ продолжаютъ сосуществовать съ первымъ металлическимъ, такъ какъ они одинаковы крѣпки или даже крѣпче ихъ. с) Еще нужно сказать, что внутри новокаменнаго періода можно дѣлать подраздѣленія въ различныхъ мѣстахъ разныя. Каменныя издѣлія изготовлялись различно разными племенами, такъ что получаются неодинаковые <u>типы каменныхъ культуръ</u>. На почвѣ

ной Франціи археологія изучила нѣсколько такихъ типовъ культуры ново и старо каменнаго вѣка, которые за неимѣніемъ возможности опредѣленія ихъ хронологическаго сосуществованія или послѣдовательности, именуются лишь по названіямъ мѣстностей, гдѣ сдѣланы были главныя находки (x) 2) Относительно металлическихъ вѣковъ, надобно обратить вниманіе на то, а) что чередованіе бронзы и желѣза не вездѣ обязательно, такъ какъ въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ мѣди и олова, люди могли прямо приступать къ обработкѣ желѣза, а гдѣ много и того и другого употреблять ихъ одновременно и в) что въ другихъ случаяхъ отсутствіе или присутствіе бронзоваго вѣка объясняется не самостоятельнымъ прогрессомъ культуры даннаго народа, а взаимодѣйствіемъ между нѣсколькими, т.е. заимствованіемъ. Напримѣръ въ Европѣ бронзовый вѣкъ предшествовалъ желѣзному вслѣдствіе восточнаго вліянія (xx)

Внимательный анализъ матерьяла изъ котораго выдѣлывались первобытныя орудія и внимательное же изученіе новѣйшихъ археологическихъ открытій приводятъ къ необходимости такихъ ограниченій или дополненій установившейся хронологической классификаціи доисторическихъ вѣковъ; такъ что теперь уже нѣтъ возможности говорить безъ значительныхъ оговорокъ о точной и безусловной хронологической

(x) Таковы напр. période (Type) du Monstier (въ Dordogne), St-Acheul (Somme) Chelles (Seine et Marne), Madeleine (Dordogne) и мн. др.

(xx) Главнымъ обр. вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Финикійцами которые занесли бронзу на юго-западъ Европы изъ восточ. странъ, которые переживали своеобразный періодъ бронзовыхъ изделій, а съ юго-зап. бронза торговыми путями шла и на сѣверъ Европы.

обязательности для всѣхъ народовъ послѣдовательнаго прохожденія въ неизмѣнной правильности непремѣнно чрезъ три вѣка первобытной культуры - каменный, бронзовый и желѣзный. Во первыхъ эти вѣка(x) если и встрѣчаются послѣдовательно у одного и того же народа, то во всякомъ случаѣ не идутъ безусловно одинъ за другимъ, а, такъ сказать, входятъ другъ въ друга. Первый еще длится, когда наступаетъ второй, второй еще не кончился, когда начинается третій. Да оно и понятно. Развитіе слагается изъ звеньевъ, которыя не лежатъ рядомъ одинъ за другимъ, а цѣпляются другъ за друга. Во вторыхъ, въ настоящее время не трудно доказать, что продолжительность вышеуказанныхъ періодовъ у различныхъ народовъ разновременна. Греко-римскій міръ (въ узкомъ смыслѣ) зналъ металлы уже въ то время, когда окружавшіе его варвары ихъ еще не знали. Въ Скандинавіи желѣзо становится извѣстнымъ ко времени Рождества Христова. Наконецъ, въ третьихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что быстрота переходовъ отъ одного періода къ другому въ разныхъ мѣстностяхъ различна, ибо нерѣдко совершается подъ культурнымъ вліяніемъ разновременно развивающихся отдѣльныхъ группъ. До начала нынѣшняго вѣка лапландцы также, какъ и эскимосы употребляли одни каменныя и костяныя орудія; лишь благодаря вліянію европейской культуры они сразу и сравнительно весьма быстро ознакомились съ желѣзными издѣліями. Такимъ образомъ, имѣя значеніе лишь относительно хронологическое, дѣленіе развитія человѣческой культуры на три вѣка, получитъ значеніе культурное. Имъ опредѣляется

(x) Историч. Обозрѣніе IV томъ, стр. 12-13.

степени развитія человѣчества, но не со всѣхъ сторонъ, а, главнымъ образомъ, въ техническомъ отношеніи, ибо тотъ или другой характеръ матерьяла и способа его обработки едва ли можно считать достаточно полнымъ показателемъ всесторонняго развитія данной социальной группы.(x)

Таковы тѣ поправки, которыя можно внести съ точки зрѣнія современныхъ успѣховъ археологическихъ знаній въ первоначальное дѣленіе первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный.

То обстоятельство, что до-исторической археологіи удалось заглянуть въ такую глубокую древность и добиться хоть нѣкоторыхъ очень вѣроятныхъ научныхъ представленій о первоначальномъ населеніи земли и его первобытной культурѣ, заставляетъ историка изучающаго древнѣйшій періодъ исторіи какой нибудь страны или народа, обращаться къ содѣйствію этой новой вспомогательной исторической дисциплины. Основные выводы этой науки о древнѣйшемъ населеніи Европы должны быть извѣстны и намъ. Мы должны относиться осторожно къ увлеченіямъ страстныхъ адептовъ доисторической археологіи, но также спокойно отвергать разрушительныя крайности ея противниковъ, выбирая изъ добросовѣстныхъ трудовъ, посвященныхъ вопросу, то, что при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется вѣроятнымъ и такимъ путемъ привлекая новые матерьялы и новые методы къ освѣщенію мало извѣстныхъ періодовъ и вопросовъ. Такимъ образомъ, мы навѣрно узнаемъ много полезнаго и вѣрнаго. Только наука, я сказалъ

(x) См. замѣтку А. С. Лаппо-Данилевскаго въ приложеніи къ IV. п. Историческаго Обозрѣнія, стр. 12-13.

нынѣшняго вѣка создала до-историческую археологію, какъ особую отрасль знанія и стала систематически изслѣдовать вещественные памятники, оставшіеся отъ быта древнѣйшихъ людей, но интересъ къ первобытнымъ временамъ уже существовалъ среди древнихъ и въ различныхъ текстахъ классическихъ авторовъ мы иногда встрѣчаемъ любопытныя свѣдѣнія и поразительно правильныя сужденія о первобытной культурѣ. Такъ напримѣръ мы находимъ у римскаго поэта временъ имперіи Лукреція (x) слѣдующія замѣчательныя слова:- Arma antiqua manus ungues dentesque fuerunt "

"Et lapides et item silvarum fragmina rami, "

"Posterius ferri vis est, aerisque reperta, "

"Sed prior aeris erat quam ferri cognitus usus." - (xx)

Тутъ мы видимъ не только въ существѣ дѣла вѣрное описаніе культурной обстановки первобытнаго человѣка, по скольку она выражается въ оружіи и орудіяхъ, но также правильное представленіе о чередованіи матерьяла изъ котораго первобытный человѣкъ дѣлалъ себѣ инструменты. Это общая схема эволюціи первобытной культуры; какъ бы зародышъ теперешней классификаціи до-историческихъ вѣковъ. Впрочемъ это лишь случайный проблескъ пониманія хода культурнаго развитія человѣчества въ этотъ періодъ дѣтства народовъ, свидѣтельствующій о геніальной проницательности автора, но неразвившійся въ теорію или научную гипот-

(x) См. его поэму De rerum natura, стихи 1282-85.

(xx) Древними орудіями были руки, ногти, зубы и камни, а также обломки лѣсныхъ вѣтвей, позднѣе была открыта сила желѣза и мѣди, но употребленіе мѣди было извѣстно раньше, чѣмъ употребленіе желѣза.

Ив. Тревогъ

Литограф. Руднева, Нов. пер. 5.

зу, не побудивший къ изслѣдованію съ цѣлью подтвер-
жденія его правильности; времена были далеки отъ то-
го момента, когда человѣческій умъ созрѣлъ до система-
тическаго научнаго изслѣдованія прошлаго. У древнихъ
писателей можно найти и еще нѣсколько подобныхъ
же намековъ (x), но потомъ слова и понятія эти были
забыты, умственный интересъ въ средніе вѣка и въ но-
вое время обратился въ другія стороны и лишь недавно
изслѣдующая мысль остановилась также на разра-
боткѣ вопросовъ, связанныхъ съ доисторическими вре-
менами. Результатомъ этихъ изслѣдованій и явилась
до-историческая археологія; самый ходъ развитія этой
молодой, но уже выработавшей нѣкоторые довольно
твердые пріемы и получившей серіозные выводы, нау-
ки поучителенъ и изученіе ея краткой исторіи имѣ-
етъ образовательное значеніе. Краткія свѣдѣнія о раз-
витіи изслѣдованій по до-исторической археологіи
можно найти въ интересномъ трудѣ извѣстнаго
французскаго археолога, геолога и антрополога Мор-
тилье (Gabriel de Mortillet), — Le préhistorique. Antiqui-
té de l'homme (p. 1883). Я сообщаю главные факты: намъ
всегда хорошо и полезно не только знать выводы нашей
науки, но и заглядывать въ любопытныя страницы
ея исторіи.

„Великое философское движеніе XVIII-го вѣка, чита-
емъ мы въ введеніи только что названной книги, рас-
пространяя методы научнаго изученія, рекомендуя
пользованіе серіозными наблюденіями и приложе-

(x) Смотри сводъ классическихъ текстовъ о первобытныхъ людяхъ въ интересной книгѣ франц. ученаго D'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe, 2 éd. (1889), I p. 3 et suiv.

ніе свободнаго изслѣдованія, могучимъ образомъ содѣйствовало прогрессу всѣхъ наукъ; нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ забытыя, были возстановлены, другія же прямо порождены и основаны.– Исторія послѣдовала въ нынашнемъ вѣкѣ за общимъ движеніемъ. Подъ вліяніемъ здоровой критики она и очистилась и расширилась. Рядомъ съ нею геологія – исторія земли была создана, такъ сказать, цѣликомъ. Обѣ онѣ долгое время казались совершенно самостоятельными другъ отъ друга, даже раздѣленными какъ бы глубокою пропастью. Но духъ прошлаго вѣка вызвалъ къ жизни новую науку или, по крайней мѣрѣ, новую вѣтвь знанія, которая покрыла эту пропасть, связала исторію съ геологіей. Эта наука – <u>до-историческая археологія</u> (archeologie préhistorique) или короче – <u>палеоэтнологія</u> (paléethnologie)."

Въ исторіи происхожденія и постепеннаго развитія этой науки Мортиллье отличаетъ двѣ струи – одну <u>восходящую</u> (<u>marche ascendante</u>) отъ исторіи къ до-историческимъ временамъ (de l'histoire à la préhistoire c'est à dire aux temps qui précèdent tout monument historique); главнымъ результатомъ ея онъ называетъ выработку представленія о трехъ археологическихъ вѣкахъ; – и другую <u>нисходящую</u> (<u>marche descendante</u>) – отъ геологіи къ палеоэтнологіи, плодомъ которой являются изслѣдованія окаменѣлаго человѣка (<u>l'homme fossile</u>).

Такимъ образомъ результатомъ перваго теченія было открытіе позднѣйшихъ періодовъ доисторической культуры, результатомъ ~~перваго~~ второго напротивъ открытіе слѣдовъ человѣка въ такой незапамятной древности, о которой раньше и не думала исторія, и два эти направленія сомкнулись, первое идя отъ бо-

лѣе новыхъ временъ (историческихъ) къ болѣе древнимъ (до-историческимъ), второе отъ самыхъ древнихъ (геологическихъ) къ болѣе новымъ (человѣческимъ.) Авторъ въ крупныхъ краткихъ чертахъ набрасываетъ очеркъ исторіи этихъ обоихъ теченій:

I.- Прежде всѣхъ стали предаваться изученію древнѣйшихъ временъ человѣчества ученые скандинавскаго Сѣвера — Датчане, Шведы, Норвежцы. И это очень естественно: ихъ историческіе памятники не восходятъ въ древность далѣе одного тысячелѣтія съ небольшимъ; и они стремясь расширить въ глубь временъ предѣлы родной исторіи, стали отыскивать и собирать свои легенды (саги). Но изученье это не очень увеличило и еще менѣе прояснило ихъ историческій горизонтъ. Ученые Сѣвера почувствовали необходимость идти по другому пути, обратиться къ археологическимъ изысканіямъ. Между ними нужно назвать знаменитаго Томсена, основателя богатыхъ этнографическаго и археологическаго музеевъ въ Копенгагенѣ, уважаемаго Нильсона, главу шведскихъ археологовъ и натуралистовъ, профессоровъ зоологіи въ цвѣтущемъ Лундскомъ университетѣ; датскаго геолога Форхгаммера, затѣмъ Ворсо (Worsaae) и Штеенструпа, также завѣдывавшихъ археологическимъ музеемъ въ Копенгагенѣ. - Обратившись къ археологіи еще очень элементарной и не совершенной, они постарались извлечь изъ нея все, что она могла дать, расширили изслѣдованіе и собираніе памятниковъ и пытались дополнить эти свѣдѣнія, прибѣгая, как къ источникамъ, ко всѣмъ отраслямъ знанія и почерпая изъ данныхъ ботаники или зоологіи, гидрографіи и особенно этнографіи тѣ факты, которые могли

пролить свѣтъ на древность человѣческаго рода. – Такимъ образомъ они построили изъ данныхъ различныхъ наукъ „исторію предшествующую всякимъ записямъ, всякимъ преданіямъ, всякимъ историческимъ документамъ, однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, доисторическую исторію." Источникомъ этой исторіи скандинавскіе ученые, пользуясь методами геологіи и палеонтологіи, – ищутъ подъ морскими наносами, въ озерахъ, на днѣ торфяниковъ, посреди наслоеній изъ остатковъ раковинъ и разбитыхъ костей, образующихъ длинные валы вдоль морскихъ береговъ, въ искусственныхъ земляныхъ насыпяхъ и т. п. Тамъ то они находили и продолжаютъ находить каждый день слѣды существованія самыхъ древнихъ обитателей страны и ихъ дѣятельности. Тщательно изслѣдуя эти старые и скромные остатки, они оказались въ состояніи распознать, къ какимъ расамъ принадлежали тѣ люди, которые жили въ странѣ, смѣняя послѣдовательно другъ друга въ доступной изученію наиболѣе глубокой древности; они сумѣли опредѣлить нравы этихъ различныхъ расъ, ихъ привычки, вѣрованія, развитіе среди нихъ промысловъ и земледѣлія, ихъ переселенія и торговлю. – Но невозможно было подчинить этихъ открытій точнымъ хронологическимъ обозначеніямъ (à une chronologie absolue). Чтобы распредѣлить ихъ во времени, оказалось необходимымъ создать приблизительную хронологію. – Томсенъ, какъ извѣстно, нашелъ основаніе для этой хронологіи въ развитіи индустріи, и вотъ появились и скоро получили право гражданства въ наукѣ три археологическіе вѣка, о которыхъ мы уже говорили. Первымъ изобрѣтателемъ

этой доисторической хронологии былъ Томсенъ (x)

Съ 1844 г. Ворсо сталъ разрабатывать эту классификацію и развилъ ее съ большимъ умѣніемъ. — Мало по малу классификація эта должна была быть измѣнена тѣми поправками на которыя я указывалъ выше. Но не смотря на эти позднѣйшія (видо)измѣненія, заслуга археологовъ Скандинавскаго Сѣвера, какъ первыхъ ученыхъ попытавшихся построить до-историческую хронологію, остается неоспоримою, хоть ее умаляли писатели другихъ странъ, изъ узкой національной гордости оспаривая у нихъ честь этого открытія и приписывая его своимъ т. е. французамъ, нѣмцамъ или англичанамъ (xx) Но это совершенно напрасно. Всѣ ихъ ссылки относятся къ XVIII в. и указываютъ лишь на остроумные домыслы, послужившіе только зародышами, изъ которыхъ выросла теорія названнаго датскаго ученаго („Elles furent, говоритъ Мортилльє, les germes qui amenèrent la confution du savant Danois").

Классификація Томсена была имъ приложена въ широкихъ рамкахъ при устройствѣ богатаго Копенга-

(x) Въ 1833 г. Томсенъ обнародовалъ въ Копенгагенѣ въ „Запискахъ Сѣвернаго Общества археологовъ" (Nordisk tidskrift for Oldkyndighed т. I, ч. 2) работу о древностяхъ каменнаго вѣка (Thomsen. Om Nordiske Oldsager af Steen); но свою классификацію и раздѣленіе до-историческихъ временъ на 3 вѣка, онъ объявилъ только въ 1836 г. (Thomsen. Ledetraad til Nordisk Oldkyndighed. 1836 г.) Въ 1837 г. вышелъ нѣмецкій переводъ — „Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, а въ 1848 г. англійскій — A guide to Northern antiquities. —

(xx) Объ этихъ притязаніяхъ см. у Mortillet, стр. 5-6, указаны сочиненія старыхъ авторовъ гдѣ высказываются догадки такой классификаціи.

генскаго музея и установилась тогда же въ Скандинавіи. Оттуда она проникла въ остальную Европу. Первые приняли ее Швейцарцы и стали ее поддерживать и популяризировать. Именно замѣчательное открытіе свайныхъ построекъ (cités lacustres), сдѣланное зимою 1853-54 г. Фердинандомъ Келлеромъ на Цюрихскомъ озерѣ, блистательно подтвердило общую правильность предложенной Томсеномъ системы чередованія до-историческихъ періодовъ. И съ тѣхъ поръ система была признана всѣми и держится до сихъ поръ, только лишь постепенно дополняемая и исправляемая, а также понимаемая болѣе тонко и гибко и болѣе научно, чѣмъ раньше. (x) „Но, говоритъ Мортилье, всѣ швейцарскія и скандинавскія данныя о доисторическихъ временахъ, хотя и добытыя по методамъ естественныхъ наукъ, относятся все-таки къ современному періоду жизни земли и могутъ войти въ узкія рамки классической хронологіи, которая признаетъ за существованіемъ человѣка давность лишь въ нѣсколько тысячелѣтій. Это все, что можно было пріобрѣсти, исходя отъ исторіи и поднимаясь къ геологическимъ временамъ."

II. — „Обратное движеніе, гораздо болѣе широкое и рѣшительное обнаружилось во Франціи и Бельгіи, оно показалось настолько смѣлымъ, что противники его пытались удержать и даже подавить его при самомъ рожденіи, во имя религіи и такъ называемыхъ здравыхъ понятій. — Дѣло касалось того, чтобы сомкнуть геологію съ

(x) Изъ числа швейцарскихъ популяризаторовъ теоріи Томсена слѣдуетъ упомянуть лозанскаго профес. Morlot, издавшаго въ 1860 г. небольшой, но прекрасный очеркъ „— Etudes géologico-archéologiques en Danemark et en Suisse," имѣвшій большой и заслуженный успѣхъ и интересный для исторіи вопроса.

исторіей, выходя изъ данныхъ первой. Эти то изслѣдованія безконечно увеличили давность человѣческаго существованія и повели къ открытію окаменѣлаго человѣка (homme fossile).' – Эпитетъ „fossile" прилагается геологами ко всякимъ органическимъ остаткамъ, погребеннымъ во внутреннихъ слояхъ земной коры еще во времена геологическихъ періодовъ, т.е. еще пока продолжалось появленіе новыхъ и исчезновеніе старыхъ животныхъ и растительныхъ породъ, пока не прекращались еще великія переселенія этихъ породъ, значительные перевороты въ расположеніи моря и суши и глубокія климатическія измѣненія." По извлеченнымъ такимъ путемъ даннымъ, которыя должны быть признаны строго научными, окаменѣлый человѣкъ есть фактъ несомнѣнный, существованіе его безусловно доказано." (См. Mortillet, p. 8)

Нѣкоторые любознательные изслѣдователи земной коры наталкивались на каменные предметы въ глубокихъ пластахъ земли и раньше нынѣшняго столѣтія и приписывали ихъ человѣку. Таковы напримѣръ: Mercati (въ Римѣ въ 1593 г.), De Jussieu (1723 г. во Франціи), Mahudel (1734 г. во Франціи), Lyttleton (1766 г. въ Англіи), Esper (1774 г.) и Frère (1800 г.) во Франціи (x). – Но это были случайныя открытія и отрывочныя замѣчанія. Еще недавно было распространено между естествоиспытателями мнѣніе, что человѣкъ явился на землю очень поздно, послѣ того какъ успѣли уже исчезнуть многія наиболѣе крупныя породы первобытныхъ животныхъ и прекратились древнѣйшіе перевороты на земной поверхности. Даже такіе

(x) Краткія свѣдѣнія объ исторіи доисторическихъ находокъ и развитіи археологическихъ работъ можно найти въ кн. П. Полевого, Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта. т. I (1879 года).

авторитеты какъ Кювье, утверждали, что вмѣстѣ съ остатками допотопныхъ носороговъ и мамонтовъ никогда не были и не будутъ найдены человѣческія кости. Но въ концѣ 30^{хъ} годовъ нынѣшняго столѣтія были совершены открытія, которыя поколебали установившееся въ наукѣ мнѣніе о недавности появленія человѣческаго рода на землѣ.

Первые весьма важные факты, которые возбудили сомнѣніе въ вѣрности этого стараго воззрѣнія, были собраны во Франціи и Бельгіи. – Въ 1828 году Турналь и Кристоль открыли въ южной Франціи въ пещерахъ Лангедока, въ глинистомъ слоѣ остатки костей и зубовъ человѣка вмѣстѣ съ костями пещерной гіены и давно вымершей въ Европѣ породы носорога; въ томъ же слоѣ попадались и черепки горшковъ грубѣйшей работы. Когда появились первыя заявленія объ этихъ находкахъ отовсюду посыпались возраженія и поднялась жестокая оппозиція. Самымъ вѣскимъ доводомъ противъ значенія открытія Турнала и Кристоля, было именно то, что кости человѣка, найденныя вмѣстѣ съ костями вымершихъ породъ животныхъ, могли принадлежать не одной съ ними эпохѣ, такъ какъ пластъ почвы въ которомъ Турналемъ и Кристолемъ сдѣланы были любопытныя находки, не былъ изслѣдованъ и опредѣленъ или съ достаточною геологическою точностью. Но появлялись все новые факты. Около того-же времени извѣстный бельгійскій анатомъ и палеонтологъ, д-ръ Шмерлингъ, много лѣтъ сряду занимавшійся изслѣдованіемъ пещеръ въ долинахъ бассейна Мааса, рѣшилъ обнародовать результаты своихъ находокъ (1833-34 гг.). Онъ нашелъ въ пещерахъ въ окрестностяхъ Люттиха остатки скелетовъ и черепа людей въ одномъ

слоѣ съ зубами мамонта, ископаемаго носорога, пещер-
наго медвѣдя и сѣвернаго оленя. При костяхъ находились
грубо-обработанныя орудія изъ кости и грубо-тесанные
каменныя. Шмерлингъ (х) дѣлаетъ очень рѣшительный
выводъ изъ изученія найденнаго имъ матерьяла. „Нѣтъ ни-
какого сомнѣнія въ томъ, что человѣческія кости были
погребены въ изслѣдованныхъ пластахъ, въ ту-же эпоху
и дѣйствіемъ той-же причины, что и остатки исчез-
нувшихъ животныхъ породъ". Такимъ образомъ по его
мнѣнію первобытные обитатели Белгіи жили въ бассей-
нѣ Мааса одновременно съ допотопными животными.
Становилось трудно оспаривать всѣ эти заключенія, про-
тивъ которыхъ боролись раньше съ такою страстност-
ю, когда онѣ впервые были выставлены Турналемъ и Кри-
столемъ, а также и другими французскими изслѣдова-
телями. Тогда перемѣнили тактику стали замалчи-
вать эти выводы, („l'on fit autour d'elles la conspiration du
silence."), говоритъ Мортилье), довольствуясь за неимѣніемъ
лучшаго - ссылкою на авторитетъ знаменитаго Кювье.
Сила этого авторитета Кювье была такъ велика, что
даже такіе серіозные ученые, какъ англійскій геологъ Лайель
сознается, что ознакомившись въ 1833 г. съ богатой коллек-
ціей Шмерлинга, онъ не могъ побѣдить своихъ сомнѣній,
и не повѣрилъ значенію его открытія. Я указывалъ, что
Кювье отрицалъ самую возможность существованія до-
потопнаго, окаменѣлаго человѣка, современника геологи-
ческихъ періодовъ, предшествовавшихъ современному. Мор-
тилье очень сильно говоритъ о томъ вредѣ, (хх) кот. этотъ вели-

(х) Schmerling. Recherches sur les ossements fossiles découverts dans les cavernes de la province de Liège 1833 г.

(хх) „Великій Кювье, отецъ палеонтологіи, науки объ исторіи земной

кій ученый невольно оказал бы услугу прогресса археологич. изслѣдованій.

Однако-же дѣло все шло впередъ. Цѣлый рядъ удачныхъ раскопокъ въ Англіи (близъ Торки, на островѣ Уайтъ), въ періодъ между 1834-42 г. заставили отнестись серіознѣе къ тѣмъ ископаемымъ остаткамъ далекой древности, которые около того же времени въ большомъ изобиліи стали также обнаруживаться въ одной изъ областей Франціи. Въ Пикардіи, въ бассейнѣ рѣки Соммы, въ особенности близъ Аббевиля и Амьена, стали попадаться грубо-обтесанные куски кремня, вмѣстѣ съ костями мамонта, ископаемаго носорога и другихъ большихъ давно исчезнувшихъ породъ животныхъ. Эти кремни и кости были находимы въ слоѣ, относящемся къ дилювіальнымъ формаціямъ, т.е. такимъ, которыя нынѣ болѣе не осаждаются и приписываются геологами весьма сильному движенію большихъ массъ воды или льда.

Ученый Буше де Пертъ (Boucher de Perthes), еще въ

коре призналъ и провозгласилъ, что окаменѣлый человѣкъ не существуетъ!... Тутъ какъ всегда принципъ авторитета загородилъ дорогу свободному изслѣдованію.- Да, Кювье въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Разсужденія о переворотахъ земнаго шара" („Discours sur les révolutions du globe") отрицалъ существованіе человѣка современнаго послѣднимъ геологическимъ явленіямъ и послѣднимъ вымершимъ породамъ животныхъ, словомъ окаменѣлаго человѣка. Дѣло въ томъ, что въ Жоржѣ Кювье, рядомъ съ первоклассными ученымъ и великимъ геніемъ, которымъ гордится Франція и цѣлый міръ, уживался ярый бидлметъ.- Знаменитый проф. создавшій новую науку, былъ съ другой стороны посредственнымъ государскимъ совѣтникомъ, котор. выставилъ себя защитникомъ того, что тогда, какъ и теперь называли правств. закономъ. Но какой вѣсъ имѣютъ и должны имѣть прекрасныя увѣрения Кювье, передъ вѣрховнымъ голосомъ хорошо доказанныхъ фактовъ". См. Le préhistorique, p. 11.

1838г. решился утверждать, что описанные кремни, найденные близъ Аббевиля, представляютъ собственно произведенiя рукъ человѣческихъ и служили орудiями допотопныхъ людямъ. (Онъ хочетъ подтвердить разсказъ о всемiрномъ потопѣ). Затѣмъ посвятивъ изслѣдованiю той же мѣстности рядъ годовъ (1841-1847 гг.) Бушэ де Пертъ успѣлъ составить богатую коллекцiю грубо-тесанныхъ кремневыхъ орудiй и еще болѣе убѣдиться въ правотѣ своего взгляда, который гораздо позже блистательно подтвердился новыми открытiями въ той же мѣстности и во многихъ другихъ. Ему пришлось выдерживать долгую и тяжелую борьбу со староверами.(x) Но въ концѣ концовъ, благодаря собственному твердому убѣжденiю и несокрушимой энергiи, а также благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ англiйскихъ ученыхъ, напримѣръ <u>Прествича</u> и <u>Джона Эванса</u>, ему удалось одержать побѣ-

(x) См. сочиненiе — <u>Boucher de Perthes</u>, <u>Antiquités celtique et antédiluviennes</u>, 3 volumes (Paris, 1847, 1857, 1864). — Бушэ де Пертъ былъ несомнѣнно выдающимся ученымъ, и оппозицiя и протесты, которые были вызваны его смѣлымъ тезисомъ, являются доказательствомъ склонности человѣческаго ума подчиняться рутинѣ, которая дѣлаетъ часто самыхъ даровитыхъ наблюдателей и замѣчательныхъ знатоковъ такими слѣпыми, какими бываютъ невѣжды, если имъ приходится выйти изъ обычной сферы и начать работать иными методами кромѣ привычныхъ. Но отчасти въ оппозицiи виноватъ былъ самъ Бушэ де Пертъ, такъ какъ онъ не удовлетворился научною задачею опровергнуть тезисъ Кювье о невозможности существованiя окаменѣлаго человѣка, но примѣшалъ къ ней и богословскую — захотѣлъ доказать на основанiи открытаго матерiала историческую достовѣрность библейскаго всемiрнаго потопа. — Кромѣ того распростра-

ду надъ старымъ и еще ненаучнымъ скептицизмомъ противниковъ. Эта находка воодушевила ученыхъ, которые съ неудержимымъ рвенiемъ бросились на расчистку новаго поля.

Въ 1852 году недалеко отъ Орриньяка, при источникахъ Гаронны найдена была въ скалѣ пещера въ которой оказалось множество костей человѣческихъ и животныхъ. Французскiй геологъ Лартэ (x) изслѣдуя почву пещеры нашелъ въ рыхлой землѣ кости человѣческiя, перемѣшанныя съ костями мамонта, ископаемаго носорога, медвѣдя пещерника (также исчезнувшаго вида,) кости и зубы зубра, оленя и множество лошадиныхъ. Особенно важно, что Лартэ передъ входомъ въ пещеру нашелъ подъ слоемъ пепла и угля слѣды грубо-устроеннаго очага, на очагѣ и вокругъ него валялись сотни зубовъ и обломки костей животныхъ отрыгающихъ жвачку. Однѣ носили на себѣ слѣды огня другiя нѣтъ. Многiя изъ костей оказались расколотыми при помощи грубыхъ инструментовъ, и мозговыя полости ихъ были вскрыты. Сверхъ того найдены были тамъ же грубыя кремневыя орудiя, а въ землѣ, внутри пещеры, множество издѣлiй изъ кости и рога, служившихъ остріями копiй и стрѣлъ. Такимъ образомъ здѣсь открыты были ... страхъ, что его обманывали рабочiе, подкладывая простые камни. Наконецъ онъ самъ не могъ удержаться отъ фантазiй при изслѣдованiи своего матерьяла. Все это задерживало успѣхъ новаго открытiя.

(x) Ed. Lartet. - Nouvelles recherches sur la coëxistance de l'homme et des grands mammifères fossiles réputés caractéristiques de la dernière période géologique, (Новыя изслѣдованiя о сосуществованiи человѣка съ окаменѣлыми млекопитающими, характеризующими послѣднiй геологическiй перiодъ. Статья помѣщенная въ

ли несомненные следы присутствія человѣка и одновременной съ нимъ фауны на землѣ многихъ давно вымершихъ породъ большихъ животныхъ. Тотъ же ученый описалъ еще другія пещеры во Франціи, которыя повидимому также были обитаемы людьми, но въ гораздо позднѣйшее время. Такъ въ одной изъ нихъ также открыты были изделія рукъ человѣческихъ и также изъ камня и кости, но отличающіяся бо́льшимъ искусствомъ выработки; въ другихъ пещерахъ не найдено было костей совершенно вымершихъ животныхъ, однако-же преимущественно такихъ, которыя давно уже не водятся на Западѣ Европы, хотя и живутъ въ нѣкоторыхъ краяхъ ея (зубръ, каменный баранъ, различныя породы оленя). Здѣсь-же Лартэ нашелъ и мелкіе черепки глиняной посуды, которыхъ не встрѣтилъ въ Ориньякской пещерѣ. Слѣдовъ домашняго скота не найдено ни въ одной изъ этихъ пещеръ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, вслѣдъ за находками Лартэ было открыто и изслѣдовано множество пещеръ подобнаго рода въ Великобританіи, Франціи и Италіи, а также въ Бельгіи и Германіи. Въ пещерѣ, открытой близъ Люттиха, нашли человѣческія кости, кремневыя, грубо-тесаныя орудія и кости пещерной кошки, зубра, лося и лошади; въ другой же бельгійской пещерѣ, близъ Шова (Chauvaux) рядомъ со вскрытыми полыми костями животныхъ, были отысканы точно такимъ же образомъ вскрытыя кости человѣческія, какъ бы указывавшія на существованіе людоѣдства въ каменномъ вѣкѣ.

Еще важнѣе данныя, доставленныя находкою при Шуссенридѣ въ Шварцвальдѣ, въ 1866 г. На высотѣ 200 фут. надъ поверхностью моря, въ слоѣ, состоявшемъ и остатковъ старыхъ ледниковъ, изъ подъ толстыхъ слоевъ торфа и извест-

Annales des sciences naturelles за 1861 г.

коваго туфа, обнажилась на довольно значительномъ пространствѣ поверхность земли ледниковаго періода-поросшая ягелемъ (оленьимъ мохомъ), и на ней рядомъ съ костями сѣверныхъ хищныхъ животныхъ и костями пѣвчаго лебедя, попадающагося нынѣ только въ Лапландіи и Шпицбергенѣ — найдены были массы костей и роговъ сѣвернаго оленя. Рога носили на себѣ признаки обдѣлки рукою человѣка, и, очевидно, при помощи кремневыхъ орудій, которыя найдены были тутъ же, вмѣстѣ съ осколками кремня.

Большое значеніе въ дѣлѣ признанія новыхъ открытій въ области доисторической археологіи научно-достовѣрными истинами имѣло то обстоятельство, что долго упорствовавшій въ сомнѣніяхъ превосходный англійскій ученый геологъ, Чарльсъ Лайэль наконецъ перешелъ на ихъ сторону и открыто и честно призналъ свою ошибку и подлинность новыхъ данныхъ (x) Слово авторитетнаго ученаго вдохнуло вѣру и въ другихъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе видимъ, какъ археологія или палеоэтнологія, хотя и оставляющая многіе изъ важнѣйшихъ вопросовъ открытыми, завоевываетъ себѣ прочное мѣсто среди наукъ съ положительнымъ методомъ. Къ работамъ Скандинавскихъ, Французскихъ, бельгійскихъ и англійскихъ ученыхъ присоединяются находки и изслѣдованія итальянскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ, а также американскихъ.

Теперь можно сказать о до-исторической археологіи, что она несомнѣнно существуетъ какъ наука. Она

(x) Смотри замѣчательное сочиненіе Ch. Lyell, The geological evidences of the antiquity of man. 1863 г. (Есть нѣмецкій переводъ съ дополненіемъ самаго автора — Das Alter des Menschengeschlechts auf der Erde. Leipzig 1874 г.).

еще очень несовершенна, многіе частные выводы ея оспоримы, на многіе капитальные пункты она не дала еще отвѣтовъ или дала фантастическіе. Надо продѣлать надъ матерьяломъ еще много детальныхъ работъ, прежде чѣмъ создастся прочный фундаментъ для ея зданія, но все же общія рамки ея намѣчены и основная классификація, которая дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее научное изученіе, выработана. И значеніе до-исторической археологіи для построенія общей исторіи человѣчества врядъ-ли можетъ быть безпристрастно оспариваемо теперь.

Доисторическая археологія имѣетъ уже свою обширную ученую общую и спеціальную литературу. Мнѣ нѣтъ надобности подробно перечислять ее, но я считаю полезнымъ указать для желающихъ углубиться въ вопросъ, нѣсколько главныхъ сочиненій; прежде всего назову два французскихъ труда - 1) Le marquis de Nadaillac, Les premiers hommes et les temps préhistoriques; 2 volumes - P. 1881 г. Французскіе историки признаютъ эту книгу капитальною; нѣмецкіе также цѣнятъ ее, что видно изъ того, что она переведена на нѣмецкій языкъ - Schlosser und Seler - (1884). 2) Gabriel de Mortillet. Le préhistorique. Antiquité de l'homme. 2me édition - P. 1885 г. Это интересная и богатая книга антрополога-археологическаго характера.

Къ нимъ присоединяю названіе двухъ нѣмецкихъ книгъ: 1) Fr. Hellvald. Der Vorgeschichtliche Mensch. 2 Auflage, 1880 (Leipzig), это большой трудъ широко сводящаго характера; въ немъ собраны и систематизированы данныя по доисторической археологіи, найденныя и изслѣдованныя во всѣхъ странахъ земнаго шара. Къ тексту присоединено множество рисунковъ. Къ сожалѣнію иногда популярность изложенія вредитъ научности; но картина все же получа-

ства богатая, и чтеніе этой книги полезно; и 2) новѣйшей обобщающей работы такого-же приблизительно типа, какъ и сочиненіе Гелльвальда, но, какъ мнѣ кажется, болѣе научной, и потому уже болѣе важной, что она сводитъ всѣ новѣйшія открытія и изслѣдованія за послѣдніе годы - Dr. Moris Hoernes. Die Urgeschichte des Menschen nach dem heutigen Stande der Wissenschaft. (Wien - Pest - Leipzig - 1892 г.).

Литература до-исторической археологіи за послѣдніе годы особенно разростается. Это свидѣтельствуетъ, что она стала на ноги, имѣетъ свои многочисленные интересы, развивающіяся потребности, а также что матерьялы этой науки всѣ растутъ и умножаются, требуютъ обнародованія и обсужденія. - До-историческая археологія имѣетъ и свои спеціальные періодическіе органы и вопросамъ ея отдаютъ значительное мѣсто и обще-археологическія изданія. Такъ укажемъ напримѣръ во Франціи „Revue archéologique" (основ. въ 1858 г.) хотя занимающійся и классической и національной археологіей, но постоянно отзывающійся на до-историческія открытія и помѣщающій много статей по доисторической археологіи (x). Еще ближе посвящено ~~вопросу~~ нашему періодическое изданіе „Matériaux pour servir à l'histoire primitive et naturelle de l'homme", основанное въ 1864 г. по почину Мортилье, („pour vulgariser rapidement les découvertes nouvelles et susciter les recherches.") Впослѣдствіи оно перешло въ руки Trutat и Cartailhac; Изданіе это очень разнообразное, полное и интересное. Потомъ въ 70хъ годахъ, когда археологическія находки особенно умножились, во Франціи выходили особые журналы: „Revue préhistorique" и „Revue d'anthropologie", издававшіе-

(x) Одинъ изъ главныхъ редакторовъ его Bertrand - принадлежитъ къ самымъ виднымъ до-историческимъ археологамъ во Франціи.

Литограф. Рудneва Нов. пер. д. 5. к. 46.

Ш. Трѣв

ся знаменитымъ натуралистомъ Broca. — Теперь антропологическія, этнографическія и до-историческія изслѣдованія объединяются только въ журналѣ „Revue anthropologique," который замѣняетъ три послѣдніе названные журнала, теперь прекратившіеся. Въ Германіи можно также указать соотвѣтствующія изданія: 1) „Zeitschrift für Ethnologie" и 2) „Archiv für Anthropologie, Zeitschrift für Natur- und Urgeschichte der Menschen" и другіе. — Есть подобнаго же рода изданія въ другихъ странахъ въ Англіи, Италіи и на Скандинавскомъ Сѣверѣ; существуютъ также очень много центральныхъ и мѣстныхъ археологическихъ обществъ, которыя имѣютъ свои спеціальныя изданія и журналы, таковы, (не говоря о мѣстныхъ обществахъ), Лондонское, Парижское, Нью-Іоркское, Флорентинское, Берлинское и Вѣнское. — На силу интереса, который возбуждаетъ до-историческая археологія и связанная съ нею антропологія указываетъ, то обстоятельство, что когда Мортилье предложилъ на чрезвычайномъ собраніи Итальянскаго общества естествоиспытателей въ Специи (въ 1865 г.) основать „Международный союзъ палеэтнологіи или до-исторической археологіи," то это предложеніе было горячо поддержано итальянскими учеными и принято всѣмъ собраніемъ. — Международный союзъ былъ основанъ и имѣлъ уже цѣлый рядъ интересныхъ конгрессовъ въ Невшателѣ (въ Швейцаріи 1866 г), Парижѣ (1867 г.), Норвичѣ (въ Англіи 1868 г.), Копенгагенѣ (1869 г.), Болоніи (1871 год.) Брюсселѣ (1872 г.), Стокгольмѣ (1874 г.), Буда-Пештѣ (1876 год.), Лиссабонѣ (1880 г.), Парижѣ (1889 г.) и Москвѣ (1892 г.) Этотъ союзъ печатаетъ свои отчеты на французскомъ языкѣ („Comptes rendus".)

Археологическое движеніе распространилось и на

Литограф. Руднева Нов. пер. д. 5 к. 46.

Россію (x). У насъ дѣятельно идутъ раскопки и собираніе матеріала устраиваются археологическіе съѣзды и существуютъ археологическія общества, которые издаютъ свои извѣстія, записки, отчеты. Есть и сводящая, хотя не совсѣмъ новая работа графа Уварова Археологія Россіи, каменный періодъ (2 т. М. 1881 г.) Но организація занятій у насъ страдаетъ разрозненностью и отсутствіемъ системы. Наиболѣе важными для доисторической археологіи странами и по богатству матерьяла, и по хорошей организаціи изслѣдованій являются — Франція, Англія, Скандинавск. государ., Италія, менѣе важна Германія; на одномъ изъ первыхъ мѣстъ должна бы стоять и Россія, такъ много въ ней находится матерьяла. Необходимымъ пособіемъ для занятій до-исторической археологіею являются Музеи, если они хорошо устроены. Музеевѣдѣніе и организація музеевъ очень прогрессируетъ на западѣ, каждая страна имѣетъ много прекрасныхъ археологическихъ и историческихъ музеевъ. Особенно замѣчательны центральные археологическіе музеи въ Сен-Жерменѣ во Франціи, также въ Копенгагенѣ и Майнцѣ. Весьма богаты археологическіе музеи Италіи — въ Римѣ, Болоньѣ, Турина, Флоренціи, но хорошо организованъ лишь послѣдній: въ Россіи нѣтъ центральнаго археологическаго музея можетъ быть, впрочемъ, онъ наконецъ возникнетъ въ Москвѣ. Богатый матерьялъ заключаетъ и теперь Тифлисскій музей.

(x) Смотри о книгѣ Полевого. Русская исторія въ памятникахъ быта т. I стр. 20-28, Краткій очеркъ исторіи открытій и работъ по до-исторической археологіи у насъ.

2.

Появленіе человѣка въ Европѣ. Старо-каменный вѣкъ.

Послѣ краткаго отступленія, въ которомъ я стремился познакомить васъ съ возникновеніемъ и развитіемъ изслѣдованій по до-исторической археологіи, возвратимся къ спеціально насъ занимающему вопросу о первоначальномъ населеніи западной Европы и посмотримъ, что даетъ для выясненія его только что охарактеризованная вспомогательная отрасль исторической науки.

Франція, какъ я сказалъ, является одною изъ тѣхъ странъ, гдѣ до-исторической археологіи открыто блестящее будущее и гдѣ она особенно много даетъ для разрѣшенія нашего вопроса. Въ ней находится большое количество памятниковъ, которые особенно тщательно и дѣятельно собираются, классифицируются и хранятся; въ ней-же находится много ученыхъ, которые энергически изслѣдуютъ эту массу матерьяла и хорошо организуютъ работу. На основаніи изученнаго матерьяла, археологія уже высказала тамъ много любопытныхъ догадокъ относительно доисторическаго и вообще первобытнаго населенія Франціи и на почвѣ французскихъ данныхъ удобнѣе всего разбирать вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы.

Я не буду перечислять многочисленныхъ изслѣдователей, которые послѣ Буше де Перта помощью гораздо болѣе научныхъ пріемовъ и съ болѣе яснымъ пониманіемъ задачъ и методовъ изучаютъ во Франціи разнообразные археологическіе памятники. Мы уже называли сочиненіе <u>Belloguet</u>, Ethnogénie gauloise; авторъ строитъ часть своихъ

выводовъ на основаніи разработки именно вещественнаго до-историческаго матерьяла, въ частности на основаніи такъ называемыхъ мегалитическихъ сооруженій. Но я долженъ назвать одного изъ болѣе выдающихся современныхъ французскихъ ученыхъ въ этой области науки о древностяхъ человѣка, это нынѣшній директоръ превосходнаго историческаго С. Жерменскаго музея Александръ Бертранъ (Alexandre Bertrand). Труды его имѣютъ руководящее значеніе при изученіи вопроса.

Давно уже занимаясь доисторической археологіей именно на почвѣ Франціи, онъ написалъ не мало работъ, посвященныхъ различнымъ спеціальнымъ вопросамъ о древнѣйшихъ расахъ, заселявшихъ Францію и ихъ культурномъ развитіи, а въ послѣдніе годы задумалъ представить обобщенную картину главныхъ выводовъ, которые удалось формулировать этой юной отрасли археологіи. Вполнѣ владѣя предметомъ, прекрасно знакомый со всею ученою литературой, Бертранъ былъ лучше всякаго другого подготовленъ къ такой работѣ. Первоначально онъ изложилъ въ систематическомъ порядкѣ вопросъ о древнѣйшемъ населеніи западной Европы въ курсѣ лекцій, которыя онъ читалъ въ Парижской Высшей Археологической Школѣ (Ecole du Louvre) въ 1883-4 году, и которыя потомъ вышли въ видѣ отдѣльной книги, озаглавленной - La Gaule avant les Gaulois (Paris, 1884 г.) (x). Въ послѣдніе годы онъ рѣшилъ еще значительно расширить задачу и въ нѣсколь-

(x) Бертранъ впервые высказалъ свои основные воззрѣнія на вопросъ о до-историческомъ населеніи Галліи въ интересной лекціи - Conférence sur les populations primitives de la Gaule, напечатанной въ Revue archéologique за 1878 году, въ номерѣ за Іюль-Августъ.

ких томахъ изложить результаты научныхъ изслѣдованій о древностяхъ Франціи въ этнографическомъ и культурномъ отношеніи. Все сочиненіе должно будетъ объединяться общимъ названіемъ Nos origines (Cours d'archéologie nationale). - Пока вышелъ вводный томъ - Archéologie celtique et Gauloise (2 édition, 1889) (x) и второй, представляющій основательную и глубокую переработку только что названныхъ лекцій по исторіи доисторической культуры Галліи до Галловъ - La Gaule avant les Gaulois (2 éd., 1891); за ними въ скоромъ времени должны послѣдовать - третій о галльской религіи (La religion Gauloise) и о культурномъ развитіи Кельтовъ (Les Celtes d'après les textes et les monuments.) -

Для насъ въ настоящее время особенный интересъ имѣетъ вторая изъ только что названныхъ четырехъ частей обширнаго труда, задуманнаго Бертраномъ, въ которой онъ изображаетъ исторію заселенія Галліи и первоначальныхъ ступеней ея культуры до прибытія Галловъ.- Введеніе этой книги представляетъ краткій очеркъ задачъ методовъ и результатовъ науки доисторической археологіи и разсужденіе о значеніи ея для историка, а также содержитъ разъясненіе плана всей книги. Въ самой книгѣ, Бертранъ разсматриваетъ сначала вопросъ о древности человѣка на землѣ, а въ частности въ Европѣ, а затѣмъ послѣдовательно изображаетъ чередованіе расъ въ доисторическія времена на почвѣ Франціи, изучаетъ оставленные ими памятники, изслѣдуетъ ихъ соприкосновеніе и взаимодѣйствіе и эволюцію ихъ культуры въ періодъ каменнаго вѣка до момента появленія Галловъ съ ихъ метал-

(x) См. по поводу перваго изданія (1876 года) этой книги 4 интересныя статьи Alfred Maury въ Journal des Savants за 1876 г. и статью D'Arbois de Jubainville въ Revue archéologique. (tome XXX).

лическою цивилизацiею.

Въ видѣ дополненiя къ труду Бертрана для изученiя доисторической Францiи полезно пользоваться весьма основательной книгой другого хорошаго знатока доисторической археологiи во Францiи, Emile Cartailhac'а – La France préhistorique d'après les sépultures et les monuments, Paris 1889.

Для работающихъ надъ вопросами о древностяхъ быта народовъ Западной Европы весьма важнымъ подспорьемъ служатъ великолѣпныя коллекцiи превосходнаго историческаго музея въ Сенъ-Жерменѣ около Парижа. – Musée des antiquités nationales à St-Germain en Laye. – По богатству хранимыхъ въ немъ памятниковъ и по превосходному широко и строго научному ихъ расположенiю и вообще по своей организацiи музей этотъ представляетъ собою образецъ ученыхъ учрежденiй такого рода и прекрасную иллюстрацiю того глубокаго значенiя, которое теперь имѣетъ для историка систематическое изученiе вещественныхъ памятниковъ культуры народовъ. Даже бѣглый осмотръ предметовъ, размѣщенныхъ въ строго послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ въ отлично приспособленныхъ для дѣла залахъ величественнаго королевскаго Сенъ-Жерменскаго замка, (x) доставляя большое научное наслажденiе, выясняетъ много въ исторiи культуры Европы, а внимательное изученiе его коллекцiй сдѣлаетъ понятнымъ много такого, что не выяснитъ хорошо никакая книга. Я указываю на это, чтобы лишнiй разъ обратить вниманiе на значенiе такихъ, такъ сказать, „лабораторныхъ“ занятiй истори-

(x) Основанiе этого замка относится еще къ временамъ Людовика IX.

ею при помощи изученія въ музеяхъ подлинныхъ памятниковъ быта и культуры рядомъ съ занятіями „книжными" кабинетными и на необходимость ихъ соединенія для возможно болѣе полнаго воспроизведенія исторической старины (x).

Я беру пользоваться главнымъ образомъ сочиненіями Бертрана лишь дополняя ихъ другими для того чтобы воспроизвести исторію постепеннаго заселенія западной Европы человѣкомъ.

Еще недавно появленіе на землѣ человѣческаго рода признавалось наукою явленіемъ сравнительно позднимъ; но новѣйшіе открытія ископаемаго человѣка убѣдило ученыхъ въ невѣрности такого взгляда. Очень глубокая древность человѣка была доказана твердыми данными, полученными совокупными усиліями археологіи и геологіи и несомнѣннымъ нахожденіемъ издѣлій рукъ че-

(x) Сенъ-Жерменскій музей заключаетъ въ себѣ богатѣйшія коллекціи памятниковъ каменнаго вѣка, а также металлическихъ вѣковъ древнѣйшей исторіи Галліи, затѣмъ также памятниковъ Кельто-галльской, римской и франкской культуры и имѣетъ задачею „дать любознательнымъ людямъ изъ образованнаго общества и изслѣдователямъ науки исторію Галліи въ памятникахъ искусства и индустріи отъ древнѣйшихъ временъ до Карла Великаго." Кромѣ подлинныхъ памятниковъ, найденныхъ во Франціи, музей обладаетъ множествомъ прекрасно выполненныхъ снимковъ (moulages, Abgüsse) съ наиболѣе типичныхъ однородныхъ предметовъ, открытыхъ въ другихъ странахъ и хранящихся въ иностранныхъ музеяхъ. Такимъ образомъ получается важный сравнительный матерьялъ. Кромѣ того музей снабженъ многочисленными археологическими картами и рисунками и очень хорошо составленною специальною библіотекою

лавическихъ въ пластахъ очень древняго („геологическаго") происхожденія вмѣстѣ съ костями человѣка и исчезнувшихъ животныхъ, въ которыхъ они были погребены естественнымъ путемъ и образованію которыхъ, происходившему въ незапамятныя времена, неимѣющія исторической ~~хронологіи~~, они были современны. Этотъ новый выводъ, опровергшій прежнюю гипотезу, воодушевилъ и увлекъ людей науки, они невольно стремясь повести его еще дальше, стали искать слѣдовъ существованія человѣка даже во времена образованія такъ называемыхъ третичныхъ формацій земли.

Я не могу вдаваться въ подробное разъясненіе геологической терминологіи и ограничусь лишь нѣсколькими словами, чтобы сдѣлать понятными тѣ выраженія, которыя придется употреблять.– Геологи дѣлятъ земную кору на рядъ лежащихъ другъ надъ другомъ (снизу вверхъ) горизонтальныхъ слоевъ, послѣдовательно въ теченіи милліоновъ лѣтъ образовавшихся и постепенно покры-

---

и является такимъ образомъ первостепеннымъ пособіемъ при культурно-исторической работѣ.

Прекрасное описаніе Сенъ-Жерменскаго музея можно найти въ живой и талантливой брошюрѣ Gaston Boissier, Le musée de St. Germain, получившейся изъ статьи, помѣщенной въ Revue des deux Mondes за 1882 годъ.– Для музея составленъ очень хорошій объяснительный каталогъ однимъ изъ его ученыхъ хранителей, Ренакомъ, также извѣстнымъ знатокомъ доисторической археологіи – Salomon Reinach, Catalogue sommaire du musée de St. Germain, 2 éd. 1891.; къ нему присоединена обстоятельная библіографія до-исторической археологіи. – Тотъ же Ренакъ предпринялъ подробный вполнѣ научный каталогъ всѣхъ коллекцій музея, который будетъ состоять изъ шести большихъ томовъ.

вавшихъ одинъ другой. Они отличаются другъ отъ друга своимъ составомъ и окаменѣлостями, которыя въ нихъ содержатся. Классификація и распредѣленіе этихъ слоевъ одного за другимъ даетъ намъ ходъ безконечно долгой исторіи земной коры и представляетъ попытку раздѣленія ея на періоды (съ громадною „геологическою" продолжительностью). - Серія геологическихъ вѣковъ, изъ которыхъ состоитъ исторія земли, распадается на четыре большіе отдѣла - первичный (древнѣйшій) вторичный, третичный и четверичный; они (новѣйшій, граничащій съ современнымъ, который составляетъ его непосредственное продолженіе) (они въ свою очередь подраздѣляются на менѣе крупные, хотя несомнѣнно также весьма продолжительные подотдѣлы. Для насъ, изучающихъ не землю, а человѣка, интересны лишь два послѣдніе - третичный и четверичный. Первый изъ нихъ распадается на (отъ древности къ болѣе новымъ временамъ) періоды образованія эоценовыхъ („эпохи утренней зари"), олигоценовыхъ, міоценовыхъ и пліоценовыхъ пластовъ. Послѣ него наступаетъ періодъ четверичный, когда отлагались дилювіальныя и ледниковыя формаціи, и когда наконецъ поверхъ ихъ наслаивались аллювіальныя образованія позднѣйшихъ вѣковъ, которыя вводящія исторію земной коры въ современный періодъ, среди котораго живемъ и мы. (x).

Вышелъ первый томъ - S. Reinach. Description raisonnée du Musée de St-Germain, tome I. Epoque des alluvions et des Cavernes (1889), представляющій вполнѣ научный трактатъ по вопросу и полную сводку и подробное указаніе литературы.

(x). Подробная классификація геологическихъ пластовъ и періодовъ принадлежитъ знаменитому ученому, Лайэлю, и держится въ наукѣ до сихъ поръ. - См. изложеніе ея у Mortillet, Le pré-

Когда глубокая древность человѣка на землѣ была обнаружена выше названными находками, въ наукѣ долженъ былъ поставиться вопросъ о томъ, какъ глубоко назадъ можно отодвинуть эту древность, уходя въ предшествующіе геологическіе періоды, т.е. существовалъ ли уже человѣкъ въ то время, когда земля находилась въ третичномъ періодѣ своего развитія, или время появленія его нельзя отодвигать дальше времени образованія древнѣйшихъ четвертичныхъ пластовъ. (x) Вопросъ этотъ надо освѣтить намъ.

Условія жизни земли въ третичномъ періодѣ были таковы, по мнѣнію геологовъ, что теоретически нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи возможности существованія тогда человѣка. Это и заставляло геолога Falconer'a, очень увлеченнаго новой точкой зрѣнія на древность человѣка, изслѣдовавшаго окаменѣлости третичныхъ пластовъ въ Индіи и находившаго въ нихъ множество остатковъ такихъ животныхъ, которыя могли жить только въ такой физической средѣ, которая походила на среду удобную для человѣка, - заставляло, говорю, его ожидать при каждомъ новомъ ударѣ изслѣдующаго лома - что вдругъ обнаружится либо предметъ обдѣланный человѣкомъ, либо даже человѣческая кость. - Цѣлый рядъ палеонтологовъ, дѣйствительно принимаются за настоящія поиски слѣдовъ третичнаго человѣка, собираютъ и изучаютъ предметы, находимые въ третичныхъ формаціяхъ. Разсматривая эти предметы - камни, кремни, кости и т.д. - нѣкоторые ученые замѣчали на

historique, p. 21; также Hellwald, Der vorgeschichtliche Mensch, S. 4. -

(x) Предположенія о существованіи его во вторичномъ и первичномъ періодахъ никѣмъ изъ самыхъ смѣлыхъ ученыхъ не высказывались.

нихъ следы работы человѣка и высказывали мысль, что они могутъ служить фактическимъ доказательствомъ теоретически уже допущеннаго существованія человѣка, современнаго третичному періоду земли. Они стали говорить, что человѣкъ жилъ на землѣ въ тѣ незапамятныя, не поддающіяся измѣренію обычными хронологическими единицами, времена геологическаго прошлаго, когда отлагались эоценовые, міоценовые и пліоценовые пласты.

Первымъ ученымъ, который задался цѣлью разобраться въ вопросѣ о третичномъ человѣкѣ въ Европѣ, былъ консерваторъ парижскаго естественно-историческаго музея — Desnoyer (въ 1863); Изучая поздніе песчаные третичные формаціи около Шартра (Les sablonnières de St.-Prest), онъ нашелъ въ нихъ кремни, которые призналъ грубо обдѣланными, также кости носорога съ надрѣзами, которые приписалъ дѣйствію удара оружія, находившагося въ рукѣ современнаго этимъ животнымъ третичнаго человѣка. Онъ сравнивалъ свои находки съ другими костями и кремнями, найденными въ долинѣ рѣки Арно въ Италіи, и эти послѣднія, по его мнѣнію, подтверждали его выводъ. — Поэтому Desnoyer думалъ, что можно на основаніи изслѣдованія этихъ предметовъ предположить, что человѣкъ уже жилъ во Франціи до начала Великаго Ледниковаго періода въ одно время съ южнымъ слономъ (Elephas meridionalis) и другими громадными животными третичнаго періода, съ которыми онъ боролся.

Къ такому же выводу сталъ склоняться и знаменитый, умершій въ прошломъ году французскій антропологъ Quatrefages. Сначала онъ высказывался сдер-

гнанно; но находки аббата *Буржуа* (*les silex tertiaires de Thenay*), — грубо-обдѣланные кремни, открытые въ третичныхъ пластахъ, о которыхъ шла рѣчь уже на Парижскомъ антрополого-археологическомъ конгрессѣ 1867 г., но особенно на Брюссельскомъ 1872 г. — убѣдили его. Какъ сильное подтвержденіе этого взгляда приводились еще предметы, представленные другимъ французскимъ изслѣдователемъ — аббатомъ *Delaunay*, кости съ надрѣзами, найденныя въ известковыхъ также третичныхъ слояхъ; (*Les os incisés des faluns de Pouancé*) и подобнаго же рода находки американскаго ученаго *Вильяма Блека*.

Въ своемъ сочиненіи *L'espèce humaine*, вышедшемъ въ 1872 г. Катрфажъ говоритъ уже слѣдующее: „Человѣкъ существовалъ *безъ всякаго сомнѣнія* въ четвертичную эпоху и въ переходномъ періодѣ отъ третичной къ четвертичной, къ которой принадлежатъ и песчаники С. Пр. Далѣе, *по всей вѣроятности*, человѣкъ видѣлъ міоценовый періодъ и стало быть также весь пліоценовый. Другими словами человѣкъ былъ современникомъ значительной части третичнаго періода". Это — утвержденіе совершенно опредѣленное. У Катрфажа признаніе третичнаго человѣка связывается съ его общей теоріей происхожденія человѣческаго рода. Принадлежа къ числу *моногенистовъ*, которые ведутъ происхожденіе всего человѣческаго рода отъ одной пары особей и стало быть изъ одного какого нибудь пункта или центра на землѣ (х), онъ долженъ былъ пре-

(х) Въ противоположность имъ *полигенисты* предполагаютъ, что человѣчество произошло отъ многихъ паръ (мужчины и женщины), появившихся одновременно или разновременно на разныхъ пунктахъ земной поверхности и давшихъ начало различ-

положить весьма значительную давность человѣка иначе нельзя бы было объяснить, какъ могло успѣть образоваться такое рѣзкое различіе между расами, какое наблюдается теперь. Потому-то Катрфажъ и помѣщаетъ человѣка еще въ третичномъ періодѣ и даже указываетъ мѣсто, гдѣ человѣкъ впервые зародился, и гдѣ сначала жилъ и откуда разошелся по всей землѣ. Это были — сѣверныя полярныя страны напр. Шпицбергенъ, гдѣ также какъ и повсемѣстно на землѣ тогда, въ тѣ отдаленныя времена какъ вытекаетъ изъ данныхъ геологіи господствовалъ ровный умѣренный климатъ и были благопріятныя условія для развитія въ первоначальный младенческій особенно трудный періодъ земной исторической жизни человѣчества. Уже въ пліоценовую эпоху размножившійся человѣкъ занялъ материки Азіи, Европы, Африки и Америки, легко переходя изъ страны въ страну и легко приспособляясь вслѣдствіе однообразія и мягкости климатическихъ условій. Къ началу четвертичнаго періода человѣчество по этой теоріи было уже древнее и образованіе расъ установившимся фактомъ. (x)

Катрфажъ не былъ послѣднимъ защитникомъ существованія третичнаго человѣка. Ту же теорію поддерживали еще — очень извѣстный ученый Уитней (въ Америкѣ) Ворсо (въ Даніи), знаменитый Мортье (во Франціи) и Капеллини (въ Италіи). Этотъ послѣдній особенно настаивалъ на фактѣ третичнаго чело-

нымъ расамъ. — См. по вопросу о теоріяхъ моногенистовъ и полигенистовъ статью С.В. Ешевскаго, Значеніе расъ въ исторіи, въ I т. его Сочиненій.

(x). См. изложеніе теоріи Катрфажа у Bertrand p. 24–26.

вѣка.(x).

Теорія третичнаго человѣка очень соотвѣтствовала также взглядамъ трансформистовъ (т.е. послѣдователей Дарвина). Для того чтобы объясненіе происхожденія человѣка путемъ постепеннаго подбора и постепенно нарастающей наслѣдственности было вѣроятно, требовалось допустить очень большой хронологическій періодъ, въ глубинѣ котораго могла-бы совершиться такая громадная и сложная эволюція(xx), и Дарвинисты ставятъ третичную эпоху важнымъ моментомъ въ исторіи происхожденія видовъ. Въ ней правда они не находятъ еще настоящаго человѣка, какъ дѣлаютъ нѣкоторые палеонтологи и археологи, но видятъ уже существо, которое станетъ человѣкомъ въ четвертичную эпоху — предшественника человѣка (le précurseur de l'homme).

Въ этомъ послѣднемъ оттѣнкѣ теорію третичнаго человѣка принимаетъ извѣстный французскій антропологъ Мортилье. Онъ говоритъ: „Несомнѣнно установлено, что въ третичныя времена находились существа достаточно разумныя для того, чтобы точить камень и добывать огонь, и что эти существа не были и не могли быть настоящими людьми. Это были предшественники людей: антропопитеки или люди-обезьяны. Мы должны допустить въ Европѣ существованіе трехъ видовъ антропопитековъ — l'anthropopithèque de Thenay, de Cantal et du Portugal, (по мѣс-

(x) См. Capellini. L'uomo pliocenico in Toscana, 1876г.

(xx) „Происхожденіе видовъ" Дарвина вышло въ 1860г. — Воззрѣніе о древности человѣка развивалось несомнѣнно подъ вліяніемъ увлеченія теоріею Дарвина, которая явилась т. о. натуралистическимъ подтвержденіемъ археологическаго тезиса о третичномъ человѣкѣ.

таль находокъ)"

Бертранъ не считаетъ нужнымъ систематически опровергать взглядъ Мортилье о предшественникахъ человѣка. Онъ падаетъ уже самъ собою. Теорія Дарвина, говоритъ онъ, не разрѣшила правда вопроса о связи человѣка съ другими животными, не сомкнула разъединенныхъ звеньевъ великой цѣпи развитія животныхъ видовъ. Пропасть между людьми и животными остается по прежнему не перейденной; но это признается теперь уже большинствомъ и натуралистовъ, и крайніе сторонники Дарвина замолкли, такъ что теперь потерялъ значеніе и вопросъ объ антропопитекахъ, о которыхъ раньше много трактовали (x). Но вопросъ объ <u>третичномъ человѣкѣ</u>, по мнѣнію Бертрана, требуетъ обсужденія и онъ очень тщательно разсматриваетъ данныя, приводимыя въ доказательство существованія этого далекаго нашего предка. Выводъ его отрицательный. Онъ опровергаетъ выводы выше перечисленныхъ ученыхъ. Они, по его мнѣнію, основывали свою гипотезу не на остаткахъ человѣческихъ костей, найденныхъ въ третичныхъ формаціяхъ (xx), а только на основаніи находимыхъ тамъ кремней, оттесанныхъ будто бы и обожженныхъ рукою <u>человѣка и костей животныхъ</u>, зазубренныхъ или по-

x) См. напр. <u>Lyell</u>, The antiquity of man (1863), или <u>Huxley</u>, The place of the man in the nature (1867).

(x) Въ первомъ изд. своего труда Бертранъ еще очень горячо опровергаетъ мнѣніе трансформистовъ о третичномъ предшественникѣ человѣка.

(xx) Таковыхъ до сихъ поръ не отыскано, а относительно тѣхъ, которыя отысканы, удалось доказать ихъ позднѣйшее происхожд. или заподозрѣть правильность опредѣленія какъ третичныхъ пластовъ

раненныхъ ударами орудій, направленныхъ также человѣческою рукою. Онъ на основаніи самыхъ тщательныхъ личныхъ изслѣдованій и провѣрокъ не считаетъ возможнымъ присоединиться къ этому мнѣнію. Онъ утверждаетъ 1) что кремни эти, составляющіе какъ бы краеугольный камень теоріи, обломаны и отточены природою и обожжены точно также естественнымъ образомъ (т.е. вулканическою силою) и 2) что кости, зазубренныя и надрѣзанныя, которыя также приводятся ими, какъ аргументъ, говорящій въ ихъ пользу, повреждены не орудіемъ, направленнымъ рукою человѣка, а зубами большаго хищнаго животнаго, населявшаго тогда воды (squaloïde - рыба изъ породы акулъ). Въ конечномъ выводѣ онъ не отрицаетъ теоретической возможности третичнаго человѣка, но утверждаетъ, что существованіе его пока ничѣмъ не доказано, и онъ до сихъ поръ остается лишь гипотезою. Бертранъ солидно аргументируетъ свой взглядъ, изложеніе его глубоко фактично и основательно, и приходится пока согласиться съ нимъ.

Иначе рѣшается вопросъ о четвертичномъ человѣкѣ (homme quaternaire). „Если, говоритъ Бертранъ, (стр. 51), третичные кремни не могутъ дать намъ достаточно вѣскихъ доказательствъ существованія человѣка въ ту эпоху, то приходится сказать противное о каменныхъ топорахъ дилувія (т.е. древнѣйшихъ по-третичныхъ пластовъ)." Тутъ уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній - это издѣлія рукъ человѣческихъ. Бертранъ подробно изучаетъ матеріалъ, т.е. массу грубыхъ несовершенныхъ издѣлій изъ отбивнаго не шлифованнаго камня, которые найдены были въ различныхъ мѣстностяхъ въ четверти-

въ которыхъ они найдены.

Ив. Гревсъ

ныхъ образованіяхъ. Онъ приводитъ образцы, классифицируетъ, анализируетъ и сравниваетъ предметы, критикуетъ разныя мнѣнія. Заключеніе, которое онъ выводитъ изъ анализа всего матерьяла, относящагося къ каменному вѣку, примѣнительно къ вопросамъ о доисторическомъ населеніи Европы, приблизительно таково: „Галлія была населена или, точнѣе, имѣла жителей, разсѣянныхъ рѣдкими островами на ея поверхности, съ тѣхъ именно поръ, какъ она стала удобна для жизни человѣка (habitable). Въ эту древнѣйшую эпоху, совпадающую со временемъ образованія великихъ наносовъ (des grandes alluvions), человѣкъ жилъ въ Галліи одновременно съ нѣкоторыми исчезнувшими животными — мамонтомъ, большимъ ирландскимъ оленемъ, большимъ гиппопотамомъ, пещернымъ медвѣдемъ и гіенною, но также и среди большей части представителей современной фауны. Онъ, быть можетъ, охотился за обыкновеннымъ оленемъ, ланью, дикою козою, серною, каменнымъ барапомъ, лошадью и нѣсколькими видами быковъ. Аллювіальный человѣкъ зналъ нѣкоторыя породы растеній, напримѣръ чинаръ, ясень, лавровое дерево, виноградную лозу и смоковницу. Мы, къ несчастью, ничего не знаемъ опредѣленнаго о его внѣшнемъ видѣ и нравахъ. Онъ, кажется, особенно любилъ останавливаться у береговъ рѣчныхъ потоковъ, какъ будто-бы онъ преимущественно занимался рыбною ловлею. Слѣды его индустріи ограничиваются кремнями очень грубо оббитыми."

Такой выводъ — что человѣкъ уже населялъ западную Европу съ самаго начала четвертичнаго вѣка — былъ уже раньше намѣченъ Буше де Пертомъ и вытекалъ изъ всей совокупности его дѣятельности (1860 г.) и въ этомъ

его научная заслуга. Особенностью природы Европы въ эпохи четвертичнаго вѣка является широкое распространеніе ледниковъ, почему они и называются ледниковыми (époques des glaciers). Многіе понимаютъ этотъ терминъ – ледниковый періодъ – въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, думаютъ, что вся Галлія была тогда, какъ Гренландія теперь, покрыта слоемъ льда, такъ что не было въ ней растительности, и человѣкъ не могъ тамъ существовать. Это совершенно неправильный предразсудокъ. Конечно ледники занимали большое пространство (альпійскіе спускались до Ліона, пиренейскіе распространялись далеко на сѣверъ до Перпиньяна съ одной стороны, до Лурда съ другой,) но климатъ былъ, вѣроятно, не суровѣе нынѣшняго. Холода были суровы лишь внутри периметра самыхъ ледниковъ. Въ остальныхъ мѣстностяхъ климатъ былъ умѣренный и даже теплый (x). Человѣкъ не только не исчезъ во время ледниковаго періода, а, напротивъ того, размножался и развивался и быть можетъ именно онъ, а не холодъ больше всего способствовалъ уничтоженію въ Европѣ многихъ

(x) Вообще извѣстно, что вліяніе ледниковъ не распространяется сколько нибудь далеко за ихъ точные предѣлы. Всѣ путешественники, напримѣръ, начиная съ Кука, посѣщавшіе Новую Зеландію, съ восторгомъ разсказываютъ о могучихъ лѣсахъ этого новаго, зеленаго острова", въ которыхъ группы веерныхъ пальмъ соединяются съ роскошною листвою древовидныхъ папоротниковъ. А между тѣмъ въ нѣсколькихъ лишь миляхъ отъ этихъ растительныхъ богатствъ поднимаются выше громады Южныхъ Альпъ въ которыхъ снѣжная линія уже начинается на высотѣ лишь 1000 метровъ надъ поверхностью океана и по склонамъ которыхъ скользятъ и низко спускаются ледники. Но темпе-

видовъ животныхъ. Фауна Европы была тогда разнообразна; въ составъ ея входили какъ южныя (южный слонъ, носорогъ, гиппопотамъ), такъ и сѣверныя (сѣверный олень, мускусный быкъ, россомаха, сурокъ) животныя, и это также свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Европѣ были очень теплыя полосы и въ ледниковый періодъ.

Одинъ французскій изслѣдователь Gaston de Saporta так изображаетъ картину Европы въ ледниковый періодъ (Revue des deux Mondes, 1868, 15 août): „У подножія большихъ Альпъ главные виды растеній были: сосна, ель, береза. Весь сѣверъ Европы, начиная съ Альпъ, представляетъ ту же строгую физическую картину, какая характеризуетъ его теперь. Но растительность была богаче; сила этой растительности поддерживалась большою сыростью климата. Трудно выразить до какой степени обильны были воды, покрывающія Европу по всѣмъ направленіямъ. Чтобы представить себѣ тогдашнюю Сомму, Рейнъ, Рону, Дюрансу, надо было бы поднять нынѣшній уровень этихъ рѣкъ первой на 100 фут., второй на 60, послѣдней на 50. - Но между Центральной Европой и Южной замѣчалась существенная разница въ климатѣ. Въ послѣдней мы встрѣчаемъ канарскіе лавры рядомъ съ лавромъ туземнымъ, рядомъ съ Монпельевскою сосною, фиговое дерево и виноградную лозу. Ясень и платанъ также тамъ процвѣтали." - Въ общемъ выводѣ надо сказать, что природа Европы была въ ледниковый періодъ похожа на современную.

Относительно населенія древнѣйшихъ эпохъ четвертичнаго вѣка мы имѣемъ лишь слабыя общія свѣдѣнія. Для того чтобы возсоздать картину какого-ни-

ратура окружающихъ долинъ отъ этого чувствительно не понижается.

Vlen.

нуды археологическаго вѣка необходимы источники двухъ родовъ или категорій: 1) Остатки череповъ и скелетовъ человѣка, какъ показатели расы и физическаго развитія и 2) Остатки утвари и орудій, какъ показатели культуры. Вторыхъ т.е. памятниковъ работы четверичнаго человѣка, сохранилось въ пластахъ земли и постепенно все открывается многое множество; но и они, разумѣется, однообразные. Остатки же самаго человѣка всѣ наперечетъ. Ихъ главныхъ три: 1) Черепъ Канштадтскій, найденный въ долинѣ Рейна въ 1700 году, но до 18[illegible] г. остававшійся въ забвеніи. 2) Черепъ Энгейльскій, открытый Фауделемъ въ 1867 г. и 3) Челюсть Moulin-Quignon, найденная Буше-де-Пертомъ въ 1863 г. въ пластѣ несомнѣнно четверичномъ (Это именно тотъ главный остатокъ, который далъ впервые право гражданства до-историческому человѣку и наукѣ, его изучающей.) На основаніи этихъ трехъ находокъ Бертранъ пытается воспроизвести типъ этой самой древней расы обитателей Европы, — говоримъ „расы", потому что всѣ три остатка принадлежатъ по внутреннему устройству очевидно индивидуумамъ однороднаго или сходнаго этническаго происхожденія. Это представители такъ называемой — „канштадской" расы, черепъ которой такъ оцѣнивается извѣстными французскими антропологами Катрфажемъ и Гами: „Надбровныя дуги рѣзко обозначены; лобъ, узкій и низкій, кажется особенно покатымъ именно вслѣдствіе такого контраста; черепной сводъ очень приплюснутъ; довольно правильный спереди онъ поднимается поверхъ затылочной кости и продолжается къ заду. Общая форма черепа относительно узка. Всѣ кости [illegible] отличаются большою толщиною."

Нѣсколько больше данныхъ о строеніи организма древнихъ жителей Европы имѣемъ мы относительно болѣе позднихъ эпохъ. Кромѣ выше указанныхъ череповъ и остатковъ, найденныхъ въ аллювіальныхъ пластахъ (четвертичныхъ формацій) на берегахъ рѣкъ, другіе болѣе многочисленные (также четвертичной эпохи, но позднѣйшіе) отысканы еще въ древнихъ пещерахъ и также могутъ служить для характеристики антропологическаго типа доисторическаго населенія Европы.— Въ числѣ этихъ остатковъ человѣческихъ череповъ или скелетовъ особенно интересны:

1) Черепъ Неандертальскій. Это, вѣрнѣе, не только черепъ, но значительная часть скелета (le squelette de Néanderttal), найденная въ пещерѣ близь Дюссельдорфа въ 1856г. и имѣющая капитальную важность для археолого-антропологическихъ изслѣдованій.

и 2) Челюсть изъ Нолетты (la mâchoire de Naulette въ Бельгіи). Многіе выдающіеся ученые занимались изученіемъ этихъ остатковъ и плодомъ ихъ изслѣдованій явилась научная гипотеза о существованіи въ Зап. Европѣ въ четвертичный періодъ нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ, 4хъ расъ людей, которыя и получили названіе по мѣстностямъ, гдѣ были найдены кости.— Вотъ ихъ имена и краткая антропологическая характеристика.

1) Древнѣйшая Неандертальская или Канштадтская раса — очень долихокефалическая, низколобая и прогнатичная (съ выдающимися челюстями), толстокостная.— Черепа людей этой расы свидѣтельствуютъ о ея чрезвычайно низкомъ антропологическомъ развитіи, вслѣдствіе чего ученые долго думали, что это черепа

Кул.

исключительные (патологическія)(x). Только анатомическія изслѣдованія Катрфажа и Гами окончательно показали, что на черепахъ этихъ отражаются вовсе не индивидуальныя отклоненія, а общія расовыя особенности, такъ какъ во всѣхъ черепахъ найденныхъ потомъ въ древнѣйшихъ четвертичныхъ отложеніяхъ эти особенности повторяются. Позднѣйшія расы:

2) Кро-Маньонская раса — также долихокефалическая, но съ болѣе совершеннымъ устройствомъ — высокимъ лбомъ и очень ослабленнымъ прогнатизмомъ, свидѣтельствующимъ о гораздо болѣе высокомъ антропологическомъ развитіи и культурныхъ способностяхъ.

3) Фурфоозская — брахикефальная, безъ прогнатизма съ тонкими костями.

и 4) Гренельская — также короткоголовая. Эти четыре расы появились не въ одно время, и не въ одно время исчезли. Первая и три послѣднія, неодинаково древнія, нѣкоторое время существовали, притомъ онѣ не сохранились въ чистотѣ; между расами появилась сначала борьба, потомъ союзы — скрещиванья, обнаружившіяся въ метизаціи, которая констатирована, напримѣръ въ пещерѣ такъ называемаго „мертваго человѣка" у устьевъ рѣки Лозеры, принадлежащей расѣ Кро-Маньоновъ, такъ что брахикефали въ концѣ концовъ возобладали.

(x) Вотъ, какъ на основаніи ученыхъ изслѣдованій, опредѣляетъ общій типъ Неандертальскаго человѣка одинъ французскій археологъ: „Sous le rapport de la taille et de la proportion des membres, l'homme de Néanderthal ne diffère pas d'un Européen. Mais sa face avec ses arcades sourcilières, ses sinus frontaux énormes, sa quasi-absence de front avaient incontestablement un aspect simien vraiment bestial." Zaborowski, l'homme préhistorique, p. 54.

[illegible]

Приведенная классификація является, конечно, лишь предположительнымъ обобщеніемъ имѣющихся фактовъ. Точно лишь то, что расъ было нѣсколько и что онѣ смѣшивались, и что антропологическое развитіе насъ медленно усовершенствовалось вслѣдствіе преобладанія высшихъ расъ. Главными свѣдѣніями о жизни пещерныхъ людей (троглодитовъ) мы обязаны *Лартэ*, о которомъ Бертранъ отзывается съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ пользуется выводами *Лартэ* и своими собственными изысканіями, чтобы воспроизвести прежде всего *характеръ эпохи*. — Изученіе троглодитовъ, по его мнѣнію, переноситъ насъ въ такую эпоху, когда всѣ крупные географическіе перевороты въ Европѣ уже прекратились, когда напримѣръ, окончательно уже утвердилось настоящее распредѣленіе водъ, когда рѣчные потоки уже потеряли свою стремительность и занимаютъ болѣе или менѣе тѣ же ложа, что и теперь. Изъ числа пещеръ, занятыхъ тогда человѣкомъ, нѣкоторыя только на нѣсколько метровъ выше уровня нашихъ рѣкъ. — Но между тѣмъ крупныя млекопитающія породы еще не вполнѣ исчезли. Фауна въ Европѣ болѣе или менѣе такая же, какъ и современная. Но *сѣверный олень*, стада котораго встрѣчаются въ наши дни только на далекомъ сѣверѣ, населяютъ въ множествѣ и южныя ея части, и съ нимъ рядомъ встрѣчаются еще нѣкоторыя другія сѣверныя животныя.

— Это эпоха сѣвернаго оленя (l'Époque du renne) въ классификаціи палеонтологовъ и археологовъ. — „Сохранимъ названіе, замѣчаетъ Бертранъ, но не будемъ выводить изъ него того заключенія, что климатъ тогда былъ очень холодный и что въ Аквитаніи тогда господствовала температура Гренландіи или Лапландіи. Даже въ ледниковый періодъ температура Французскихъ долинъ стояла гораздо выше температуры нынѣшнихъ сѣверныхъ странъ Европы. А во времена сѣвернаго оленя великіе ледники давно уже растаяли. — Былъ или нѣтъ тогдашній климатъ болѣе или менѣе суровымъ, это неизвѣстно; но твердо установленъ тотъ фактъ, что племена, которыя занимали тогда долины Везера, верхней Гаронны и другихъ рѣкъ, уже наслаждались досугомъ, образовывали нѣчто въ родѣ организованнаго общества, жившаго кольнами или большими семьями и выказывали такія природныя дарованія, которымъ нельзя не удивляться." Бертранъ подробно разбираетъ остатки, относящіеся преимущественно къ <u>Кро-Маньонской</u> и <u>Фурфоозской</u> расамъ. Онъ опредѣляетъ приблизительно мѣстность, которую онѣ занимали преимущественно во Франціи. По его мнѣнію, они встрѣчались на пространствѣ почти всей Галліи, но <u>Аквитанія</u> была мѣстомъ ихъ преимущественныхъ стоянокъ. Онъ пытается составить по имѣющимся даннымъ, извлеченнымъ изъ сравнительнаго изученія памятниковъ и предметовъ **индустріи**, приблизительную, вѣроятную, общую картину общаго состоянія развитія европейскихъ троглодитовъ, — людей древнѣйшаго камен-

В. Кур[illegible]

наго вѣка. Элементы для такой картины уже имѣются въ трудахъ Лартэ. Бертранъ сводитъ ее къ слѣдующимъ главнымъ признакамъ.

Расы людей — туземныя (aborigènes) или пришлыя — неизвѣстно — жили въ Галліи одновременно съ сѣвернымъ оленемъ, зубромъ, каменнымъ бараномъ и серною, животными нынѣ выселившимися или укрывшимися въ высокихъ долинахъ горъ. Эти первобытныя племена не знали употребленія металловъ; ихъ орудія и оружіе состояли либо изъ камней, грубо отточенныхъ, (отбитыхъ и нешлифованныхъ); либо изъ твердыхъ костей и роговъ животныхъ, приспособленныхъ къ различнымъ элементарнымъ бытовымъ надобностямъ. Они жили добычею отъ охоты или рыбной ловли; питались мясомъ млекопитающихся, которыя сейчасъ были названы, какъ ихъ современники, а также мясомъ лошади, которая, какъ кажется, была любимою ихъ пищею; не пренебрегали и рыбою. Кромѣ сѣвернаго оленя они не приручили ни одного животнаго, даже собаки. Помимо мяса животныхъ они употребляли на свои нужды и ихъ шкуры для одежды — они умѣли довольно искусно сдирать ихъ и сшивать, чтобы придать видъ платья. Найдены служившія для этого иглы также изъ оленьяго рога съ просверленнымъ отверстіемъ въ видѣ ушка для продѣванія нитки, вмѣсто которыхъ употреблялись разодранныя сухожилія тѣхъ же животныхъ. Ихъ украшенія и предметы домашней утвари — очень разнообразно отдѣланные, иногда съ полнымъ соблюденіемъ симетріи, свидѣтельствуютъ о томъ, что у нихъ уже пробу-

ждалось инстинктивное стремленіе къ красотѣ и роскоши и нѣкоторое развитіе искусства. Ихъ рисунки и скульптурныя попытки показываютъ намъ, какъ хорошо умѣли они изображать фигуры современныхъ имъ животныхъ.(х) Гончарное искусство было имъ не извѣстно, хотя добывать огонь они несомнѣнно умѣли. Эти люди, какъ доказываютъ довольно многочисленные найденные скелеты, отличались болѣе или менѣе такого-же тѣлесною организаціей, тѣмъ же среднимъ ростомъ, какъ и современные европейцы;(хх) высокій лобъ показываетъ присутствіе умственной силы и энергичной способности къ развитію. Время, въ которое пещеры служили жилищемъ древнѣйшимъ жителямъ Галліи въ періодъ развитія старокаменной культуры, трудно поддается хронологи-

(хх) (Конечно, тутъ рѣчь идетъ о позднѣйшихъ, собственно пещерныхъ расахъ, а древнѣйшая, Канштадская, аллювіальная, — должна быть оставлена позади.)

(х) Bertrand, p. 83: „Au premier abord on croirait ces nomades au dernier degré de sauvagerie, et cependant le sentiment des arts est chez eux très-développé. Problème curieux, rempli de mistère, qui s'appuie sur des faits parfaitement constatés.“

Бертранъ на страницахъ, слѣдующихъ за указанной, въ своей книгѣ о Галліи до Галловъ, подробно анализируетъ любопытный имѣющійся матеріалъ такого рода попытокъ, рисунковъ и скульптурныхъ произведеній, сдѣланныхъ рукою пещернаго человѣка каменнаго вѣка, нацарапанныхъ на костяныхъ предметахъ или выточенныхъ изъ кости. Онъ прилагаетъ много образцовъ въ видѣ иллюстраціи. Лучше всего удаются этимъ далекимъ предкамъ шедевра

ческому опредѣленію. Можно указать навѣрно только тотъ культурный моментъ, когда этотъ періодъ несомнѣнно окончился: этотъ конечный предѣлъ совпадаетъ съ появленіемъ новыхъ расъ съ орудіями изъ полированнаго камня и такъ называемыми мегалитическими постройками, а также съ прирученными животными - быкомъ, бараномъ и собакою. Вотъ все, что можно сказать о человѣкѣ старо-каменнаго періода въ западныхъ частяхъ Европы.

Выводы, сдѣланные о жизни троглодитовъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій всѣхъ вновь открытыхъ памятниковъ очень основательнымъ археологомъ, ученикомъ Бертрана, Ренакомъ, 20 лѣтъ позже Ларте, (x) въ общемъ подтверждаютъ только что нарисованную картину, прибавляя къ ней лишь многія подробности, не нарушающія ея колорита и общаго характера, а только дѣлающія ее болѣе яркою и богатою. Между изображеніями животныхъ, притомъ наиболѣе близкихъ - сѣвернаго оленя, быка. Но встрѣчаются также нарисованныя рыбы, тюлени, змѣи, птицы. Человѣкъ изображается рѣдко и плохо. Упомяну о знаменитомъ рудиментарномъ изображеніи мамонта на кости съ характернымъ обозначеніемъ загнутыхъ клыковъ и длинной шерсти, свидѣтельствующемъ о томъ, что человѣкъ былъ современникомъ этой давно исчезнувшей породы. - Сенъ Жерменскій музей обладаетъ богатою коллекціею такихъ древнѣйшихъ произведеній искусства. Ренакъ въ обоихъ каталогахъ описываетъ и подробно разбираетъ ихъ. - Это очень любопытная страница изъ древнѣйшей исторіи развитія человѣческой цивилизаціи.

(x) См. у Бертрана стр. 111-112.

чемъ онъ особенно настаиваетъ на значеніи зачатковъ искусства у пещерныхъ обитателей. (X)

Разсказъ одного русскаго путешественника конца XVIII в. (Крашенинникова) о бытѣ современныхъ ему камчадаловъ переноситъ насъ въ живую обстановку людей каменнаго вѣка и служитъ интереснымъ дополненіемъ и подтвержденіемъ выводовъ изъ изслѣдованія археологическаго матерьяла.

„Прежніе камчатскіе металлы, разсказываетъ онъ, были кость и каменья. Изъ нихъ камчадалы дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ пламя, каковы у насъ бываютъ **тесла**. — Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта, и проч., однако съ такимъ трудомъ и так долго, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя по тамошнему, колягами называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою и всякій острожекъ могъ бы имъ

(X) Заканчивая анализъ памятниковъ пещерныхъ людей Бертранъ опровергаетъ, по его мнѣнію, невѣрныя воззрѣнія нѣкоторыхъ археологовъ, что пещерная жизнь есть непремѣнная ступень, именно вторая фаза прогрессивнаго развитія человѣка. Троглодиты были и въ первобытныя времена, и въ эпоху классической древности (упоминанія о нихъ мы находимъ у древнихъ писателей, какъ Гомеръ, Эвклидъ и другіе.) Живутъ въ пещерахъ нѣкоторые и изъ современныхъ дикарей. Пещерная жизнь - это только условіе быта болѣе или менѣе случайное.

хвалиться передъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ 20ти человѣкъ съѣдаетъ. – А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ. Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго и дымчатаго хрусталя, на подобіе ланцетовъ и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не только платье и обувь, но и подзоры весьма искусно. Огнива ихъ – дощечки деревянныя изъ сухаго дерева, на которыхъ по краямъ навернены дырочки да круглыя изъ сухаго же дерева палочки, которыми вертя въ ямочкахъ огонь доставали. Вмѣсто трута употребляли мятую траву, тончишь въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности оберня берестою каждый камчадалъ носилъ съ собою и нынѣ носитъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубить, какъ доставаютъ своими." (х)

Другіе подобные же факты, заимствованные изъ данныхъ русскихъ наблюдателей и путешественниковъ по этнографіи Сибири, относящіяся къ XVIII в. приводитъ Бертранъ и говоритъ, что описаніе ихъ прямо переноситъ насъ въ пещеры Аквитаніи четвертичнаго вѣка, насколько можно судить по имѣющимся остат-

а эпохи не необходимая фаза въ эволюціи человѣческой культуры.

(х) Строки эти извлечены изъ книги. – Описаніе земли Камчатки, сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, академіи наукъ профессоромъ СПБ. 1755. т. II, ч. 3. стр. 31–33.

Кур.

камъ ихъ утвари. (х) Онъ дѣлаетъ еще попытки возстановить нѣкоторыя лишнія подробности быта пещерныхъ людей на основаніи этихъ данныхъ полученныхъ изъ изученія образа жизни и культуры современныхъ или вообще позднѣйшихъ дикарей, еще до извѣстной степени теперь живущихъ или недавно жившихъ въ условіяхъ каменной культуры. Но онъ предупреждаетъ, что надо быть осторожнымъ, прямо говорить –, на этомъ наука пока останавливается", а не пускаться въ фантастическія толкованія или построенія. Бертранъ – настоящій археологъ: онъ любитъ свою науку, пользуется всѣми данными для возстановленія жизни человѣка старо-каменнаго вѣка, но никогда не идетъ дальше фактовъ и спокойно сознается, что физическая и нравственная природа первобытнаго человѣка ускользаютъ отъ нашего взора, и что многія и другія стороны вопроса навсегда останутся въ темнотѣ. (хх).

Главу о древнѣйшемъ человѣкѣ онъ заключаетъ словами Литтре: „Нѣкоторыя области изслѣдованія

(х) См. эти оч. любопытныя описанія въ книгѣ Бертрана на стр. 104–10.

(хх) Позволяю себѣ указать на интересную беллетристическую попытку современнаго талантливаго французскаго романиста Rosny представить синтетическую картину быта и психическаго развитія пещернаго человѣка, а также обстановки, въ которой онъ жилъ, въ одномъ изъ послѣднихъ его романовъ – „Vamireh" (есть рус. перев. въ изд. Павленкова подъ заглав. До потопа). Картина въ общемъ получается, конечно, нѣсколько фантастическая, и многія детали воспроизведены несомнѣнно невѣрно; но нѣкоторую художественную иллюстрацію данныхъ археологіи книга дать можетъ, и авторъ ея, кажется, имъ обладаетъ чутьемъ пониманія условій древнѣйшаго быта и того, какъ они дѣйствовали на человѣка.

[illegible].

подобны океану, волны котораго разбиваются о нашъ берегъ, который близко отъ насъ, но для покоренія котораго мы не изобрѣли еще ни судна, ни паруса. Въ страшную бездну его еще нельзя проникнуть, но самое внимательное наблюденіе его явленій и ясное ихъ представленіе уже полезно."—

Такъ и изслѣдованіе памятниковъ доисторическаго человѣка не откроетъ всѣй тайны первоначальнаго развитія человѣчества, но много выяснитъ въ его ходѣ и прогрессѣ на древнѣйшихъ ступенахъ.

Сив.

35.

3.

Неолитическая культура въ западной Европѣ.
(Мегалитическіе памятники и свайныя постройки.)
Появленіе металловъ.

1. — Древнѣйшіе пещерные обитатели западной Европы, принадлежавшіе къ различнымъ антропологическимъ типамъ, долгое время населяли островами нѣкоторыя пространства Галліи, ведя бродячій образъ жизни, характеризуясь, нужно думать, полнымъ отсутствіемъ какого-бы то ни было религіознаго культа. Они не знали металловъ, хотя несомнѣнно и давно уже употребляли огонь, не умѣли даже полировать камня. Они прожили, такъ можетъ быть, много вѣковъ, борясь съ окружавшимъ ихъ многочисленнымъ и кровожаднымъ животнымъ царствомъ, сражаясь другъ съ другомъ, орда съ ордой, но долго не тревожимые никакими новыми переселенцами.

Но съ теченіемъ времени для Европейской культуры открылся новый періодъ, принесенный новыми расами, съ болѣе широкимъ черепомъ и болѣе развитыми интеллектуальными и соціальными инстинктами. Эти новыя племена легли верхнимъ слоемъ надъ описанными выше, подавивъ ихъ скорѣе культурными преимуществами, чѣмъ численнымъ превосходствомъ. Они принесли съ собою въ Европу искусство полировать камень и выдѣлывать изъ него очень разнообразные предметы — оружіе, орудія труда и украшенія, принесли также оригинальный обычай возводить особыя сооруженія изъ огромныхъ необдѣланныхъ, „дѣвственныхъ" камней (pierres vierges) и обломковъ скалъ, не тронутыхъ человѣческою рукою (т.е. не оббитыхъ и не полированныхъ), помѣщая ихъ на поверхности земли или скрывая подъ землею. Сооруженія эти давно уже обращали вниманіе наблюдате-

Литограф. Рудяева но в. пер. д. 5.

мій и изслѣдователей и носятъ теперь въ археологіи специальное названіе <u>мегалитическихъ памятниковъ</u> (x). — Они бываютъ различнаго вида и, смотря по формѣ и расположенію, дѣлятся на нѣсколько группъ. Одни изъ нихъ представляютъ соединеніе нѣсколькихъ большихъ цѣльныхъ каменныхъ плитъ, сложенныхъ такъ, что онѣ образуютъ подобіе столовъ, комнатъ, пещеръ или галлерей. Это — <u>дольмены</u> (<u>dolmens</u>). Тѣ, которые представляютъ подобіе столовъ, состоятъ изъ двухъ огромныхъ обломковъ скалъ — одного вертикальнаго, другого горизонтальнаго, приложенныхъ такъ, что послѣдній держится на второмъ съ непоколебимою прочностью благодаря искусному укрѣпленію силою одной своей тяжести. Пещерообразные дольмены состоятъ, по крайней мѣрѣ, изъ четырехъ плитъ, (три стѣнки и крыша) но иногда представляютъ гроты солидныхъ размѣровъ, уходящіе подъ землю длинными ходами (<u>allées couvertes</u>). Другія, изъ числа описываемыхъ сооруженій являются въ видѣ продолговатыхъ каменныхъ глыбъ, огромныхъ размѣровъ, помѣщенныхъ на землѣ въ стоячемъ положеніи („<u>pierres levées</u>"); они также поразительно крѣпки на своихъ мѣстахъ; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ вращаться на своихъ основаніяхъ (<u>pierres branlantes</u>), но сдвинуть съ мѣста ихъ въ высшей степени трудно. — Такого рода стоячіе камни, поставленные въ видѣ колоннъ или обелисковъ, называются обыкновенно <u>менгирами</u> (<u>menhirs</u>) (xx) Наконецъ должна быть отмѣчена еще одна разновидность мегалитическихъ памятниковъ — <u>кромлехи</u> (<u>kromlechs</u>, <u>cromlechs</u>). Это — цѣлыя группы огромныхъ камней. Обыкно-

(x) Отъ греческихъ словъ <u>μέγας</u> — (большой) и <u>λίθος</u> (камень).

(xx) По всей вѣроятности отъ бретонскихъ словъ — <u>men</u> (камень) и <u>hir</u> (длинный). Ихъ иногда еще называютъ — <u>peulvens</u>. Это слова новѣйшаго происхожденія, употребляющіяся не болѣе одного вѣка.

вѣнно въ центрѣ ихъ воздвигается одинъ высокій менгиръ, или большой дольменъ, а около него однимъ или нѣсколькими концентрическими кругами располагаются другія необдѣланныя каменныя глыбы. Иногда же, такого рода каменныя громады длинными цѣпями или рядами („alignements") тянутся въ глубины долинъ и своими размѣрами и величественностью производятъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Франціи оригинальное волнующее впечатлѣніе.

Первоначально памятники эти приписывались Кельтамъ и признавались за алтари ихъ боговъ или вообще за сооруженія, возводившіяся для цѣлей культа по предписанію ихъ жрецовъ, почему ихъ даже называли „друидическими камнями". – Но ближайшее изслѣдованіе ихъ въ свѣтѣ новѣйшихъ археологическихъ взглядовъ и методовъ доказало, что такое воззрѣніе не имѣетъ историческаго значенія и должно быть оставлено, какъ легенда. Мы можемъ утверждать, что ни одинъ друидъ не возводилъ дольмена, не приносилъ на немъ свои кровавыя человѣческія жертвы и не возносилъ молитвы въ оградѣ кромлеха, или если и дѣлалъ это, то лишь усвоивъ на почвѣ Галліи традицію и обычай, выросшіе изъ религіозной мысли другого болѣе древняго племени. Дѣло въ томъ, оказалось, что подобнаго рода мегалитическія сооруженія встрѣчаются не только въ Кельтическихъ странахъ – Франціи и Великобританіи, но и въ многихъ другихъ, напримѣръ изъ европейскихъ земель въ Испаніи и Португаліи съ одной стороны, въ Даніи и южной Швеціи съ другой, также въ Сѣверной Африкѣ, (въ Марокко, Алжирѣ и Тунисѣ), въ сѣверной и южной Америкѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи, напримѣръ въ Палестинѣ, на восточномъ берегу Индостана у подошвы Гималаевъ (x) и въ центральной Татаріи.

Кромѣ того при раскопкахъ почвы подъ мегалитическими памятниками обнаружилась масса предметовъ изъ полированнаго, но также и изъ мало обдѣланнаго камня, дающихъ картину культуры, несоотвѣтствующую той ступени цивилизаціи, на которой стояли арійцы при появленіи ихъ въ Европѣ (они, какъ извѣстно, уже тогда знали употребленіе металловъ). Найденные скелеты также обнаруживаютъ антропологическіе признаки не Кельтскаго типа.

Вслѣдствіе этихъ данныхъ наука пришла теперь къ предположенію что мегалитическіе памятники являются останками загадочной расы, населявшей Западную Европу до Кельтовъ и какъ бы связывающей ихъ съ пещерными обитателями старо-каменнаго вѣка.

Что касается до назначенія дольменовъ (xx), то въ настоящее время совершенно несомнѣнно установлено раскопками и изслѣдованіями, что это памятники погребальные — это могилы вождей, либо родовыя усыпальницы, либо даже мѣста погребенія цѣлаго небольшаго племени (tribu). Менгиры и кромлехи могли имѣть тоже самое назначеніе, т.е. служили наружными украшеніями или признаками скрытыхъ подъ ними въ землѣ могилъ (xxx);

(x) Извѣстный французскій историкъ, Мартэнъ, говоритъ даже, что одно племя въ Индостанѣ до сихъ поръ возводитъ такія сооруженія.

(xx) Слово это употребляется часто и какъ общее обозначеніе всякаго рода мегалитическихъ памятниковъ. Въ данномъ случаѣ я употребляю его въ спеціальномъ смыслѣ.

(xxx) Нужно сказать, что нѣкоторые изъ мегалитовъ (особенно дольменовъ-пещеръ), которые стоятъ теперь на поверхности земли, раньше были скрыты подъ нею или прикрыты насыпаннымъ издревле курганомъ, и только въ позднѣйшія времена обнажены искателями кладовъ или просто фермерами, уносившими землю на свои поля

Это.

ими же въ нихъ надо видѣть памятники въ болѣе точномъ смыслѣ, т. е. сооруженія, возведенныя въ „воспоминаніе" какого нибудь событія (pierres de souvenir) (x).

Идея эта была впервые научно высказана и обоснована убѣдительными данными въ шестидесятыхъ годахъ уже извѣстнымъ намъ ученымъ Директоромъ Сен-Жерменскаго Музея, Александромъ Бертраномъ (xx), который стоитъ во главѣ французскихъ ученыхъ, изучающихъ доисторическую древность, завѣдуетъ раскопками, (къ нему направляются всѣ новыя открытія и частныя изслѣдованія) и знаетъ все, до чего пока удалось доработаться въ области интересующаго насъ вопроса. Много данныхъ для знакомства съ мегалитическими памятниками мы находимъ уже въ книгѣ Беллоге, Ethnogénie Gauloise; но со времени появленія его книги цѣлый рядъ мѣстныхъ археологовъ усиленно занимаются ими и количество матерьяла все растетъ. Внимательный анализъ его и общую сводку результатовъ, добытыхъ до 1890 года, мы находимъ въ третьей главѣ книги Бертрана — La Gaule avant les Gaulois (xxx).

Около трехъ тысячъ сохранившихся до сихъ поръ погребальныхъ дольменовъ во Франціи и нѣсколько большее число „pierres de souvenirs" даютъ возможность на основаніи извлеченныхъ изъ нихъ изученія очень богатыхъ данныхъ составить общее представленіе о степени развитія племени или расы, строившей дольмены.

или добывавшими селитру.

(x) Азіатскіе дольмены (напр. въ Палестинѣ), нужно думать, имѣли исключительно послѣднее назначеніе.

(xx) См. его изслѣдованіе Les monuments dits celtiques (1862) его же соч. Archéologie celtique et Gauloise (2 éd. p. 101 et suiv.; p. 158).

(xxx) Это очень интересныя и поучительныя страницы. Бертранъ иллю-

Прежде всего, разумѣется, важно предѣлить географическую область распространенія мегалитическихъ памятниковъ въ западной Европѣ. Она можетъ быть намѣчена слѣдующимъ образомъ. Если провести линію отъ Марсели по Ронѣ и Сонѣ, до Шалона на Марнѣ, оттуда на Востокъ по направленію къ Берлину и затѣмъ къ Сѣверному Океану такъ, чтобы на западѣ отъ нея оставалась Скандинавія, то мы получимъ приблизительно вѣрную границу области распространенія дольменовъ, которая будетъ расположена на западъ и на сѣверо-западъ отъ указанной линіи, и въ которую, стало быть, войдутъ западная, центральная и сѣверная Франція съ Бельгіею и сѣверною Германіею, а также острова Британскаго архипелага и Скандинавскія земли. Внѣ отмѣченной области, т.е. на Востокъ и Югъ отъ нея, дольмены встрѣчаются лишь рѣдко и въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ на Кавказѣ и въ Южной Россіи. Бертранъ даетъ карту мегалитическихъ памятниковъ во Франціи, покрывая густою красною краскою тѣ мѣстности, въ которыхъ встрѣчается всего больше дольменовъ (x): таковыми оказываются Бретань (Арморика), старая провинція Анжу и область около Севенскихъ горъ, въ которой густая полоса дольменовъ протягивается отъ Средиземнаго моря и Роны по направленію къ Океану къ сѣверу отъ Гаронны. Бертранъ съ большою тщательностью и талантомъ изучаетъ и описываетъ, какъ самыя сооруже-

---

стрируетъ ихъ снимками, рисунками, планами, чертежами. Для изученія мегалитическихъ памятниковъ Англіи см. сочиненія – 1) J. Evans. Les âges de la pierre (trad. de l'angl. par Barbier) P. 1878; 2) J. Fergusson. Les monuments mégalithiques de tous les pays (trad. Hamard), P. 1878. 3) Ch. Elton. Origins of english history (Lond. 1882).

(x) См. стр. 128. Такую же карту можно видѣть въ 3-мъ томѣ большаго труда V. Duruy. Histoire des Romains (p. 136).

нія, такъ и найденные надъ ними предметы. Наиболѣе замѣчательными кромлехами могутъ быть названы Карнакскіе (въ департаментѣ Морбиганъ въ Южной Бретани у самаго берега Океана). Они представляютъ аллею въ 90-100 метровъ ширины и тянутся въ длину на четыре километра. Окрестные жители пользовались до послѣдняго времени камнями кромлеховъ для построекъ. Когда они были цѣлы, насчитывали отъ 8 до 10000 каменныхъ глыбъ, изъ которыхъ нѣкоторыя возвышались метровъ на 5-6 надъ почвой. Наиболѣе замѣчательный изъ менгировъ („Le roi des Menhirs") также былъ открытъ въ Бретани (въ Lock-Maria-Ker). Когда онъ еще стоялъ на мѣстѣ, въ немъ было 22 метра вышины и около 250000 килограм. вѣса.(x) Въ Бретани находятся самыя могильные дольмены(xx). Но и около Парижа также были найдены мегалитическіе памятники.

При всемъ разнообразіи въ величинѣ и подробностяхъ постройки и плана дольменовъ-могилъ, они въ общемъ имѣютъ одинъ основной типъ: это всегда большія каменныя плиты, покоющіяся горизонтально на вертикальныхъ подставкахъ такого-же вида и матерьяла и служащія кровлею иногда для одной комнаты иногда же для нѣсколькихъ погребальныхъ камеръ; довольно часто узкій корридоръ, построенный тѣмъ-же способомъ, предшествуетъ этимъ усыпальницамъ, служитъ имъ преддверіемъ. Подъ этими подземными плитами, нагроможденными въ видѣ комнатъ, мы находимъ смертные останки предковъ, скелеты въ сидячемъ или лежачемъ положеніи („accroupis ou allongés").— Иногда въ мегалитическихъ могилахъ встрѣчаются слѣды и сожженія труповъ; нужно думать, что одни изъ племенъ, строившихъ ихъ, держались обряда зарытія, другія способа

(x) По несчастью онъ былъ свалень и теперь лежитъ на землѣ, разбитый на 4 части. Въ Сен-Жерменскомъ музеѣ есть модель его (въ реконструкціи)

сожженія, а, можетъ быть, тутъ слѣдуетъ предположить не этнографическія различія, а разницу времени. Около головы, въ ногахъ скелета, а также вокругъ него разбросаны обыкновенно различные предметы, входящіе въ такъ называемый „mobilier funéraire" (погребальную обстановку.) Это по большей части глиняная посуда (poterie), обдѣланные кремни, (часто весьма тонко), остріе стрѣлъ, ножи, топоры изъ полированнаго камня, иногда очень твердаго, иногда же сдѣланные изъ драгоцѣннаго восточнаго нефрита. Иногда здѣсь же встрѣчаются жемчужныя ожерелья, особый видъ бирюзы (callaïs) и ожерелья изъ янтаря, что можетъ служить доказательствомъ распространенности торговыхъ сношеній этихъ народовъ: извѣстно, что каллаисъ добывается на Кавказѣ, а янтарь у береговъ Балтійскаго моря. Между этими каменными предметами иногда, но довольно рѣдко попадаются вещи изъ бронзы, золота и серебра. Въ общемъ мы несомнѣнно находимся, изучая предметы, отыскиваемые въ мегалитическихъ памятникахъ, среди пышно и разнообразно расцвѣтшей каменной цивилизаціи на высшей ступени ея развитія.

Извѣстные французскіе антропологи, Катрфажъ и Гами (x), изслѣдовали черепа и скелеты, найденные въ мегалитическихъ могилахъ. Они изображаютъ прежде всего такой антропологическій типъ: „Черепа обнаруживаютъ рѣзкую долихокефалію, происходящую одновременно и отъ удлиненія передне-задняго разстоянія, и отъ укороченія поперечника. Очень развитой въ своей задней части, черепъ людей отмѣ-

(xx) См. краткое внѣшнее описаніе наиболѣе замѣчательн. изъ мегалитическихъ памятниковъ Франціи у Duruy, Histoire des Romains, t. III, p. 120-130; а подробное у Bertrand, La Gaule, p. 120-162.

(x) Quatrefages et Hamy, Crania Ethnica p. 493-4.

вающей расы гораздо менѣе развитъ въ передней. Черепной сводъ очень малѣетъ. Человѣкъ этой расы былъ обыкновенно средняго роста. По высотѣ антропологическаго развитія эта раса значительно превосходила предшествовавшія. Она должна была подавлять ихъ именно этимъ большимъ совершенствомъ и вытекающею изъ нея большею одаренностью. Указанный типъ, впрочемъ, довольно рѣдокъ и встрѣчается лишь въ самыхъ древнихъ мегалитическихъ могилахъ. Принадлежащая къ нему раса переселенцевъ, должно быть, была немногочисленна и, вѣроятно, начала скрещиваться и смѣшиваться съ болѣе древними племенами палеолитической культуры. Но можно предполагать, что позже этихъ древнѣйшихъ въ Европѣ представителей новокаменной цивилизаціи проникъ по ихъ слѣдамъ въ западныя страны другой потокъ переселенцевъ, стоявшихъ на однородной (нѣсколько болѣе высокой, но все еще каменной) ступени цивилизаціи, но нѣсколько отличныхъ отъ нихъ по строенію череповъ. Это была раса брахикефаловъ, также и преимущественно строителей дольменовъ, болѣе многочисленная, чѣмъ первая. Пришельцы, болѣе древніе долихокефалы и болѣе поздніе брахикефалы начали смѣшиваться между собою. Они, вѣроятно, вступили въ упорную борьбу съ своими предшественниками, Кро-Маньонами; борьба эта оставила оригинальные слѣды: многіе скелеты Кро-Маньоновъ еще сохраняютъ въ себѣ вонзенныя въ нихъ нѣкогда живыя кости каменныя стрѣлы, неолитическое происхожденіе которыхъ несомнѣнно. Итакъ, обѣ породы жили рядомъ одна съ другою и нѣкогда вели между собою на равнинахъ Севенъ борьбу на жизнь и смерть. Она должна была окончиться истребленіемъ или поглощеніемъ обитателей четвертичнаго вѣка болѣе культурно сильными

новопришельцами. Въ результатѣ получилось возобладаніе брахикефаловъ, настоящихъ строителей дольменовъ и ихъ цивилизаціи въ мѣстностяхъ, входящихъ въ ограниченную выше географическую область. Въ Галліи они образуютъ въ концѣ неолитическаго періода одинъ господствующій антропологическій типъ, который составитъ уже навсегда этнографическую основу населенія Франціи: она останется неизмѣнною на будущія времена, по крайней мѣрѣ, въ двухъ третяхъ населенія, несмотря на вліяніе впослѣдствіи новыхъ племенныхъ стихій: будетъ прогрессировать только культура, раса преобладающая останется прежняя; она будетъ только покоряема новыми этническими элементами, будетъ воспринимать отъ нихъ новую цивилизацію, но ассимилировать ихъ себѣ со стороны антропологическаго типа. Въ этомъ, между прочимъ, важность вѣка мегалитическихъ памятниковъ для Галліи.

Такимъ образомъ изъ сравнительнаго изученія, какъ скелетовъ такъ и памятниковъ вѣка дольменной культуры, въ той полосѣ Европы, гдѣ встрѣчаются мегалитическіе сооруженія, можно думать, что эти мѣстности были нѣкогда (въ ново-каменный вѣкъ) заселены одною расою, состоявшею, можетъ быть, изъ нѣсколькихъ однородныхъ нетолько по степени культуры, но и по происхожденію вѣтви. Въ этомъ убѣждаетъ нетолько сходство предметовъ матерьяльнаго быта, находимыхъ подъ дольменами во всѣхъ названныхъ странахъ, но и обнаруживающееся въ слѣдахъ погребальныхъ обычаевъ единство создавшей памятники религіозной мысли.

Новопришельцы, люди неолитическаго вѣка, строители дольменовъ, должны были произвести своимъ появленіемъ и вліяніемъ великій культурный переворотъ на-

европейскомъ Западѣ, по горамъ и равнинамъ котораго раньше бродили лишь рѣдкіе охотники и рыболовы, пользовавшіеся грубыми каменными орудіями. Время появленія мегалитическихъ памятниковъ, вѣка шлифованнаго камня уводитъ насъ уже далеко отъ той ступени общественнаго развитія, которую Гомеръ, Платонъ и Аристотель изображаютъ, какъ первобытное состояніе человѣчества, какъ начало гражданственности (x), когда „люди живутъ въ пещерахъ на склонахъ или вершинахъ горъ, когда каждый является владыкою жены и дѣтей, но когда эти отцы семействъ совсѣмъ не сносятся другъ съ другомъ"! Передъ нами новая раса, которая подобно Прометею, принесла части человѣчества, жившей въ Галліи, какъ и на Востокѣ, — подъ землею на подобіе муравьевъ", сѣмена болѣе высокой цивилизаціи, можно было бы даже сказать, — всѣ сѣмена великой цивилизаціи, если бы только новымъ людямъ не недоставало еще главнаго средства матерьяльнаго прогресса въ условіяхъ земнаго существованія, именно искусства металлургіи. Но все таки многія важныя средства культуры, которыя даютъ человѣку безопасность и довольство, были внесены въ Галлію новопришельцами. — Мы видимъ по памятникамъ, что это было племя сильное тѣломъ и духомъ, обладающее уже многими знаніями и способное къ широкому прогрессу. Оно умѣло строить жилище на солнечномъ свѣтѣ, укрощать лошадь и запрягать ее въ повозку или колесницу; приручать корову и козу, и получать отъ нихъ наиболѣе полезную пищу — молоко, масло и сыръ; оно умѣло уже, можетъ быть, бороздить землю мотыкою и сѣять въ нее хлѣбныя зерна, стало быть оно уже устанавливалось въ формахъ осѣдлости. Далѣе оно обладало искусствомъ

(x) Cм. Bertrand, p. 113.

ткани ленъ, наконецъ знакомо было съ судостроеніемъ и мореплаваніемъ (x) и вело торговыя сношенія съ внѣшними странами. Такимъ образомъ въ матерьяльномъ бытѣ мы видимъ у нихъ прирученіе животныхъ, и грубыя начатки земледѣлія; въ индустріи великолѣпное производство издѣлій изъ полированнаго камня (высокое развитіе неолитической культуры), и довольно значительное процвѣтаніе керамики (выдѣлки глиняной посуды) (xx). Словомъ, получается картина весьма оживленнаго прогресса. Параллельно съ внѣшнею обстановкой двинулось впередъ и духовное развитіе. Мы замѣчаемъ несомнѣнные признаки довольно интенсивно работающей религіозной мысли, находимъ слѣды культа, въ которомъ видное мѣсто занимали погребальные обряды. Отъ общаго движенія не отстаетъ и соціально-политическій бытъ; мы можемъ предполагать у строителей дольменовъ на основаніи данныхъ, извлекаемыхъ изъ ихъ памятниковъ, существованіе болѣе или менѣе опредѣленной племенной организаціи, съ группировкою въ роды, съ нѣкоторымъ выдѣленіемъ сословій и уже съ преобладаніемъ вождей (xxx). Таковы общіе, конечно, гипотетическіе выводы, которые могутъ быть извлечены изъ мастерскаго изображенія у Бертрана данныхъ почерпаемыхъ въ мегалитическихъ могилахъ.

Я уже указывалъ на то, что какъ пріемы и формы

(x) Доказательствомъ этого послѣдняго служитъ фактъ нахожденія мегалитическихъ памятниковъ на Нормандскихъ островахъ и на Британскомъ архипелагѣ.

(xx) Нужно отмѣтить, что у нихъ не замѣчается той склонности къ искусству, къ рисункамъ, которую мы указывали у ихъ болѣе грубыхъ предшественниковъ.

(xxx) Bertrand, p. 123: „...Des biens d'un ordre plus élevé, aussi précieux au moins, l'art de commander et d'obéir, le respect et le culte des morts sont le complément de ces biens matériels....."

постройки могильных сооружений и коммеморативных памятников, так и антропологическія особенности скелетов, прибавлю теперь, что и самые предметы обиходной культуры, добытые в мегалитических памятниках, изслѣдованных во всей обширной области, которую они, в большей или меньшей степени, покрывают на европейском материкѣ, — представляют всегда большое сходство, часто даже поразительное, заставляет сказать, что мегалиты являются
(Это обстоятельство заставляет предполагать единство происхожденія строителей дольменов.)
отложеніями одного и того же племеннаго потока. С какого же пункта земнаго шара пришли они? Гдѣ зародился этот своеобразный тип погребальной архитектуры? Сколько времени держалась соотвѣтствовавшая ей матерьяльная культура, и когда она закончилась?... все это вопросы, которые ставятся сами собою, но на которые не легко отвѣтить.

Изучая карту дольменов, можно только сказать, что исходный пункт неолитической дольменной цивилизаціи надо искать гдѣ нибудь на Востокѣ, не только в Европѣ, но даже в Азіи, в каких нибудь Закавказских странах. Мы встрѣчаем мегалитические памятники в Сиріи и Палестинѣ, а также по обоим склонам Кавказских гор и в южной Россіи и можем думать, что оттуда дан был в очень отдаленныя от исторических вѣков времена сильный толчек дольменным народам, сдвинувшій их с мѣста и давшій переселенію очень большую силу движенія. Вступив в Европу этот племенной поток, вѣроятно, довольно быстро стал подыматься к Сѣверу еще в восточной Европѣ. Дорогою для него служило, должно быть, теченіе Днѣпра, и он довольно рано достиг прибрежья Балтійскаго моря. Отсюда движеніе нѣсколько медленнѣе стало распространяться на Запад, направляясь сушею и водою вдоль берегов Балтійскаго и Нѣмецкаго морей с развѣтвленіем на Сѣвер в Скандина-

вію. Переселенцы перешли, вѣроятно, Рейнъ у самаго устья, вошли въ предѣлы нынѣшней Франціи и стали заселять ея берега, распространяясь до Бретани. Древняя Арморика и явилась главнымъ пунктомъ преимущественной осѣдлости новаго населенія и особенно активнымъ центромъ неолитической цивилизаціи. Отсюда она лучами распространялась („rayonnement") вглубь Франціи вверхъ по теченію рѣкъ, затѣмъ вдоль Океана на югъ до Запиренейскихъ странъ, а также по морю на острова.(x).

Я уже говорилъ о томъ, что новые переселенцы представляли изъ себя первоначально два типа, - одинъ древнѣйшій долихокефальный, другой болѣе поздній - брахикефальный, что они должны были вести ожесточенную борьбу съ болѣе первобытными расами, что въ концѣ концовъ возобладалъ брахикефальный элементъ, который объединилъ въ себѣ населеніе Запада и составилъ главную этнографическую основу будущаго Французскаго народа.(xx).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что переходъ населенія Западной Европы изъ палеолитическаго въ неолитическій вѣкъ обусловленъ былъ не естественною эволюціею культуры внутри стараго населенія, а внесенъ былъ вновь прибывшими поселенцами извнѣ.

Такъ наполняетъ археологическая наука мало по малу все болѣе надежными чертежами и живыми краска-

(x) Очень можетъ быть, что другой потокъ той же расы, исходя изъ того же азіатскаго центра, пошелъ не на сѣверъ, а на юго-востокъ, перешелъ въ Африку и по сѣверному ея побережью достигъ до Океана, т. е. до Гибралтарскаго пролива: по всей почти этой линіи мы находимъ мегалитическіе памятники.

(xx) Это такъ называемое культурное единство гиперборейской (сѣвер.) неолитической расы.

Кур.

ли пеструю и туманную карту окраинъ міра, какими онъ рисовались античнымъ географамъ. Мало по малу намѣчаются очертанія обширныхъ невѣдомыхъ странъ, о которыхъ лишь очень немногое знала классическая древность, но которыя однако были плодородны и богаты, на которыхъ жили, двигались и сталкивались племена, стоявшія на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи и соціальнаго развитія, между которыми некоторыя вышли уже очень рано изъ состоянія безусловнаго варварства. Мы находимъ и изслѣдуемъ теперь слѣды этихъ племенъ, мы можемъ представить себѣ состояніе и прослѣдить развитіе ихъ быта: исторія пополняется, проникая въ далекую глубь „доисторическихъ" вѣковъ, еще недавно вполнѣ окутанныхъ мракомъ.

---

2. Отмѣченное, прослѣженное и охарактеризованное нами племенное движеніе съ неолитическою культурою въ Европу было не единственнымъ.

Параллельно съ сѣвернымъ переселеніемъ племенъ, о которомъ только что говорено обнаруживалось другое теченіе - южное, не менѣе значительное и могучее. Исходная точка его находилась гдѣ нибудь въ Юго-Восточной Европѣ въ Прикавказскомъ, Прикаспійскомъ или Причерноморскомъ краю, въ Волжскихъ, Донскихъ степяхъ. Путемъ къ западу служилъ этимъ переселенцамъ Дунай. Они находились въ общеніи съ сѣвернымъ потокомъ племенъ черезъ Днѣпръ, а потомъ, можетъ быть, и черезъ другія рѣки, текущія въ Средней Европѣ съ Юго-на Сѣверъ (x). ~~[illegible]~~

(x) См. о значеніи этихъ двухъ великихъ рѣкъ, какъ путей, связующихъ Азію съ Европою въ интересномъ введеніи Sal. Reinach къ франц. переводу перваго выпуска соч. г. Кондакова и Толстаго, Русскія древности (Antiquités de la Russie Méridionale). Выписки у Bertrand, p. 166.

~~~~Галлію.~~ Мало по малу они заселили Швейцарію и юго-восточную Галлію, разсѣтвляясь по сторонамъ и оставляя слѣды по пути. Въ Европу они принесли, такъ называемыя свайныя постройки.

Впервые остатки этого въ высшей степени любопытнаго типа поселенія первобытнаго человѣка были открыты въ Швейцаріи на Цюрихскомъ озерѣ въ 1853-54 г. Въ этомъ году зимою вода стояла особенно низко, и мелководье продолжалось довольно долго. Тогда то и обнаружились при земляныхъ работахъ на обмелѣвшемъ днѣ у береговъ многочисленные остатки свай, вбитыхъ въ дно озера и около нихъ обломки глиняной посуды, грубо-обдѣланной отъ руки, а также каменные и костяные предметы, похожіе на тѣ остатки далекаго прошлаго, которыя находились въ Скандинавскихъ торфяникахъ. Предметы и сваи казались чрезвычайно древними. На открытіе не обращено было достаточное вниманіе до тѣхъ поръ пока очень выдающійся цюрихскій ученый, Фердинандъ Келлеръ не принялся въ слѣдующемъ году за внимательное изслѣдованіе новыхъ находокъ. Онъ произвелъ систематическія раскопки, и тогда обнаружились въ старомъ обнажившемся днѣ озера цѣлые ряды свай, около самаго основанія ихъ нашли слой перегноя, образовавшійся, повидимому, въ весьма отдаленное время изъ различныхъ органическихъ остатковъ. Слой этотъ былъ прикрытъ другимъ позднѣйшимъ песчанаго или илистаго наноса. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи этихъ слоевъ найдены были каменныя орудія и костяные предметы, также необработанныя кости животныхъ, служившихъ, по всей вѣроятности, пищей человѣку, а также другіе различные слѣды его стародавняго и продолжительнаго пребыванія.

Келлеръ тогда же рѣшился высказать мнѣніе, что
~~~~

эти сваи должны были некогда поддерживать деревянную настилку, на которой должны были стоять жилища, хижины человѣка. Хижины эти, судя по остаткамъ, находимымъ около свай, были построены изъ плетня или досокъ, сверху обмазаны слоемъ глины или какимъ нибудь другимъ составомъ. Многія хижины строились вмѣстѣ на одномъ и томъ же свайномъ сооруженіи, но отъ берега они отдалены были довольно далеко, на разстояніи футовъ 100-300. – Къ берегу вели, вѣроятно, особые помосты, которые можно было настилать или убирать въ виду предохраненія озерного селенія отъ всякихъ береговыхъ хищниковъ. Это охраненіе безопасности, нужно думать, и побудило человѣка изобрѣсть такой типъ жилищъ. Сообщеніе съ берегомъ могло также поддерживаться челноками, которые жители, должно быть, умѣли долбить изъ дерева. – Келлеръ и назвалъ впервые имъ изученныя сооруженія свайными постройками (Pfahlbauten).

Открытіе заинтересовало археологовъ. Вспомнили одно описаніе Геродота, которое раньше казалось весьма страннымъ и фантастичнымъ, но теперь подтверждалось находкою и объясненіями Келлера (x). Стали искать въ другихъ

(x) См. кн. V гл. 16, гдѣ при разсказѣ о покореніи Мегабазомъ народовъ Ѳракіи онъ говоритъ: „Но Пэоняне... живущіе на озерѣ Прасіадѣ не могли быть подчинены... Вотъ какъ строятъ они свои жилища. Посреди озера на высокихъ сваяхъ, вбитыхъ въ его дно, кладутся бревна, которыя сколачиваются вмѣстѣ. Узкій мостъ служитъ единственнымъ путемъ, который ведетъ туда съ твердой земли. Сваи, на коихъ постланы доски, первоначально водружены были всѣми жителями общимъ трудомъ; на будущее же время было постановлено, что каждый, кто женится, будетъ привозить съ горы, называемой Орбеломъ и вколачивать по три сваи за каждую жену. А женятся они на многихъ женахъ. –

Ш. Трев.

В. Агуев

мѣстахъ, и во всѣхъ почти Швейцарскихъ озерахъ найдены были остатки свайныхъ сооруженій. Вскорѣ затѣмъ подобнаго же рода находки были сдѣланы и въ озерахъ Сѣверной Италіи, Австріи, Баваріи, на сѣверѣ Балканскаго полуострова, на Кавказѣ, а также въ меньшемъ количествѣ въ другихъ странахъ — во Франціи, Ирландіи, Шотландіи, Сѣверной Германіи и Россіи. (x).

Такъ что мало по малу ученые пришли къ общему заключенію, что свайстроеніе было формою быта, распространенною среди всѣхъ вообще первобытныхъ обитателей Европы, и что живучесть ея обусловливалась значительными удобствами, которыя такая форма поселеній могла представлять человѣку во многихъ отношеніяхъ въ теченіе нескончаемо долгаго періода, предшествовавшаго развитію исторической жизни въ Европѣ. (xx). Такъ возникъ археологическій терминъ — „періодъ свайныхъ построекъ" или озерныхъ

Такъ они живутъ, причемъ каждый имѣетъ на бревнахъ хижину для жительства съ опускною дверью, ведущею черезъ бревна къ озеру. Малыхъ дѣтей они привязываютъ за ногу веревкой изъ опасенія, какъ-бы онѣ не скатывались внизъ. Лошадямъ и вьючному скоту дается въ пищу рыба, которой въ озерѣ водится очень много: хозяину хижины нужно только отклонить опускную дверь, на веревкѣ опустить въ озеро пустую корзину, и по прошествіи короткаго времени онъ поднимаетъ корзину, полную рыбы...' — Ср. подобнаго же рода описаніе жилищъ обитателей береговъ Фазиса у Гиппократа, также писателя V в. до Р. Х. (Fragm. p. 40.) См. реконструкцію свайнаго селенія у Bertrand, p. 17.

(x) Русскія находки свайныхъ построекъ указаны у Полевого, Русск. ист. въ пам. быта, I, 36–38.

(xx) Обычай строить жилища на сваяхъ подъ водою, сохранялся мѣстами, гдѣ это было удобно, и въ историческое время. См. кромѣ указаннаго

поселеній" (по французски — „période des palafittes" ou „cités lacustres".) (x).

Этотъ видъ доисторическаго памятника имѣетъ непосредственное отношеніе къ разсматриваемому нами теперь южному переселенію племенъ въ Европу въ незапамятныя времена. По всему пути, который они должны были пройти отъ Кавказа до Швейцаріи вверхъ по Дунаю, мы встрѣчаемъ свайныя сооруженія.— Какой же типъ культуры скрываютъ подъ собою развалины этихъ селеній, которыя всѣ почти сгорѣли въ далекія времена, когда они полны еще были населенія, сгорѣли отъ случайности или отъ поджога нападавшихъ враговъ, и подъ обрушившимися остатками и золою лучше сохранили намъ предметы быта ихъ жителей?—

Остатки свайныхъ поселеній, находимыхъ въ озерахъ Швейцаріи и другихъ странъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что они часто достигали весьма обширныхъ размѣровъ (x-), что доказываетъ существованіе между строившими ихъ группами людей уже довольно крупныхъ соціальныхъ соединеній.— Матерьяломъ, изъ котораго племена, возводившія свайныя сооруженія, выдѣлывали себѣ оружіе

описанія Геродота извѣстіе Страбона о Равеннѣ. Венеція также возникла въ V в. изъ поселеній на сваяхъ.

(x) См. о свайныхъ постройкахъ — 1) Troyon. Habitations lacustres des temps anciens et modernes. (Lausanne, 1860). 2) Desor. Les palafittes du lac de Neuchatel. P. 1863. Также у Bertrand. La Gaule, главы 4, 5, 6 (оч. интересное описаніе и выводы.)

(x-) На нѣкоторыхъ большихъ озерахъ было найдено не одно селеніе, а нѣсколько. Они отдѣлялись одно отъ другого большими пространствами. О размѣрахъ этихъ древнихъ поселеній можно судить по тому, что насчитываютъ иногда до 30 и до 40 тысячъ свай, вбитыхъ

орудія, остаются, какъ сказано, по крайней мѣрѣ, во многихъ изъ ихъ развалинахъ (о которыхъ мы именно теперь говорили), еще только камень, кость и дерево; эти каменные предметы походятъ на тѣ, которые находились и находятся подъ дольменами, но обнаруживаютъ, можетъ быть, еще болѣе высоко и тонко развитую неолитическую цивилизацію. По формѣ эти орудія отражаютъ на себѣ обычные типы каменнаго вѣка: это тотъ же клинъ, то съ прямымъ и широкимъ остріемъ, то съ заостреннымъ наконечіемъ; тотъ же топоръ и молотъ; та же грубо-зазубренная пластинка, замѣняющая пилу и т. д. .... Но при орудіяхъ гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ памятникахъ являются оправы и рукояти изъ кости и дерева, благодаря которымъ употребленіе орудій облегчается и разнообразится, и самая работа, выполняемая ими, дѣлается болѣе совершенною. Да и самыя орудія — топоры, ножи, пилы, сверлы, сѣчки, скребки и т. п. гораздо тоньше сдѣланы и болѣе разнообразны въ подробностяхъ формъ и, вѣроятно, назначенія. — Очень многочисленны и чрезвычайно искусно сработаны весьма различныя находимыя подъ сваями подѣлки изъ рога и кости. Изъ нихъ производились всевозможныя наконечья стрѣлъ, иглы, шилья, рыболовные крючки, гарпуны и рѣзцы; еще попадаются большія коровьи и свиныя кости, отточенныя въ видѣ наконечниковъ копій, а также костяные челноки для тканья и гребни для расчесыванья льна. — Встрѣчаются кромѣ того многочисленные предметы, служившіе для украшенія: круглыя и продолговатыя пластинки, очень тонко отдѣланныя, изъ полированной кости

въ одномъ мѣстѣ, а въ одномъ изъ небольшихъ озеръ Сѣв.-вост. Швейцаріи (Пфеффиконскомъ) нашли и такое поселеніе, которое расположено было на 100 тыс. свай. — См. Полевой, П., Ист. въ пам. быта, I, 31.

и камня, длинныя, искусно вырезанныя изъ кости булавки, головныя шпильки, съ большими головками, просверленные цилиндрики или пластинки изъ рога, зубы или куски зубовъ, изъ которыхъ составлялись ожерелья и запястья.(x)

На ряду съ обработанными издѣліями, служившими жителямъ свайныхъ селеній предметами бытовой обстановки, находились подъ обрушившимися ихъ развалинами нетронутыя кости весьма различныхъ животныхъ въ очень значительномъ количествѣ. Изъ этого факта, внимательно разсмотрѣннаго, можно вывести несомнѣнное заключеніе, что житель свайныхъ построекъ въ Европѣ уже приручилъ нѣсколько животныхъ породъ; спутниками его уже являются собака, лошадь, свинья, коза, овца, быкъ и корова, т.е. главнѣйшія изъ нынѣшнихъ домашнихъ животныхъ (кромѣ птицъ, кости которыхъ не встрѣчаются); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ охотиться на лань, косулю, оленя, кабана, лисицу, каменнаго барана и другихъ; онъ гонялся также за различнаго рода мелкою четвероногою лѣсною и болотною дичью, кости которой также находятся между костями домашнихъ животныхъ, хотя въ гораздо меньшемъ количествѣ. Иногда попадаются и кости зубра, лося, бобра и др. видовъ, впослѣдствіи исчезнувшихъ изъ средней Европы... Стало быть мы видимъ передъ собою племена или колѣна не только звѣролововъ, но и пастуховъ-скотоводовъ, переходящихъ къ

(x) Археологическіе музеи различныхъ Швейцарскихъ городовъ, небольшіе, но очень интересные, напр. въ Женевѣ, Лозаннѣ, Невшателѣ и особенно Цюрихѣ, содержатъ весьма богатыя и важныя коллекціи предметовъ, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ. Много ихъ также въ Сен-Жерменскомъ музеѣ.

оседлости.(x).

Они питаются не только мясною и рыбною пищею, но и растительною, которою пользуются не только въ дико-растущемъ видѣ, но которую добываютъ путемъ насажденія, помощью обработки земли. Глиняные сосуды, упавшіе въ воду, въ ту эпоху, (ихъ сохранилось довольно много и въ обломкахъ, и въ цѣломъ видѣ, и они по большей части, грубой работы), содержатъ въ себѣ пшеницу, ячмень, овесъ, чечевицу, вишни, яблоки, сѣмена земляники и малины, также каштаны, орѣхи и другіе плоды. Рядомъ съ перечисленными предметами попадаются куски печенаго хлѣба, сдѣланнаго изъ грубо-смолотыхъ или толченыхъ зеренъ (xx). Итакъ земля вокругъ озера воздѣлывалась; жители свайныхъ селеній были земледѣльцами, и это занятіе связывало ихъ съ почвою, омываемою озерами, на которыхъ они обитали, заставляло ихъ скорѣе увеличивать свайный помостъ до очень значительныхъ размѣровъ въ случаѣ размноженія вмѣсто того, чтобы перекочевывать на другое мѣсто, и не жалѣть усилій при постройкѣ прочнаго и удобнаго жилья.

Одежда, разсматриваемыхъ племенъ, состояла уже

(x) О фаунѣ свайныхъ построекъ и о прирученіи животныхъ ихъ жителями См. Bertrand, La Gaule, p. 179, 182-193. Онъ указываетъ и спеціальную литературу вопроса.

(xx) Всѣ открытыя донынѣ свайныя постройки были, какъ я говорилъ, разрушены пожаромъ. Это обстоятельство косвеннымъ образ. способствовало сохраненію такихъ остатковъ современнаго имъ быта, которые иначе давно бы сгнили или исчезли безслѣдно: обугленное состояніе самыхъ предметовъ, упавшихъ въ воду во время горѣнія и мгновенно затушенныхъ, и нахожденіе ихъ подъ золою предохранило ихъ отъ порчи и разложенія.

и изъ однѣхъ звѣриныхъ шкуръ: они умѣли выдѣлывать особую ткань (въ родѣ войлока) изъ коры нѣкоторыхъ деревьевъ (напримѣръ сосны или ели), умѣли даже прясть и ткать ленъ или коноплю, которые они, можетъ быть, разводили искусственно также, какъ нѣкоторыя породы злаковъ. У насъ сохранились нѣсколько гребни для расчесыванья льна, челноки для тканья и иглы для сшиванья ткани, но также обугленные куски пряжи, мотки нитокъ, грубая ткань, сученыя веревки, плетеныя сѣти и циновки и т. д.

Всѣ собранныя свѣдѣнія и рисующіяся въ нихъ черты быта жителей палафиттовъ яснымъ образомъ обнаруживаютъ огромный культурный прогрессъ сравнительно съ формами жизни человѣка старо-каменнаго вѣка. Если не въ самомъ желаніи обезопасить себя отъ хищничества, то въ способѣ, какимъ удовлетворялась ими эта потребность, можно уже видѣть значительный шагъ впередъ въ развитіи быта. Если человѣкъ искалъ себѣ постояннаго спокойнаго убѣжища и употреблялъ столько труда на искусное и прочное его устройство, стало быть онъ дорожилъ связью съ мѣстностью, стало быть ему было, что сберегать и охранять, стало быть росло богатство, накоплялись запасы, обезпечивалось матерьяльное благосостояніе. Самая жизнь свайстроителя уже начинала складываться изъ такихъ потребностей, которыя шли дальше простаго удовлетворенія первѣйшихъ животныхъ инстинктовъ и нуждъ настоящаго дня. Занимаясь скотоводствомъ и земледѣліемъ, онъ для пастбища и пашни пользовался удобствами берега, береговыми лѣсами, полями и лугами, а озерныя постройки служили ему вѣрнымъ пріютомъ, въ который онъ сносилъ, укрывалъ отъ хищниковъ, берегъ отъ порчи плоды своихъ трудовъ, запасы продуктовъ, предусмотрительно накоплявшіеся для

будущаго. Но тесную связь быта обитателей свайныхъ построекъ съ берегомъ указываетъ также то, что среди ихъ развалинъ найдено мало человѣческихъ костей; изъ этого заключаютъ, что ихъ жители хоронили своихъ умершихъ на твердой землѣ, на которой у нихъ, по предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, могли быть и другія жилища кромѣ свайныхъ, къ которымъ (послѣднимъ) они, можетъ быть, прибѣгали главнымъ образомъ въ періоды опасности. Внимательное и детальное разсмотрѣніе и сравненіе всѣхъ различныхъ памятниковъ, находившихся подъ сваями, подтверждаютъ и иллюстрируютъ такой общій выводъ о томъ, что жители озерныхъ селеній должны были внести въ Европу весьма сильную и новую прогрессивно-культурную струю.

Такимъ образомъ мы открываемъ возможность благодаря даннымъ, доставляемымъ доисторическою археологіею, опредѣлить рядъ послѣдовательныхъ наслоеній въ населеніи Западной Европы и въ частности Галліи. Мы уже видѣли древнѣйшихъ представителей самыхъ отдаленныхъ эпохъ цивилизаціи - людей палеолитическаго вѣка. Мы видѣли далѣе, какъ съ сѣверо-востока въ незапамятныя уже времена появилось въ Галліи новое племенное переселеніе, которое и стало занимать ее по направленію съ сѣвера на югъ. Новыя племена принесли въ Западную Европу вмѣстѣ съ дольменами и болѣе высокою неолитическою культурою гораздо болѣе прочныя формы матеріальнаго, религіознаго и общественнаго быта и гораздо болѣе сильныя способности къ дальнѣйшему развитію. Теперь мы знаемъ еще, что параллельно съ этимъ великимъ <u>сѣвернымъ</u> (гиперборейскимъ) потокомъ племенъ надо констатировать еще <u>другой</u> - <u>южный</u>, который можетъ быть прослѣженъ, начиная съ

Кавказа и до самой Галліи. Проникнувъ въ Европу съ юго-востока этотъ последній, направляясь сразу на Западъ, останавливается временно въ черноморскихъ степяхъ, въ южной Польшѣ и у Карпатъ, потомъ на Нижнемъ Дунаѣ съ развѣтвленіемъ на Балканскій полуостровъ (стало быть племена сначала колебались принять ли Днепровскую или Дунайскую дорогу), на Среднемъ Дунаѣ, наконецъ въ Швейцаріи, съ развѣтвленіемъ въ Сѣверную Италію. Такъ достигли Галліи и вошли въ нее эти последнія переселяющіяся племена, идя вверхъ по Дунаю. Оба племенныя переселенія - сѣверное и южное - явились въ Европѣ носителями однородной т.е. неолитической культуры. Только характернымъ признакомъ первыхъ были <u>мегалитическіе памятники</u> (южные переселенцы лишь изрѣдка возводятъ дольмены), отличительною особенностью вторыхъ - <u>свайныя постройки</u>. И, можетъ быть, ново-каменная культура последнихъ была еще совершеннѣе, чѣмъ у первыхъ.

Оба теченія, можно думать, имѣли общій источникъ; исходнымъ пунктомъ ихъ движенія была, вѣроятно, Азія (что доказывается присутствіемъ мегалитическихъ памятниковъ въ различныхъ мѣстностяхъ западной Азіи (x). Они первоначально, можетъ быть, шли однимъ общимъ русломъ и раздѣлились лишь въ Европѣ, должно быть, около Днѣпра: одно пошло на западъ, другое на сѣверъ, и лишь дойдя до Балтійскаго моря, повернуло вдоль его южнаго берега. Различіе условій дальнѣйшаго существованія, заставило племена, принадлежавшія къ этимъ двумъ различнымъ потокамъ выработать нѣкоторыя своеобразныя особенности быта; но общій типъ культуры остался у нихъ одинъ и

(x) Кромѣ указанныхъ выше мѣстъ недавно найдены многочисленные дольмены на востокѣ отъ Каспійскаго моря.

[illegible]

бытность поддерживалась сношеніями.

Эти новыя племена были настоящими учителями предшествовавшихъ имъ туземныхъ расъ, поскольку они не цѣликомъ истребили ихъ (чего быть не могло, такъ какъ новопришельцы были сравнительно не очень многочисленны.) Элементы прогресса, которые должны были вывести древнее Галльское населеніе изъ состоянія глубокаго варварства и двинуть впередъ его дальнѣйшее развитіе, были принесены ими. Заселеніе Галліи новыми племенами шло, разумѣется, чрезвычайно медленно, и самый прогрессъ совершался въ продолженіе долгихъ и долгихъ вѣковъ, лишь очень постепенно. Но въ концѣ концовъ переходъ Западной Европы въ новую фазу первобытной доисторической культуры былъ совершенъ подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ новыхъ волнъ, которыя постепенно покрыли Галлію, вступая въ нее съ различныхъ сторонъ, и слились вмѣстѣ.

3.—Мы изучили въ самыхъ, конечно, общихъ чертахъ „періодъ первоначальнаго заселенія" (période de peuplement) Западной Европы, который, какъ сейчасъ сказано, длился безконечно долгій рядъ столѣтій, входя въ предѣлы такъ называемаго каменнаго вѣка. Продолжался въ своей полной чистотѣ этотъ „каменный періодъ культуры Галліи" до того момента, когда Галлія, долгое время жившая въ почти полномъ уединеніи отъ цивилизованныхъ странъ древняго міра, начинаетъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, еще плохо выясненныхъ наукою, вступать въ сношенія съ тѣми народами востока и Средиземныхъ береговъ, которые опередили ее на великомъ пути культурнаго развитія. Сношенія эти впервые познакомили первобытное населеніе Галліи съ металлами.

Мы указывали, что подъ дольменами встрѣчаются уже предметы, сдѣланные изъ матеріяловъ, никогда не принадлежавшихъ къ мѣстнымъ минеральнымъ породамъ Галліи или не вошедшихъ еще въ кругъ обработки въ мастерскихъ первобытныхъ галльскихъ ремесленниковъ. Такъ мы отмѣчали найденные въ этихъ памятникахъ издѣлья изъ восточнаго нефрита, кавказской бирюзы (каллаиса) и прибалтійскаго янтаря, также предметы изъ бронзы и золота, изрѣдка даже изъ желѣза. Нахожденіе этихъ предметовъ свидѣтельствуетъ о существованіи торговыхъ сношеній и о проникновеніи въ неолитическую Галлію продуктовъ иноземныхъ производствъ и въ частности металлическихъ вещей (преимущественно украшеній). То же самое обстоятельство, т.е. существованіе ввоза произведеній другихъ странъ въ земли, населенныя племенами неолитической культуры, обнаруживается и въ свайныхъ постройкахъ. И тамъ мы наталкиваемся на топоры и рубила изъ нефрита и бусы изъ янтаря. Но съ особеннымъ блескомъ обнаруживаются подъ сваями предметы изъ бронзы. Въ нѣкоторыхъ изъ свайныхъ сооруженій такихъ металлическихъ, преимущественно бронзовыхъ, но также и желѣзныхъ и серебряныхъ предметовъ находится такое большое количество, что, можно думать, онѣ начинаютъ даже вытѣснять каменную культуру, такъ что Бертранъ при описаніи озерныхъ селеній и ихъ культуры подраздѣляетъ ихъ на неолитическія и бронзовыя (cités lacustres néolitiques, cités lacustres du bronze) (х). – При внимательномъ изученіи этихъ бронзовыхъ предметовъ можно съ большею или меньшею вѣроятностью опредѣлить мѣсто и время ихъ

(х) См. описаніе такихъ свайныхъ поселеній съ бронзовыми предметами у Бертрана со стр. -195.

происхожденія. Это произведенія уже развитаго металлургическаго искусства; пришли они несомнѣнно съ Востока, вѣроятно, моремъ, а, можетъ быть, отчасти и сухимъ путемъ черезъ торговлю. Они принадлежатъ, несомнѣнно, къ періоду вполнѣ историческому, гораздо болѣе позднему, чѣмъ героическіе вѣка Египта и Ассиріи; они относятся къ тому времени, когда оба эти великія древнія царства находились уже въ состояніи упадка, къ эпохѣ, когда Финикійцы ѣздили уже за оловомъ на Касситеридскіе (Британскіе) острова, когда за ними скоро послѣдуютъ Греки въ далекихъ морскихъ странствіяхъ, когда поднимается Іерусалимъ и возводится храмъ Соломона, когда Аѳины уже существуютъ и скоро будетъ основанъ Римъ.

Къ числу мѣстонахожденій, въ которыхъ бронза преобладаетъ надъ камнемъ, принадлежатъ нѣкоторые изъ числа самыхъ замѣчательныхъ мегалитическихъ сооруженій, и многія именно самыя большія свайныя селенія. Нельзя сказать, чтобы они — эти памятники — давали возможность предположить во всей Западной Европѣ, въ частности въ Галліи, Швейцаріи и Италіи самостоятельный и продолжительный бронзовый вѣкъ. Напротивъ того, нужно утверждать, что Западная Европа прямо перешла изъ вѣка неолитическаго, представителями котораго были только что описанныя племена дольменовъ и свайныхъ построекъ. Въ вѣкъ желѣзный, открывшійся вмѣстѣ съ появленіемъ Галло-Кельтовъ на исторической сценѣ Европы. Въ этомъ фактѣ — лишнее доказательство необязательности бронзоваго вѣка между каменнымъ и желѣзнымъ.

Но, разумѣется, вполнѣ рѣзкаго перехода отъ камня къ желѣзу, какъ преобладающему культурному эле-

ленію, давшему окраску цивилизаціи, не могло произойти и въ описываемыхъ странахъ Европы. Наблюдается переходный періодъ, который подготовилъ первобытное населеніе Европы къ восприятію формъ металлической культуры и усвоенію металлургическаго искусства. Слѣдами и признаками такой промежуточной (преимущественно бронзовой) эпохи и являются указанныя мѣстонахожденія (дольмены и паласфитты) съ кинжалами изъ бронзы и украшеніями также бронзовыми, но отчасти еще и золотыми и серебряными. – Эти предметы проникали постепенно путемъ торговли, ввоза главнымъ образомъ черезъ Средиземное море въ наши страны и нѣсколько знакомили людей неолитическаго вѣка съ новымъ матерьяломъ и новыми бытовыми издѣліями. Но знакомство это оставалось поверхностнымъ, и нововведеніе не произвело большаго переворота въ культурѣ изучаемыхъ мѣстностей и племенъ, не распространило новаго вида индустріи: ковать металлы они не научились; они не производили ихъ у себя дома, а только получали извнѣ, путемъ мѣны. Оно не установило новаго типа цивилизаціи. Бронзовые предметы легли лишь на поверхность быта доисторическаго населенія европейскаго Запада, вошли лишь въ жизненный обиходъ вождей или въ религіозный культъ; общей жизни они не всколыхнули глубоко. Она оставалась такою же, какъ прежде. (x).

Такимъ образомъ самостоятельнаго бронзоваго вѣка въ Западной Европѣ не было. Отчасти можно опредѣлить

(x) См. для подробной характеристики свайныхъ построекъ съ металлическими предметами сочиненія – 1) Desor, Le bel âge de bronze en Suisse 1874 г.; 2) Gros. Les Proto-Helvètes, 1883 г.; 3) Munro, The Lake-dwellings of Europe, 1890 г.

почему. Собственной внутренней силы развития племен, строившихъ дольмены и палафитты, для совершения такого культурнаго перелома безъ дѣятельной помощи извнѣ, было еще недостаточно, изобрѣтение металлургіи было имъ еще не по плечу. Отъ восточныхъ народовъ, отъ которыхъ они оторвались уже, не успѣвъ заимствовать отъ нихъ давно имъ знакомаго искусства ковать металлы(x), они были удалены и изолированы. Торговавшіе съ ними Финикіяне и Греки не задавались въ своихъ сношеніяхъ цивилизаторскими цѣлями. Они преслѣдовали узко-коммерческія цѣли, да и соприкасались съ неолитическимъ населеніемъ западной Европы лишь случайно и преимущественно по краямъ занятой имъ области. Наконецъ нужно отмѣтить, что варварскія племена, достигшія извѣстнаго уровня развитія, обезпечивающаго необходимыя потребности, обыкновенно бываютъ неподатливы на заимствованія. „Варваръ, говоритъ извѣстный англійскій изслѣдователь первобытной культуры Тэйлоръ, упорно консервативенъ; онъ больше вѣритъ въ мудрость предковъ, чѣмъ въ самые очевидные факты." Вотъ и занимающіе насъ народы, обладая домашними животными, злаковыми растеніями и орудіями изъ полированнаго камня, удовлетворяются ими надолго и въ соприкосновеніяхъ своихъ съ чуждою болѣе высокою цивилизаціею держатся обороннаго образа дѣйствія.

Бертранъ резюмируетъ (xx) разсмотрѣніе переходнаго неопредѣленнаго періода приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: — Бронза и даже отчасти желѣзо, однако

(x) Въ Малой Азіи напримѣръ вѣкъ металловъ начался за много столѣтій до Р. Х.

(xx) См. ст. Bertrand, La Gaule, p. 231.

Купр.

словамъ металлы, появились въ Галліи въ эпоху полнаго развитія дольменной цивилизаціи (т. е. въ археологическій вѣкъ полированнаго камня). У насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы заключать, что это первое появленіе металловъ сопровождало заселеніе Западной Европы какою нибудь новой расою завоевателей или колонизаторовъ, и за нимъ непосредственно не послѣдовало замѣтнаго, крупнаго и глубокаго измѣненія въ образѣ жизни и нравахъ населенія центральной и Западной Галліи. Только лишь распространеніе въ нѣкоторыхъ могилахъ позднѣйшаго происхожденія обряда сожженія труповъ вмѣсто прежде болѣе обычнаго погребенія ихъ зарытіемъ въ землю намекаетъ на новое религіозное вліяніе. Въ страну спорадически проникаютъ новыя группы или корпораціи людей съ высшею металлическою цивилизаціею. Это, по всей вѣроятности, странствующіе торговцы металлическими издѣліями. Свайныя постройки съ бронзовыми предметами, можетъ быть, были мѣстами складовъ ихъ товаровъ. Можетъ быть, они пытались утвердиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ на новыхъ мѣстахъ: такъ называемые клады литейщиковъ („cachettes des fondeurs") въ такомъ случаѣ, вѣроятно, могутъ служить признаками зарожденія первыхъ мастерскихъ металлургическаго дѣла въ варварскихъ странахъ. Можетъ быть, первоначальное распространеніе новаго культурнаго матерьяла сопровождалось и религіозною пропагандою новаго культа. Но во всякомъ случаѣ эти новыя пришлыя вліянія были слабы и незначительны. Крупный переворотъ въ культурѣ могло произвести только новое переселеніе народовъ, колонизація Галліи и вблизь лежащихъ странъ новою расою (x).

(x) Самостоятельный бронзовый вѣкъ, несомнѣнно существовавшій

И вотъ роль вытѣсненія каменной культуры изъ странъ Западной Европы и настоящаго введенія желѣзной цивилизаціи выпала на долю Арійцамъ и въ частности Кельтамъ. Совершился этотъ переворотъ уже во времена историческія, въ предѣлахъ послѣдняго тысячелѣтія до Р.Х. Мы дошли до этого момента, но прежде чѣмъ переходить къ Кельтамъ, бросимъ еще одинъ взглядъ назадъ.

Я началъ обзоръ первоначальнаго населенія Европы съ указанія на старую теорію Амедея Тьерри, которая признавала Галловъ (= Кельтовъ) древнѣйшими обитателями Европы. Я указалъ вамъ, что она не выдерживаетъ критики и была уже разрушена вполнѣ.

Пришлось допустить болѣе древнее до-Кельтское населеніе, Иберійское и Лигурійское, которое является несомнѣнно историческимъ, т.е. о которомъ мы имѣемъ кромѣ антропологическихъ данныхъ еще и филологическія, а также литературныя т.е. остатки языка и извѣстія древнихъ писателей. Далѣе, обратившись къ новымъ даннымъ, выдвинутымъ до-исторической археологіею, мы увидѣли, что и ниже этого до-кельтскаго слоя, вскрывается еще болѣе глубокій и древній слой и даже не одинъ, а нѣсколько, которые уходятъ въ незапамятную древность, неподдающуюся хронологическимъ опредѣленіямъ, ни чисто историческому изученію. Даже оставивъ существованіе человѣка въ Европѣ въ третичную эпоху, намъ пришлось допустить нѣсколько послѣдовательныхъ племенныхъ наслоеній различныхъ антропологическихъ типовъ.

въ Даніи и продолжавшейся очень долго (она держалась позже Р.Х.) ставится учеными въ связь съ специальнымъ племеннымъ переселеніемъ распространившемся въ соотвѣтствующее время на эту страну.

относящіяся къ каменному вѣку, именно къ болѣе древнему его періоду — палеолитическому и менѣе древнему — неолитическому.

Теперь является вопросъ: какъ сомкнуть до-историческое населеніе Галліи каменнаго вѣка съ Иберо-Лигурами, а потомъ съ Кельтами?

Сравненіе извѣстій древнихъ писателей о Лигурахъ и Иберахъ и имѣющихся остатковъ ихъ языками съ данными археологическими и антропологическими дѣлаетъ возможнымъ, допуская нѣкоторыя осторожныя гипотетическія сближенія, предположить слѣдующее толкованіе: неолитическую цивилизацію приписать Иберамъ и Лигурамъ и отнести періодъ высшаго развитія ея ко времени приблизительно слишкомъ за 1000 л. до Р.Х., вслѣдъ за которымъ начался переходный періодъ съ проникновеніемъ металлическихъ издѣлій въ Западную Европу извнѣ. Настаивать на такомъ предположеніи, какъ на фактѣ вполнѣ удостовѣренномъ, конечно, нельзя: доисторическія проблемы всегда будутъ рѣшаться гипотетически; но въ данномъ случаѣ нѣтъ ничего особенно смѣлаго въ предположеніи, что можно видѣть въ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, слояхъ доисторическаго населенія неолитическаго вѣка въ западной Европѣ древнѣйшія поколѣнія уже историческихъ народовъ — Иберовъ и Лигуровъ. „Въ дѣлѣ возведенія мегалитическихъ памятниковъ, говоритъ профессоръ В.Г. Васильевскій (x), нѣтъ нужды оспаривать участія населеній Иберійскаго племени, сближая ихъ съ одной стороны съ Берберами Африки, а съ другой — протягивая далеко на Сѣверъ и Востокъ, на встрѣчу Финскимъ племенамъ; ... что касается

(x) См. вышеназванную статью о Кельтахъ въ Ж.М.Н.Пр. 1882 г. Сент. стр. 141.

Франціи слѣдуетъ тутъ прежде всего назвать Лигуровъ, на которыхъ указывалъ еще Беллоге, считавшій ихъ настоящею южною расою, имѣвшею родичей въ самой Африкѣ въ лицѣ Гетуловъ (= Гаделовъ) (x). Однимъ словомъ, намъ кажется, что при настоящемъ положеніи вопроса, всего основательнѣе считать строителями дольменовъ въ Европѣ племена, предшествовавшія Кельтамъ, именно Иберовъ и особенно Лигуровъ."-

Будущія археологическія изслѣдованія, можетъ быть, покажутъ дѣло въ болѣе полной ясности; пока остановимся на такомъ вѣроятномъ построеніи, не входя въ разборъ множества частныхъ спорныхъ пунктовъ. Общая цѣпь эволюціи можетъ быть установлена. Въ отдаленной глубинѣ вѣковъ мы имѣемъ въ Галліи и другихъ странахъ Запада безыменныя племена дикарей, жившихъ въ грубыхъ условіяхъ старо-каменнаго быта и лежащихъ нѣсколькими слоями. Далѣе наступаетъ не безъ потрясеній и борьбы неолитическій вѣкъ, принесенный новыми волнами переселенцевъ съ Востока. Въ позднѣйшіе періоды его до-историческія времена переходятъ въ историческія, безыменныя племена въ извѣстныхъ уже писателямъ древности Иберовъ и Лигуровъ. А эти послѣдніе, уже отчасти знакомые съ металлами (главнымъ образомъ съ бронзою) непосредственно соприкасаются съ Кельтами, несущими въ Европу желѣзо (xx). - Не лишнимъ считаю еще разъ напомнить, что

(x) Бертранъ, не отрицая, впрочемъ, прямо южнаго первоначальнаго происхожденія Лигуровъ, предполагаетъ, что въ Галлію они проникли съ Сѣвера. Повидимому онъ готовъ бы отождествить ихъ съ сѣвернымъ потокомъ, строившимъ дольмены. См. La Gaule, p. 233-253.

(xx) См. подробности въ статьѣ В. Г. Васильевскаго. Онъ приводитъ между прочимъ интересныя данныя о неолитическомъ вѣкѣ въ Бри-

Литограф. Руднева Нов. пер. д. 5 кв. 16.

эти періоды, которые пришлось характеризовать лишь нѣсколькими штрихами, занимали пространство времени огромной продолжительности, и что по сравненію съ ними всѣ историческіе вѣка, которые приходится описывать въ многочисленныхъ и обширныхъ томахъ ученыхъ сочиненій, составляютъ лишь довольно краткій моментъ.

Теперь выходя изъ періода до-металловъ, мы подходимъ ко времени настоящаго вступленія за-альпійской Европы въ періодъ экспозной цивилизаціи, который совпалъ съ заселеніемъ ея арійцами

4/б.

IV

Пересѣленіе Кельтовъ въ западную Европу. Общеарійскій бытъ. Первоначальныя формы общежитія историческихъ народовъ.

1.

Кельты и ихъ культура до вступленія въ историческую жизнь въ Европѣ

1. „Великая цивилизація" съ металлами и новыми формами матерьяльнаго, религіознаго и общественнаго быта, сопровождаемая способностью дальнѣйшаго уже самостоятельнаго если не безпредѣльнаго, то долгаго и широкаго развитія, не была такимъ образомъ принесена неолитическими народами Галліи, а также Испаніи(х). Швейцаріи
таніи на основаніи работъ англійскихъ изслѣдователей. Я не имѣю времени останавливаться на ихъ разборѣ (См. особ. стр. 137-151)

(х) Для изученія древностей населенія и быта Пиренейскаго п-ова см.

Сол.

и тѣмъ болѣе Британіи южными торговцами, Финикіянами и Греками, приплывавшими моремъ. Внутреннія области этихъ странъ остались почти не затронуты ихъ вліяніемъ. Великое движеніе, которое преобразовало ихъ культуру, пришло по сухому пути, также съ Востока и было какъ бы продолженіемъ того теченія, которое, явясь въ Европу съ мегалитическими памятниками и свайными постройками, разъ уже вывело ее изъ состоянія самаго грубаго варварства. Только носителями движенія были новые народы, и распространилось оно довольно поздно, гораздо позднѣе, чѣмъ думали раньше: оно проникло въ Галлію не раньше VIII-го вѣка до Р. Х.

Разсмотрѣнные нами памятники, отыскиваемые въ четвертичномъ аллювіи и въ пещерахъ, относящиеся къ той же эпохѣ, а затѣмъ подъ **дольменами** и палафиттами даютъ намъ элементы для опредѣленія первоначальнаго заселенія Европы людьми каменнаго вѣка и для сужденія о ихъ культурѣ въ древнѣйшій и болѣе новый періодъ. Другой видъ памятниковъ - земляные могильные курганы, очень распространенные къ югу и востоку отъ пограничной черты **дольменной** области (въ восточной Франціи, южной Германіи, Австріи), вводятъ насъ уже прямо въ вѣкъ полнаго господства желѣзной цивилизаціи, хотя въ нихъ встрѣчается много и бронзовыхъ предметовъ. Это памятники Галло-Кельтскіе (x)

интересную книгу E. Cartailhac, l'Espagne préhistorique P. 1887.

(x). Различіе, которое дѣлаетъ Бертранъ между этими общими названіями кельты и галлы (см. первое изданіе его книги La Gaule avant les Gaulois, вышедшее въ 1884 г и прекрасную его статью Conferance sur les populations primitives de la Gaule, въ Revue archéologique, 1878), врядъ ли правильно. Онъ полагаетъ, что это были два

[illegible]

Итакъ рядомъ съ раньше-описаннымъ сѣверо-западнымъ археологическимъ поясомъ, поясомъ мегалитическихъ сооруженій, открывается другой юго-восточный, поясъ кургановъ. Здѣсь на ряду съ особымъ способомъ погребенія, мы встрѣчаемъ и новый родъ цивилизаціи. Каменный топоръ и ожерелье изъ callais и янтаря исчезаютъ; вмѣсто нихъ мы находимъ бронзовые и желѣзные мечи, пояса и нагрудники изъ бронзы, остатки деревянныхъ щитовъ, отдѣланныхъ бронзой и желѣзомъ, какъ и ожерелья изъ бронзы, железа и золота, ручные и ножные браслеты изъ тѣхъ же металловъ. Мы находимся въ области цивилизаціи индо-племени. Болѣе раннія изъ курганныхъ могилъ съ преобладаніемъ бронзы и съ „сожженіемъ труповъ" принадлежатъ Кельтамъ, появившимся раньше и носившимъ сравнительно болѣе миролюбивый характеръ; а болѣе позднія курганы съ желѣзными мечами и шлемами и съ обрядомъ „погребенія" труповъ являются могилами ихъ болѣе юныхъ родичей, Галловъ, воинственныхъ завоевателей. Нужно сказать, что самое различеніе не можетъ быть доказано, а формулирующія его названія не могутъ быть обоснованы. Кельты бронзоваго вѣка, которыхъ хочетъ выдѣлить Бертранъ, не оставили опредѣленныхъ слѣдовъ въ исторіи, и нужно думать, что они одно и то же, что и Галлы. Въ этомъ смыслѣ Бертрану возражали другіе ученые. См. ст. В. Г. Васильевскаго, стр. 137.-140. и четыре статьи Alfr. Maury представляющія разборъ перваго изданія книги Бертрана (Archeologie Celtique et Gauloise, и помѣщенныя въ Journal des savants за 1877 г.) Неизвѣстно откажется ли Бертранъ отъ своего мнѣнія въ имѣющемъ выйти второмъ томѣ его сочиненія „Nos origines", который будетъ спеціально посвященъ Кельтамъ но въ нов. изд. кн. La Gaule avant les Gaulois, онъ какъ будто уже нѣсколько отступаетъ отъ него, хотя рѣшительно не высказывается.

Такъ

европейской (x). Нѣтъ сомнѣнія, что это именно галло-кельтская цивилизація. Откроемъ Полибія, Страбона, Діодора, Тита Ливія, Плутарха, посмотримъ на галльскія монеты, статуи, памятники. Эти желѣзные, бронзовые и золотые предметы, находимые въ курганахъ, ясно и точно описаны древними авторами, какъ вооруженіе галловъ.

Трудно съ точностью сказать, когда началось вступленіе первыхъ отрядовъ (роевъ) переселяющихся Арійцевъ въ Европу. Но можно думать (по имѣющимся косвеннымъ указаніямъ), что ихъ Кельтскій авангардъ покинулъ берега Чернаго моря около XVI – XV вѣк. до Р. Х., направляясь къ западу по Дунайской дорогѣ, также, какъ и ихъ ближайшіе предшественники, свайстроители. Такъ по крайней мѣрѣ шла главная струя. Вѣтви отъ нея расходились въ сторону попадая напр. съ одной стороны въ сѣверныя части Балканскаго полуострова и оттуда, отчасти моремъ, отчасти сушею, проникая въ Сѣверную Италію. Другія вѣтви отдѣлялись и къ сѣверу – одна, можетъ быть поднималась по Днѣпру, но слѣды ея затерялись, другая вошла въ Богемію. Новопришельцы двигались могучимъ потокомъ, оставляя прочные осадки во Ѳракіи, Иллиріи, Паннонiи, Богеміи, Южной Германіи. Они находились на одной ступени культуры и составляли одну расу – это доказывается археологическими и лингвистическими данными. Около VIII – VII вѣковъ они стоятъ въ центральной Европѣ, но переходятъ черезъ Рейнъ и занимаютъ сѣверо-восточную и центральную Галлію лишь около 500

(x) См. ст. Bertrand. Revue archéologique. 1873. Juillet-août.

лѣтъ до Р. Х. и только въ IV вѣкѣ занялъ всю Галлію (x) Въ курганахъ Вейсcенкирхена (на Сарръ, подлѣ Трира.) Роденбаха и Дурхгейма близь Шпейера найдены между прочими вещами этрусскія вазы, золотыя драгоцѣнности артистической работы, на которую, конечно, сами варвары не были способны, словомъ предметы, которые знатоками весьма легко отличаются отъ подобныхъ же произведеній мѣстнаго происхожденія. Эти вазы, эти драгоцѣнные золотые кольца и браслеты относятся къ періоду этрусскаго искусства III го и преимущественно IV столѣтія до Р. Х., почти ко времени нашествія Галловъ на Римъ. Однако, наиболѣе архаическіе памятники классическаго искусства, находимые въ курганахъ, принадлежатъ именно правому берегу Рейна, такъ что археологія показываетъ, что Галлы, прежде своего утвержденія въ Галліи, жили нѣкоторое время на востокъ отъ Рейна, и что движеніе галльское, подобно другимъ, шло съ востока, двигалось со стороны Германіи. Съ наступленіемъ VII го вѣка, галлы, вооруженные большимъ желѣзнымъ мечемъ, начинаютъ подвигаться дальше впередъ малыми переходами. Въ IV в. восточная Галлія вся въ ихъ рукахъ, а нѣкото-

(x) Такъ, по крайней мѣрѣ съ убѣдительностью доказываетъ Бертранъ, придвигая гораздо ближе къ Рождеству Христову, чѣмъ думали раньше заселеніе Арійцами западныхъ частей Европы. Такъ что, по его мнѣнію, находящійся у Тита Ливія разсказъ о завоеваніи Сѣверной Италіи Кельтами пришедшими изъ Галліи около 500 лѣтъ до Рождества Христова подъ началомъ Сиговеза и Белловеза, чисто легендарный.

Жаба.

рыя группы ихъ достигли Дижона и далѣе **Буржа** самыя передовыя занимаютъ уже Берри. Антропологія отчасти подтверждаетъ выводы археологіи о направленіи такого пути. Изученіе кургановъ Бургони показываетъ, что скелеты въ нихъ сохранившіеся не имѣютъ никакого сходства по своимъ формамъ и пропорціональнымъ отношеніямъ со скелетами расъ прежде обитавшихъ въ Галліи (расы дольменовъ, расы пещерной) а напротивъ тождественны со скелетами германскихъ народовъ, во множествѣ выкапываемыми въ могилахъ Меровингскаго періода. Фактъ близкаго сходства между Галльскою или Кельтскою расою и германскою, извѣстный уже древнимъ, и ясно выставленный на видъ Страбономъ находитъ здѣсь себѣ новое выраженіе, и въ то же время онъ свидѣтельствуетъ о направленіи въ какомъ слѣдуетъ отыскивать родину Кельтовъ.

Этими то Галлы и покрыли положительно безчисленнымъ количествомъ кургановъ („tumulus à inhumation") съ желѣзными предметами всю центральную, южную и восточную Галлію и западную и южную части Германіи и многія мѣстности Австріи (x) Курганы эти свидѣтельствуютъ о многочисленности новыхъ переселенцевъ и дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ тотъ фактъ, что они могли сдѣлаться настоящими родоначальниками метал-

(x) Бертранъ лишь отчасти касается этихъ галльскихъ археологическихъ памятниковъ въ послѣднихъ главахъ перваго изданія своей Галліи до Галловъ; но детальный анализъ ихъ найдетъ мѣсто лишь въ слѣдующемъ еще ожидаемомъ томѣ большаго его труда — „Nos origines."

лической цивилизаціи въ западной Европѣ.

Переселеніе было трудное. Европа той эпохи была страшно дикою страною, покрытою непроходимымъ лѣсомъ, и привыкшимъ къ теплымъ степямъ Арійцамъ не легко было справляться съ непривычной природой. Но культурное развитіе ихъ было уже крѣпкое и оно давало большую энергію. Галлы довольно быстро сдѣлались владѣльцами значительной части Европы. Площадь, которую они заняли окончательно весьма обширна. Центромъ и большимъ зерномъ ихъ территоріи была нынѣшняя Франція съ Бельгіею и даже Голландіею. Но они сохранили за собою отчасти Юго-Западную Германію и обладаніе и болѣе восточными землями, которыя заняты были ими раньше Франціи, т. е. Швейцаріею (Гельветы), западными и южными областями нынѣшней Австро-Венгерской монархіи, а также Богеміей; они очень рано занимали также обширную территорію въ Сѣверной Италіи (x) Далѣе на западъ Кельты, какъ извѣстно, перешли Ла-Маншъ и захватили Британскіе острова. Они проникли также за Пиренеи (вѣроятно въ IV вѣкѣ.) въ Испанію, образовали тамъ мало по малу къ сѣверу отъ Эбро, смѣшавшись съ предшественниками, народъ Кельтиберовъ и распространились по немногу на большей части Иберійскаго полуострова. Въ общемъ они довольно быстро подчинили своей культурѣ населе-

(x) Трудно возстановить въ подробностяхъ временную послѣдовательность въ занятіи отдѣльныхъ областей. Но направленіе съ востока на западъ должно вѣроятно давать и хронологическое основаніе, т. ч. Сѣверная Италія должна быть была занята раньше чѣмъ Галлія и позднѣе только кельты Сѣв. Италіи подкрѣплялись волнами, проникавшими туда за Альпы, т. е. изъ Галліи.

ніе неолитической цивилизаціи, уже подготовленное къ воспріятію новыхъ высшихъ формъ быта. Впрочемъ не-вездѣ была борьба легкою. Въ Пиренейскомъ краю и въ Южной Франціи приходилось считаться съ упорнымъ и часто побѣдоноснымъ сопротивленіемъ. Часть земель Галло-Кельты должны были даже и на будущія времена предоставить предшественникамъ: Иберамъ, - под-пиренейскую Галлію, съ частью Пиренейскаго полуострова, Лигурамъ - под-альпійскую Галлію съ частью сѣверо-западной Италіи (x)

Въ V мъ вѣкѣ Галлія, по крайней мѣрѣ восточная, является главнымъ этнографическимъ средоточеніемъ кельтской расы въ Европѣ. Оттуда происходитъ неоднократно обратное движеніе кельтскаго племени на Востокъ. Отзвукомъ одного изъ такихъ движеній было нашествіе Галловъ на Римъ въ 390 г. Затѣмъ въ III в до Р. Х., Галлы совершаютъ большое завоевательное нашествіе на востокъ. Большая орда ихъ нападаетъ на Македонію, предаетъ ее грабежу и разоренію, громитъ даже Пелопонесъ. Потомъ они переправляются въ Малую Азію и основываютъ тамъ особое кельтское царство, которое долго просуществовало сохраняя свой кельт-

(x). Бертранъ, собственно мало придаетъ значенія Иберамъ и Лигурамъ; но ихъ со счетовъ снять никакъ нельзя при изслѣдованіи вопроса о первоначальномъ населеніи Европы. Въ интересной рецензіи на послѣднее изданіе книги Бертрана молодой франц. ученый Théodore Reinach пытается связать съ Иберами, Лигурами и Галлами три послѣдовательныя ступени развитія первобытной культуры, приписывая первымъ неолитическіе памятники, вторымъ бронзовые, третьимъ желѣзные и такимъ образомъ распредѣляя ихъ хронологически. См. Journal des Savants, 1892, décembre.

скій національный характеръ (x). Къ этому времени (около 280 лѣтъ до Р. Х.) относится наибольшее могущество Кельтскаго племени. Господствующій языкъ во всей центральной и западной Европѣ былъ тогда Кельтскій, онъ непосредственно соприкасался съ областью языка греческаго на Востокѣ.

2.—. Чтобы представить себѣ общее состояніе культуры Кельтовъ при первоначальномъ вступленіи ихъ въ Европу, надо коснуться вопроса о происхожденіи Кельтовъ отъ обще-арійскаго корня и поставить вопросъ о древне-арійской культурѣ вообще.

Этотъ древнѣйшій періодъ развитія нашихъ предковъ до извѣстной степени можетъ быть возстановленъ при помощи данныхъ сравнительнаго языкознанія. Но вопросъ это сложный, требующій къ тому же спеціальныхъ филологическихъ знаній, такъ что мы не можемъ разсматривать его въ деталяхъ, а скажемъ лишь нѣсколько словъ о происхожденіи Арійцевъ и ихъ первоначальной культурѣ въ тотъ отдаленный періодъ, когда, какъ предполагаютъ, они составляли одно нераздѣльное большое племя (xx)

(x) Это такъ называемое Галатское царство, распадавшееся на три народа: Толистобоевъ (съ главнымъ городомъ Пессинунтомъ), Тектосаговъ (съ главнымъ городомъ Анкирою) и Трокмовъ.

(xx) Наиболѣе полное, богатое и заслуживающее довѣрія изъ новѣйшихъ сочиненій по вопросу о первоначальной культурѣ Арійцевъ на основаніи сравнительнаго языкознанія есть обширный весьма важный нѣмецкій трудъ Schrader'а. Sprachvergleichung und Urgeschichte (сл. изд. 2 Jena, 1890). Есть русскій переводъ этой книги

Въ тридцатыхъ годахъ (1833-35) обнародованіе Сравнительной Грамматики знаменитаго нѣмецкаго филолога Боппа, поставило выше всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, на который нѣкоторые указывали въ видѣ догадки уже въ XVIII, что языки санскритскій, персидскій (зендскій) греческій, латинскій (итальянскій) а также славянскіе и германскіе близко родственны между собою и составляютъ опредѣленную, тѣсно сплоченную группу, которая была названа сначала индо-германскою, вообще индо-европейскою, наконецъ арійскою. Позднѣе было опредѣлено родство съ названными языками, также и кельтскаго и армянскаго, и эти послѣдніе были въ силу этого введены въ ту же группу. То же имя было, разумѣется, перенесено, какъ расовое названіе и на племена, говорящія и говорившія на этихъ языкахъ представлявшія кромѣ лингвистическаго также и антропологическое сходство. Такъ совокупными усиліями сравнительнаго языкознанія и антропологіи создано было понятіе объ Арійцахъ (арій-

Шрадеръ. Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія (СПб. 1886); онъ сдѣланъ съ перваго изданія, которое хотя и бѣднѣе фактами, и менѣе ново, но зато авторъ воздерживается въ немъ отъ нѣкоторыхъ рискованныхъ гипотезъ своихъ о происхожденіи Аріевъ, которыя онъ слишкомъ опредѣленно высказываетъ во второмъ изданіи. По Шрадеру составленъ небольшой очеркъ вопроса (L'origine de la civilisation aryenne) написанный Саломономъ Ренакомъ (Salomon Reinach) и приложенный ко второму изданію кн. Bertrand, La Gaule avant les Gaulois (стр. 308, и сл.) которымъ удобно пользоваться въ видѣ краткаго обозрѣнія. См. также интересную книгу Isaac Tylor, The origin of the Aryans (Lond. 1890)

ской расы.(х)

Но языкознанію въ этомъ открытіи принадлежала наиболѣе важная роль. Данныя языка давали возможность углубиться гораздо дальше въ прошлое, чѣмъ факты антропологическіе или чѣмъ матеріалъ, извлекаемый изъ древнѣйшихъ преданій народовъ. Сходство между языками арійской группы приводило съ одной стороны къ заключенію, что они должны были произойти отъ одного первоначальнаго языка, теперь исчезнувшаго или можетъ быть еще существующаго. Сравненіе цѣлой серіи сходныхъ корнями словъ, какъ напр. словъ, которыя обозначали понятіе „отецъ" (готск. fadar, лат. pater, грец. πατήρ, санскрит. pitar, зенд. pitár) и др. подтверждало такое предположеніе (-). Долгое время сан-

(х) Къ ней принадлежитъ большинство жителей нынѣшней Европы, которые по степени родства языковъ могутъ быть подраздѣлены на группы славяно-литовскую, германскую, кельтскую и греко-италійскую (къ ней можно присоединить еще, говоря о древнихъ временахъ Фрако-Иллирійскую вѣтвь, современными представителями которой являются Албанцы) и многочисленные жители Азіи - Ирана и Индіи (Санскритъ и Зендъ главные изъ языковъ этихъ послѣднихъ). Слово Arya на класич. санскритѣ обозначаетъ знатный. Въ Ведахъ это слово является и съ этническимъ значеніемъ. Въ Авестѣ говорится о странѣ Aryanem vaējo. (что значитъ „сѣмя Арійцевъ.") Греческіе географы называютъ Аріаною всю мѣстность между

(-) Могутъ быть указаны, какъ примѣры и другія группы словъ съ корнями, несомнѣнно общими во всѣхъ или во многихъ изъ арійскихъ языковъ. Таковы напр. слова, соотвѣтствующія русскимъ мать и братъ; также обозначеніе скота (санскр. paçu, лат. pecus, готск. faihu, русск. „пасу" и т. д.) Далѣе однородны наименованія нѣкоторыхъ животныхъ, какъ мыши (санскр. mushika, грец. μῦς, лат. mus, нѣм. Maus), гуся (санск. hamsa, лат. anser, нѣм. Gans, англійск. goose); или растеній, напр. березы (санскр. bhurja, латинск. betula, нѣм. Birke, англ. birch, фр. bouleau). Очень по сему важно

Изъ.

скритскій языкъ считали первоначальнымъ.(ххх) Другіе считали зендскій языкъ древнѣйшимъ и называли его родоначальникомъ арійскихъ языковъ. Впослѣдствіи эти гипотезы были оставлены, и санскритскій и зендскій были признаны такъ какъ и другіе производными; но всетаки, на основаніи сравненія ихъ съ другими можно было опредѣлить ихъ от-

Индійскимъ океаномъ, Индомъ, Гиндукушемъ и Каспійскимъ моремъ. Гелланикъ утверждаетъ, что Arya есть одно изъ названій Персіи. Современное названіе этой страны, Иранъ, происходитъ отъ этого слова. Тотъ же корень, изъ котораго составилось слово, Аріи (кор. ar.) встрѣчается въ чистомъ или искаженномъ видѣ въ цѣломъ рядѣ географическихъ или личныхъ наименованій самыхъ различныхъ мѣстностей, въ которыхъ поселялись Арійцы; напр. въ словахъ Арменія, Ал(=ар)банія, собственное имя Iron (на Кавказѣ у осетинъ) Далѣе въ Европѣ одно изъ названій Өракіи въ древности было Арія; Аріями назывались одно изъ племенъ древней Германіи (ср. также Аріовистъ). Греческихъ и римскихъ именъ, происходящихъ отъ этого корня мы не знаемъ; но изъ названій земель самого далекаго европейскаго запада мы по всей вѣроятности должны видѣть искаженіе того же корня въ древнемъ названіи Ирландіи - Erin. Т.о. распространеніе имени собств.; производн. отъ кор. ar. во всѣхъ мѣстностяхъ, связанныхъ съ пр. быв. Индоевропейцевъ, начиная отъ Индіи и кончая Ирландіею даетъ возможность сдѣлать выводъ, что названіе это (Аріи) было племен. наименован. первобытн. расы, отъ котор. произош. индо-европейскіе на

однозвучные корни, соотвѣтствующіе значенію пахать и наименованію земледѣльческаго орудія пахания (плуга): санс. arami, греч. ἄροτρον, лат. aratrum, гот. arjan, лит. arti, рус. орать и т.д. Обращаетъ вниманіе тождественность корней для слова обознач. холодное время года (санс. hima, греч. χειμῶν, лат. hiems, фр. hiver, нѣм. Winter, рус. зима) и дневное свѣтило (лат. sol, греч. ἥλιος, совр. европ. soleil, sonne, sun, „солнце"; санс. savitar вызыв. сомнѣніе нѣкот. филологовъ). Др. примѣр. см. у Шрадера или въ интер. и серіозной книгѣ V. Hehn. Culturpflanzen und Hausthiere (Berlin, 1883).

(ххх) Такая гипотеза впервые была высказана Фр. Шлегелемъ въ 1808 г.

носительно очень большую древность и вслѣдствіе этого искать „прародину" Арійцевъ въ странахъ сосѣднихъ съ мѣстомъ жительства народовъ Ирана и Индіи. Стало быть сравнительное языкознаніе прежде всего давало возможность рѣшать вопросъ о первоначальной родинѣ Арійцевъ, которая непремѣнно должна была когда-нибудь существовать гдѣ-нибудь, разъ всѣ отдѣльныя арійскія племена когда-нибудь составляли одно цѣлое, а нынѣшніе самостоятельные языки являются, собственно говоря, лишь нарѣчіями одного корня, прожившими только долгій періодъ самостоятельнаго развитія послѣ распаденія арійскаго племени на части.

Съ другой стороны то же сравненіе открывало путь для научныхъ попытокъ освѣтить состояніе культуры нашихъ предковъ, такъ сказать въ „общеарійскій" періодъ ихъ исторіи, т.е. въ то время, когда они, еще нераздѣльные, жили въ своей прародинѣ. Сходство корней цѣлаго ряда словъ въ современныхъ и особенно древне-европейскихъ языкахъ съ древнѣйшими азіатско-арійскими заставляетъ предполагать, возникновеніе соотвѣтствующихъ словъ еще въ періодъ нераздѣльности Арійцевъ; и по содержанію этого древнѣйшаго словаря, мы можемъ судить объ обстановкѣ быта, въ которой жили тогда Арійцы, и о понятіяхъ, которыя они имѣли и которыя выражали въ языкѣ.

Что касается перваго вопроса, — гдѣ было первоначальное мѣсто жительства Арійцевъ? —, то уже въ началѣ нынѣшняго вѣка, тѣ ученые, которые считали санскритъ или зендъ языкомъ родоначальникомъ („langue mère") всѣхъ арійскихъ языковъ, искали прароди-

дину Арійцевъ гдѣ-нибудь въ Средней Азіи.- Одни называли плоскогорія Мидіи, Арменіи и Георгіи, другіе равнины Арало-Каспійской впадины, третьи средне-азіатское плато (Памиръ), возвышенную область, гдѣ берутъ свое начало рѣки Оксусъ (Аму-Дарья) и Яксартъ (Сыръ-Дарья). Основывали они свой тезисъ анализомъ географическихъ, зоологическихъ, ботаническихъ и иныхъ словъ, которые они путемъ сравнительнаго изученія языковъ опредѣляли, какъ исконно арійскія, и по которымъ они также старались отвѣтить на второй изъ двухъ поставленныхъ основныхъ вопросовъ, т. е. нарисовать картину первобытной культуры Арійцевъ, для которой, какъ фонъ должна была быть предположена болѣе или менѣе опредѣленная природа и страна.

Для разработки этихъ вопросовъ, въ намѣченномъ направленіи много сдѣлали нѣмецкіе ученые, нап. Эйхгофъ (1836) и Кунъ (1845-50); но теорія объ азіатскомъ происхожденіи Арійцевъ и о ихъ ранней культурѣ была особенно широко развита въ извѣстномъ сочиненіи „О происхожденіи Индо-европейцевъ и о первоначальныхъ Арійцахъ" женевскаго ученаго Пикте (x).

Книга эта имѣла очень большой успѣхъ и его выводы одно время получили почти общее признаніе.- Пикте устанавливаетъ по сравнительно лингвистическимъ даннымъ, что первоначальною родиною Индоевропейцевъ была Бактріана, откуда они постепенно расселялись на Западъ въ Европу и на Югъ въ Индію. Онъ изображаетъ своихъ первобытныхъ Арійцевъ весьма „идеалистически" какъ племя съ культурою, относительно

(x) A Pictet. Les origines indoeuropéennes ou les Aryas primitifs; essai de paléontologie linguistique. 2 volumes. Paris 1859-63.

Lob.

высоко развитого. Изъ его описанія возникаетъ представленіе о народѣ молодомъ и могучемъ, усвоившемъ уже вполнѣ земледѣльческій бытъ, хотя и продолжавшимъ еще также разводить стада, жившемъ въ формахъ патріархальнаго строя, въ которомъ будто бы высоко цѣнились семейныя добродѣтели.

Указанная гипотеза, азіатскаго происхожденія Арійцевъ разрабатывалась и другими учеными, принимая различныя частныя направленія (х); но въ ней было, какъ и во всѣхъ теоріяхъ, имѣющихъ предметомъ освѣщеніе незапамятной древности, много пробѣловъ, слабыхъ мѣстъ и неясностей; кромѣ того филологическій методъ Пиктэ былъ далеко не точный, и онъ впадаетъ въ цѣлый рядъ методологическихъ ошибокъ. Это обстоятельство дало основаніе для возраженій противъ указанной теоріи съ одной стороны и для возникновенія новыхъ гипотезъ съ другой.

Развивающаяся и усовершенствующаяся наука сравнительнаго языкознанія, антропологія и сравнительная этнологія давали матеріалъ и для разрушенія старыхъ взглядовъ и для построенія новыхъ. Но изслѣдующая мысль не остановилась опять въ предѣлахъ научнаго благоразумія, а стала строить произвольныя предположенія.

Во всякомъ случаѣ на смѣну азіатской теоріи появилась противоположная теорія о европей-

(х) т. е. различные авторы останавливались на различныхъ мѣстностяхъ Азіи, которыя признавали наиболѣе подходящими по толкованію каждаго для пріуроченія къ нимъ географическаго происхожденія Арійцевъ.

Ив. Гревс [illegible]

скомъ происхожденіи Арійцевъ. Она была высказана впервые извѣстнымъ англійскимъ филологомъ Латамомъ въ пятидесятыхъ годахъ; сначала она осталась незамѣченною, но потомъ получила поддержку цѣлаго ряда изслѣдователей и прежде всего Бенфея, одного изъ извѣстныхъ индіанистовъ, который новымъ пересмотромъ географическихъ словъ, общихъ различнымъ арійскимъ языкамъ а также наименованіи фауны и флоры, старался доказать (въ 1868), что приходится искать мѣсто возникновенія арійскихъ языковъ въ области болѣе Сѣверной, чѣмъ центральная Азія и предложилъ гипотезу о южно-русскихъ степяхъ (пространства между устьями Дуная и Каспійскимъ моремъ), какъ прародинѣ Арійцевъ. Въ 70хъ годахъ эта теорія была поддержана другимъ знаменитымъ нѣмецкимъ оріенталистомъ Гейгеромъ, и онъ подвинулъ арійскую прародину еще болѣе на Западъ, въ Центральную и Западную Германію. Куно въ то же время болѣе широко называлъ всю Европу (къ сѣверу отъ Альпъ) отъ Атлантическаго океана до Урала, какъ страну, гдѣ должно быть отыскиваемо первоначальное мѣсто жительства Арійцевъ. Къ доводамъ лингвистическимъ присоединились антропологическіе, которые, казалось подтверждали необходимость выводить Арійцевъ изъ Европы и вести нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Азію а не наоборотъ. (x) Я не буду харак-

(x) Извѣстная франц. женщина-антропологъ г-жа Clémence Royer, выставила на Брюссельскомъ конгрессѣ 1872 г. опредѣленный тезисъ: „праарійскій яз. родился въ Европѣ, на немъ впервые говорили именно въ Европѣ, а не въ Индіи, куда онъ проникъ изъ Персіи, и не въ Персіи, куда онъ проникъ, можетъ быть съ Кавказа."

теризовать разновидности этого взгляда, ни перечислять ученыхъ, поддерживавшихъ его. (x) Скажу только, что нѣкоторые его представители зашли весьма далеко въ своемъ предположеніи европейскаго происхожденія Арійцевъ, относя его ко временамъ ледниковаго періода и помѣщая исходную точку движенія на самомъ далекомъ отъ Азіи сѣверо-западѣ Европы (x–)

Но наиболѣе солидные и благоразумные филологи (Бенфей, Томашекъ) и антропологи (Пёше, Тайлоръ) поддерживая Европейскую гипотезу, ограничиваютъ географическую область, подходящую для первоначальнаго мѣста жительства Арійцевъ, Юго-восточною Европою, и предположеніе о зарожденіи арійскихъ языковъ и цивилизаціи на Югѣ нынѣшней Россіи теперь объединяетъ около себя наибольшее число ученыхъ, хотя могутъ быть также названы и теперь еще сильные сторонники азіатской гипотезы, Бактрійской или Кавказской, а иные поддерживаютъ еще особую Скандинавскую.

Можно ли сдѣлать какое-нибудь опредѣленное заключеніе объ упомянутомъ только что научномъ спорѣ? При современномъ состояніи разработки антропологическихъ и особенно лингвистическихъ данныхъ, которыя въ данномъ вопросѣ должны имѣть

(x) Прекрасный очеркъ исторіографіи вопроса о прародинѣ Арійцевъ можно найти въ вышеназванной книгѣ Шрадера. См. также недавно вышедшую брошюру Salomon Reinach, L'origine des Aryens. Histoire d'une controverse. Paris 1892.

(x–) такова парадоксальная гипотеза Пенки въ его сочиненіи Die Herkunft der Arier (1886). См. ст. Reinach въ кн. Bertrand, p. 311.

рѣшающее значеніе, кажется, что нѣтъ. Мы не можемъ утверждать, что Арійцы идутъ изъ Азіи, какъ не можемъ доказать, что они вышли изъ Европы. Мы можемъ только отмѣтить, что интересующая насъ въ настоящее время раса, откуда бы она не происходила, сосредоточивалась съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ только сохранились слѣды въ языкѣ, около двухъ географическихъ центровъ - среднеазіатскаго (на равнинахъ Бактріаны и сосѣднихъ) и юго-восточно европейскаго (въ Черноморскихъ и Прикаспійскихъ степяхъ). По всей вѣроятности, эти два центра находились въ нѣкоторомъ взаимодѣйствіи; трудно сказать, который древнѣйшій (x), но нужно думать что на культуру и

(x) Указывая на эти два центра одинъ въ Европѣ (въ области между Дунаемъ, Карпатами и Днѣпромъ) другой въ Азіи (въ бассейнѣ Оксуса и Яксарта) Шрадеръ въ послѣднемъ изданіи выше-указаннаго труда вновь ставитъ вопросъ, гдѣ же могъ быть первоначальный единый центръ, изъ котораго выдѣлились два основные ствола, европейскій и азіатскій. Онъ отмѣчаетъ, что если провести линію отъ устьевъ Дуная къ средней Волгѣ (у впаденія въ нее Самары), и если изъ этого послѣдняго пункта протянуть другую къ верхнему теченію Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, то эти двѣ линіи будутъ почти точной одинаковой длины. Шрадеръ предполагаетъ, что можно искать именно на средней Волгѣ прародину Арійцевъ, для чего приводитъ географическіе и культурно-историческіе, а также филологическіе аргументы, но эта идея его остается очень смѣлою но мало обоснованною.

переселенія Европейскихъ Арійцевъ вліяніемъ развитія и движенія азіатскихъ (xx)

Скажемъ лишь нѣсколько словъ о первичной культурѣ Арійцевъ въ томъ періодѣ, когда они составляли еще одно племя („période unitaire" какъ называютъ его французскіе изслѣдователи). Она можетъ быть предположительно возстановлена по даннымъ сравнительнаго языкознанія, но только лишь въ нѣкоторыхъ чертахъ и преимущественно со стороны матеріальной. Для воссозданія ея надобно обращаться къ словарю различныхъ арійскихъ языковъ, хотя источникъ этотъ къ тому же единственный, не

(xx) Значеніе для первоначальной культуры Арійцевъ (общеарійской) азіатскаго древняго центра поселенія Индоевропейцевъ особенно отчетливо указывалъ и основательно доказывалъ покойный профессоръ Петербургскаго Университета, знаменитый индіанистъ И. П. Минаевъ, помѣщая этотъ центръ въ мѣстности такъ или иначе связанной съ Арало-Каспійскою низменностью. Онъ развивалъ эту идею въ своемъ курсѣ общаго языкознанія. Не рѣшая основнаго вопроса, откуда впервые пришли Арійцы въ низменныя равнины Средней Азіи, онъ утверждаетъ, что эти мѣстности были древнѣйшею изъ странъ о которой они сохранили память въ своемъ языкѣ и даже отчасти въ своихъ преданіяхъ. Онъ съ большою фантастичностью, трудною и остроумною аргументировалъ этотъ тезисъ и рисовалъ предположительную картину быта, въ которомъ должны были жить Арійцы въ этой древнѣйшей изъ извѣстныхъ временной родинѣ своей.

[illegible]

достаточенъ и пользованіе имъ сопряжено со многими трудностями (x)

Прежде всего любопытно и важно выяснить, знали ли Арійцы употребленіе металловъ и какихъ именно въ періодъ нераздѣльнаго ихъ существованія? Вопросъ этотъ разрѣшался учеными лингвистами весьма различно. Несомнѣнно съ одной стороны, что кузнецъ играетъ важную роль въ преданіяхъ арійскихъ народовъ, но слова обозначающія это понятіе въ различныхъ языкахъ неродственнаго происхожденія (xx), впрочемъ замѣчательно то, что однокоренныя наименованія кузнеца встрѣчаются въ отдѣльныхъ діалектахъ одного и того же языка и что корни эти рано послужили къ образованію собственныхъ именъ (xxx) Изъ сопос-

(x) Мы можемъ, напримѣръ, изучать лишь словари, составленные на основаніи существующихъ, стало быть довольно позднихъ текстовъ. А эти словари потерпѣли большія утраты. Такъ, напр. славянскіе языки утратили обозначеніе отца, соотвѣтствующему корню санскритскому; также общеарійскій корень, обозначающій сына, недостаетъ въ лат. яз., сестры въ греч. А слова эти несомнѣнно очень древнія и очень обиходныя. Такъ что никакъ нельзя заключать изъ отсутствія однокореннаго слова, обозначающаго какое-нибудь понятіе къ признанію незнакомства съ этимъ понятіемъ въ общеарійскій періодъ. Представимъ себѣ, напр. что первобытные Арійцы жили въ странѣ, гдѣ произрастали пальмы. Тѣ изъ нихъ, которые потомъ переселились въ мѣстность, лишенную пальмъ, естественно должны были постепенно забыть ея первоначальное (раньше имъ извѣстное наименованіе), но (+)

(xx) Лат. faber, кельтск. Goba, герм. Smid.

(xxx) Лат. Fabricius, кельт. Gobannitio.

ставленія этихъ фактовъ можно вывести, что если кузнечное искусство не было еще извѣстно въ общеарійскій періодъ въ точномъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ изобрѣтенія или заимствованіе металлургіи относится къ весьма отдаленной древности арійскихъ народовъ (½).

Если внимательно пересбрать и научно анализировать и сравнить названія различныхъ металловъ въ арійскихъ языкахъ (x–), то окажется, что можно съ достовѣрностью предполагать знакомство арійцевъ въ первобытныя времена лишь съ одною мѣдью. И то нельзя утверждать, что ихъ первоначальный боевой ножъ (санск. asi, лат. ensis) былъ непремѣнно металлическимъ оружіемъ. Названіе оружій вообще мало сходат-

(↓) заключать изъ факта несуществованія однокоренныхъ словъ для обозначенія пальмы въ различныхъ арійскихъ языкахъ, что пра-арійцы не знали пальмы, нельзя. Можно дѣлать такое заключеніе только изъ отсутствія словъ обозначающихъ цѣлую категорію предметовъ, встрѣчающихся вездѣ. Но и тутъ встрѣчаются странности. Нѣтъ, напримѣръ, общеарійскаго корня, служащаго наименованіемъ рыбы, между тѣмъ какъ они должны были знать ее и употреблять въ пищу, т. к. жили въ странахъ рѣчныхъ и приморскихъ, богатыхъ рыбою. Я только указываю примѣры трудностей лингвистическаго метода, какъ средства опредѣленія первобытной культуры.

(½) Можетъ быть металлургическое искусство находилось первоначально и въ иныхъ странахъ въ рукахъ пришлыхъ людей, которые любили окружать свое мастерство нѣкоторою тайною. Отсюда очень распространенныя древнія легенды, приписывающія изобрѣтеніе и первоначальное примѣненіе искусства ковать металлы сверхъестественнымъ существ. карлик. велик. колдун.

(x–) Это сдѣлано Шрадеромъ и по его стопамъ вкратцѣ Рейнакомъ.

ся въ арійскихъ языкахъ: металлическій мечъ изъ бронзы или желѣза не находится въ палеогреческихъ развалинахъ Гиссарлика и палеоиталійскихъ террамарахъ долины По. Языкъ доказываетъ намъ, что многія орудія, названія которыхъ обозначаютъ теперь металлическіе предметы, первоначально дѣлались изъ камня (x) Вообще выводъ изъ данныхъ языка заставляетъ насъ думать, что Арійцы въ первобытный (нераздѣльный) періодъ лишь переходили изъ неолитической въ металлическую культуру. „Воинъ Гомера и Ведъ, говоритъ Ренакъ (xx), является передъ нами, выѣзжающимъ на своей боевой колесницѣ, вооруженный съ ногъ до головы; если мы перенесемъ это представленіе на общеарійскій періодъ, то впадемъ въ ошибку отъ которой насъ можетъ предохранить сравненіе словарей." Пріобрѣтеніе такой культурной обстановки было совершенно отдѣльными арійскими племенами въ разное время, но во всякомъ случаѣ уже послѣ раздѣленія.

Съ другими металлами - оловомъ (а стало быть и бронзою), а также золотомъ и серебромъ Арійцы познакомились уже позже и, вѣроятно, всегда помощью заимствованія предметовъ изъ этихъ металловъ, а потомъ и искусства ихъ обрабатывать отъ другихъ (x/x) Желѣзо появилось еще позднѣе. Греки Гомеровскихъ поэмъ сражаются еще всѣ бронзовыми мечами, желѣзо довольно рѣдко встрѣчается и въ числѣ предметовъ Микенской

(x) Такъ напр. Hammer походитъ на славянскій камень, герм. sax (ножъ) = лат. saxum (камень).

(xx) См. въ кн. Bertrand, p. 315.

(x/x) Извѣстно, что Египетъ, а также Месопотамія и Малая Азія съ незапамятныхъ временъ знали металлы и въ частности желѣзо.

[illegible]

культуры. Кельты, Германцы и Славяне образовали много географическихъ именъ изъ названія желѣза, что показываетъ, что искусство ковать его они узнали еще во время переселенія (когда и создавались названія мѣстностей); но разнозвучность словъ, обозначающихъ желѣзо, въ этихъ языкахъ доказываетъ сравнительно невысокую древность появленія у нихъ желѣза.

Переходя къ вопросу о фаунѣ, которая окружала Арійцевъ въ первобытныя времена, нужно сказать на основаніи подобнаго же рода сравнительно лингвистическихъ изслѣдованій, что они знали много уже изъ плотоядныхъ животныхъ — собаку, волка и медвѣдя (х) имена ихъ однокоренныя находятся болѣе или менѣе во всѣхъ арійскихъ языкахъ. Изъ грызуновъ имъ были извѣстны мышь, заяцъ и бобръ; изъ однокопытныхъ лошадь; изъ жвачныхъ быкъ, овца, коза; наконецъ названіе свиньи кабана (porcus) болѣе или менѣе общеарійскимъ языкамъ. Имя оленя (cervus) имѣется въ лѣсныхъ мѣстностей однозвучно лишь нѣсколькимъ европейскимъ арійскимъ языкамъ. Названія птицъ сравнивать трудно; несомнѣнно извѣстенъ былъ въ общеарійскій періодъ „гусь"; но настоящаго „общеарійскаго птичнаго двора", собственно не было.

Пра-арійцамъ несомнѣнно было извѣстно прирученіе животныхъ (хх) Но это не значитъ, что всѣ живот-

(х) Общихъ наименованій для льва и тигра и кромѣ нихъ для верблюда недостаетъ въ арійскихъ языкахъ.

(хх) Я указывалъ, что слово обозначающее скотъ (лат. pecu), общеарійскимъ языкамъ; корень (санскр.) paç, что значитъ [illegible], вязать. Скотъ стало быть животныя, составляющія стадо, — „захваченныя животныя"

ныя являющіяся <u>домашними</u> въ историческій періодъ были подчинены человѣку уже въ общеарійскій періодъ. Домашними уже тогда являлись, по всей вѣроятности, быкъ съ коровой, (xx) баранъ съ овцой и коза. Свинья врядъ ли. Лошадь (xxx) нужно думать, находилась у нихъ въ полудикомъ состояніи. Были, можетъ быть стада еще прирученныхъ коней, которыя служили для пищи, но какъ верховое и вьючное животное, лошадь еще не употреблялась.

Что касается до <u>Флоры</u> въ общеарійскій періодъ, то, нужно думать, что она соотвѣтствовала степной природѣ, такъ какъ названія деревьевъ совпадаютъ лишь въ Европейскихъ вѣтвяхъ арійскаго языка, - это заставляетъ думать, что части расы, заселявшія Европу, лишь добравшись до ея центральныхъ полосъ, познакомились съ обширными лѣсами. - Первобытные Арійцы жили въ <u>пастушескомъ</u> быту, владѣя большими стадами и занимая необходимыя для ихъ пропитанія обширныя естественныя пастбища. Но они во всякомъ случаѣ усвоили уже начатки грубаго <u>земледѣлія</u>, что видно изъ общихъ различнымъ арійскимъ языкамъ названій земледѣльческаго орудія (сохи, плуга) и нѣкоторыхъ злаковъ. Они уже начинаютъ отмѣчать времена года, что является признакомъ перехода къ земледѣльческому быту (x). Впрочемъ особенно сильное.

(xx) Санскр. <u>sthaura</u>, греч. <u>ταῦρος</u>, лат. <u>taurus</u>, кельт. <u>tarvos</u>. Санскр. <u>go</u>, греч. <u>βοῦς</u>, лат. <u>bos</u>. - Санскр. <u>vaça</u>, лат. <u>vacca</u>.

(xxx) Санскр. <u>açva</u>, греч. <u>ἵππος</u>, лат. <u>equus</u> и т. д.

(x) Выше указаны названія <u>зимы</u>. Существуютъ также общія названія для обозначенія теплаго времени года, но нѣтъ общихъ корней соотвѣтствующихъ понятіямъ <u>весны</u> и <u>осени</u>. Отсюда нѣкоторые заключали, что не было и земледѣлія, т. к. для земледѣльца ∨

развитіе эта отрасль труда получила у европейскихъ Арійцевъ уже послѣ отдѣленія ихъ (гдѣ бы оно не произошло) отъ азіатскихъ (**)

Прибавлю еще лишь нѣсколько бытовыхъ черть извлекаемыхъ все же изъ данныхъ сравнительно-филологическаго наблюденія. Пищу нашихъ предковъ въ общеарійскій періодъ составляло прежде всего мясо отъ стадъ и отъ охоты, которое съѣдалось обыкновенно въ сыромъ видѣ, но которое умѣли уже и печь и жарить. Ѣли также сырые фрукты и жолуди, а также зерна, а также нѣчто въ родѣ печенаго хлѣба изъ грубо размолотыхъ зеренъ. Молоко, по всей вѣроятности, служило предметомъ питанія; но винодѣліе почти навѣрно было неизвѣст-

ходенно именно и важны весна (посѣвъ), и осень (жатва). А зима отъ лѣта отличается уже и пастушескими племенами, какъ времена года, когда скотъ находитъ или не находитъ корма. Но можно предположить, что слова эти не образовались рано только потому, что климатъ первоначальной родины не представлялъ долгихъ и своеобразныхъ переходныхъ временъ года между лѣтомъ и зимою.

(**) Изъ злаковъ мы находимъ санс. слово yâva, соотвѣтствующее греческому ζεά, но хорошо неизвѣстно, какой это видъ хлѣба (а это единственное общее между востокомъ и западомъ слово этой категоріи). Нѣкоторые предполагаютъ поэтому, что арійцы перешли въ полномъ смыслѣ къ земледѣлію лишь послѣ отдѣленія Азіатцевъ отъ Европейцевъ; у Европейцевъ развитіе земледѣлія совпало съ поселеніемъ ихъ въ плодородной мѣстности, богатой и лѣсомъ, послѣ выхода изъ огромныхъ безплодныхъ степей. Лингвистика доказываетъ, что европейскіе арійцы знали съ самаго начала: ячмень, пшеницу, просо, ленъ, горохъ, бобы и лукъ. Замѣчательно, что мы находимъ тѣ же земледѣльческіе продукты въ древнѣйшей цивилизаціи Египта и Семитическихъ народовъ.

но, изъ спиртныхъ напитковъ употребляли можетъ быть, одинъ медъ. Одеждою служили преимущественно звѣриныя шкуры, но первобытные Арійцы умѣли уже „бить" и „ткать" матеріи, вѣроятно изъ шерсти. Жилищемъ являлись, вѣроятно крытыя большія повозки (кочевой бытъ), но также землянки и горни (начала осѣдлости)(х). Пра-арійцы, конечно, были знакомы съ мореплаваніемъ, хотя и въ самомъ несовершенномъ, зачаточномъ видѣ: у нихъ были выдолбленныя лодки; паруса они не знали (хх)

Такова въ общихъ чертахъ матерьяльная культура нашихъ предковъ въ предполагаемый обще-арійскій періодъ, насколько она можетъ быть возстановлена на основаніи сравнительнаго изученія языковъ при пользованіи строгими пріемами современнаго научнаго филологическаго метода. Получаемая такимъ образомъ картина даетъ понятіе о цивилизаціи, значительно низшей, чѣмъ та, которую изображалъ Пикте въ шестидесятыхъ годахъ. Эта новая картина сближаетъ праарійскую культуру съ цивилизацією швейцарскихъ палафитовъ, лишь нѣсколько ставя ее, можетъ быть выше послѣдней въ области распространенія металловъ (ххх)

(х) Санскр. dama (домъ) лат. domus, греч. δόμος. Зендск. dvarem (дверь) греч. θύρα, лат. fores, нѣм. Thür и т. д.

(хх) См. Reinach (у Bertrand, p. 319.)

(ххх) Впрочемъ въ самое послѣднее время, основываясь на лингвистическихъ аргументахъ, нѣкоторые снова пытаются доказать, что Арійцы въ періодъ до разселенія знали употребленіе желѣза. Такой тезисъ между прочими поддерживалъ въ нынѣшнемъ году нашъ профессоръ Ѳ. А. Браунъ въ одномъ ~~[illegible]~~ своемъ сообщеніи въ Археологическомъ Обществѣ.

Слѣд.

Такой выводъ можетъ показаться находящимся въ противорѣчіи съ ходячими идеями о древне-арійской религіи и миѳологіи, которыя установились въ обществѣ послѣ знаменитыхъ Лекцій Макса Мюллера. Извѣстный англійскій ученый утверждаетъ, что греческій пантеонъ совпадаетъ съ индійскимъ, а отсюда онъ заключаетъ, что и Арійцы до раздѣленія уже достигли высокаго духовнаго развитія которое предполагаетъ и матеріальную культуру, гораздо болѣе совершенную, чѣмъ только что описанная, представленіе о которой выводится изъ внимательнаго сравненія словарей.

Но такое противорѣчіе лишь кажущееся. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе убѣждаются, что все зданіе такъ называемой „сравнительной миѳологіи" построено пока на очень зыбкомъ фундаментѣ. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ раньше сравненій именъ боговъ, современная филологическая наука признаетъ лишь одно отожествленіе греч. Ζεύς съ санск. Dyâus; притомъ можетъ быть старый первобытный Dyâus обозначалъ только лишь небо, отца свѣта и дождя. (Dyâus pita, Jupiter) а не верховнаго бога, олицетворенное небо. Мы даже не можемъ сказать, навѣрно, поклонялись ли первобытные Арійцы солнцу и лунѣ, какъ Персы временъ Геродота и Тацитовы Германцы. Культъ древне-арійскій также намъ неизвѣстенъ, и вообще нужно сказать, что сравнительное языковѣдѣніе, сообщающее лишь отрывочныя свѣдѣнія о матеріальной культурѣ Арійцевъ въ нераздѣльный періодъ даетъ чрезвычайно мало твердаго для сужденія о древнемъ развитіи ихъ (x)

(x) Послѣдняя попытка воспроизвести духовную культуру на-

На сказанномъ остановимся и мы, предполагая нѣсколько вернуться въ слѣдующей главѣ къ вопросу объ общественномъ бытѣ въ общеарійскій періодъ.

Возвращаясь спеціально къ Кельтамъ, мы должны сказать, что являясь на западно-европейскую сцену уже въ историческое время сдѣлали значительный шагъ впередъ сравнительно съ только что описаннымъ состояніемъ матеріальной культуры. Они уже вполнѣ овладѣли металломъ, при чемъ древнѣйшія ихъ стоянки (курганы) показываютъ намъ ихъ еще пользующимися бронзовымъ оружіемъ, а въ позднѣйшихъ они уже обнаруживаются съ желѣзнымъ мечемъ въ рукѣ. Гдѣ и какъ произошелъ этотъ прогрессъ остается неизвѣстнымъ.

шихъ предковъ въ общеарійскій періодъ принадлежитъ D'Arbois de Jubainville. См. въ его кн. Les premiers habitants de l'Europe (2 éd. v. I p. 201 et suiv.)

2.

Древнѣйшія формы общежитія въ человѣческихъ обществахъ и въ частности Арійскихъ племенъ и первоначальныя ступени ихъ развитія (Матріархатъ и Патріархатъ).

Мы уже видѣли раньше, что Галло-Кельты появились въ Средней и Западной Европѣ уже вооруженными бронзовыми и даже желѣзными мечами, удалыми хищниками, сильными завоевателями, но не чуждыми также и торговыхъ сношеній, которыя они направляли въ различныя стороны отъ занятой ими обширной территоріи. Въ непосредственно предшествующихъ словахъ мы пытались воспроизвести приблизительную картину общеарійскаго быта, которая давала бы намъ исходную точку для сужденія о степени культуры Галло-Кельтовъ при ихъ вступленіи въ историческія времена. Арійцы въ періодъ до ихъ раздѣленія лишь переходили въ фазу развитія металлической цивилизаціи. Историческіе Кельты находятся уже въ желѣзномъ вѣкѣ, доживая бронзовый періодъ. Стало быть это полное усвоеніе ими металлургіи и соотвѣтствующій прогрессъ въ бытѣ совершился у нихъ уже послѣ отдѣленія отъ общеарійскаго ствола во время пребыванія ихъ, по всей вѣроятности (?) въ юго-восточной Европѣ (x).

(x) Громадные, нужно думать Галло-Кельтскіе некрополи съ богатымъ металлическимъ обстановкою (mobilier funéraire) находятся подъ кур-

Каковы же были ихъ первоначальныя судьбы въ Европѣ и какъ можетъ быть опредѣленъ и описанъ ихъ соціально-политическій строй?

Первые вѣка господства Галло-Кельтовъ въ Европѣ были для нихъ періодомъ постоянныхъ побѣдъ; одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ кельтскаго вопроса, французскій современный ученый D'Arbois de Jubainville (x) доказываетъ, что въ V в. до Р. Х. Кельты образовали обширную имперію, которая „простиралась отъ Ѳракіи до Атлантическаго океана, захватывала значительную часть Испаніи, почти всю Галлію, къ сѣверу отъ Севеннъ и бассейна Роны, большую часть (если не всю) Германіи, почти весь бассейнъ Дуная (кромѣ устья) и почти всю сѣверную Италію." Онъ думаетъ, что эта „великая кельтская держава" — „единая и монархическая" распалась около 300 г. до Р. Х. на извѣстное количество самостоятельныхъ государственныхъ единицъ. Но и послѣ этого сила галльскаго племени ослабѣла не сразу: мы знаемъ, что къ III му вѣку до Р. Х. относятся наиболѣе далекія его завоевательныя предпріятія (на Балканскій полуостровъ и въ Малую Азію). Только потомъ началось замѣтное паденіе единства и крѣпости.

Теорія Жюбенвилля очень заманчивая и привлекательная для самолюбія Кельтофиловъ не очень

...лагали средней и западной Европы. Одинъ изъ наиболѣе богатыхъ и замѣчательныхъ изъ нихъ есть Гальштадтскій около Ишля недалеко отъ Зальцбурга въ Австріи. О немъ кратко говоритъ Бертранъ въ 1омъ изданіи книги La Gaule avant les Gaulois (с. 188 и слѣд.)

(x). Въ обширной статьѣ, помѣщенной въ Revue Historique (см. томъ XXX 1886. Janvier–Février

вѣроятна и доказательна (x)

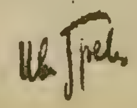
Трудно предположить, чтобы племя пришедшее въ Европу на такой ступени развитія сравнительно первобытной, которую рисуютъ намъ археологическія и лингвистическія данныя о первичномъ періодѣ жизни арійскихъ народовъ могло такъ широко объединиться и въ національномъ и въ политическомъ отношеніи почти немедленно послѣ прибытія въ среднюю и западную Европу. (x/x) Жюбенвилль не объясняетъ намъ ни процесса образованія, ни причины распаденія этой великой Кельтской державы, между тѣмъ какъ Фюстель де Куланжъ очень обстоятельно показалъ, что Галлы во время до римскаго завоеванія не знали національнаго единства. (xx)

Итакъ мы должны думать оставить въ сторонѣ блестящую картину Жюбенвилля и полагать, что при вступленіи въ западную Европу Галлы находились лишь въ племенномъ быту, который сост-

(x) Хотя авторъ хорошаго руководства по исторіи древне-французскихъ учрежденій Віолле, нашелъ возможнымъ внести ее, какъ фактъ достовѣрный въ свой научный учебникъ. См. Paul Viollet Histoire des institutions politiques de la France t. I Paris 1890.

(x/x) Напомнимъ, что на основаніи довольно надежныхъ аргументовъ Бертранъ относитъ переправу Галловъ черезъ Рейнъ во время первоначальнаго переселенія къ періоду около 500 года до Р.Х.

(xx) См. Institutions politiques de l'ancienne France t. I, livre I chapitre I: „Il n'existait pas d'unité nationale chez les Gaulois"

вѣтствовали общему уровню ихъ культуры. Раса распадалась на много отдѣльныхъ племенныхъ союзовъ, которые временно могли объединяться въ моменты войны но не надолго.

Для ознакомленія съ дальнѣйшими подробностями соціально политическаго быта Кельтовъ мы должны исходить, конечно, изъ знаменитыхъ „Комментарій о Галльской войнѣ" Юлія Цезаря (xxx)

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что свѣдѣнія, которыя даетъ о Галлахъ I го вѣка до Р.Х. Цезарь, отчетливы и точны. Но при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ ними нельзя не замѣтить многихъ неясностей и несообразностей. Онъ правда мимоходомъ высказываетъ нѣсколько драгоцѣнныхъ и очень мѣткихъ замѣчаній, но подробно не описываетъ политическое и соціальное устройство ни одного изъ галльскихъ народцевъ. Кромѣ Цезаря мы имѣемъ данныя о Кельтахъ у Страбона нѣчто можно извлечь также изъ Полибія, Діодора, Плутарха, Помпонія Мелы, Плинія Натуралиста и другихъ. Вотъ все, что мы имѣемъ.

Цезарь остается центральнымъ источникомъ; но онъ говоритъ слишкомъ опредѣленно, пере-

(xxx) Цезарь говоритъ преимущественно о такъ называемой Gallia Transalpina, т.е. о нынѣшней Франціи. Такъ что это дѣйствительно наиболѣе важная изъ странъ, заселенныхъ кельтскими этническими элементами, то и мы будемъ преимущественно говорить о Кельтахъ Трансальпійской Галліи, привлекая къ изложенію данныя о другихъ кельтскихъ странахъ напр. Ирландіи, Великобританіи лишь въ видѣ дополненій тамъ, гдѣ это будетъ необходимо.

[illegible]

[illegible]

водя галльскія національныя учрежденія на римскій государственный языкъ; это и затемняетъ пониманіе. Цезарь изображаетъ Галлію чуждою національнаго единства, племеннаго, а также политическаго. Она, по его словамъ, распадается на многочисленныя части, группы или тальца, которыхъ между Рейномъ и Пиринеями насчитываетъ до 90. Онъ ихъ называетъ civitates и въ этомъ заключается первая неясность. Civitas въ римской юридической терминологіи значитъ „городская община" въ римскомъ смыслѣ. Это опредѣленная территорія съ городскимъ поселеніемъ въ центрѣ, жители которой пользуются мѣстнымъ самоуправленіемъ. Между тѣмъ самъ Цезарь говоритъ, что у Галловъ нѣтъ настоящихъ городовъ или ихъ было очень мало; онъ ихъ называетъ oppida и это лишь укрѣпленные пункты, служившіе убѣжищемъ во время войны, рынками во время мира, и неимѣвшіе постояннаго населенія. Что же такое галльская civitas? Какъ понять этотъ терминъ примѣнительно къ Галламъ? можетъ быть это просто племена, какъ позднѣйшіе шотландскіе кланы. А можетъ быть тутъ имѣется въ виду другая какая-нибудь политическая форма. Это неясно.

Другимъ примѣромъ трудности правильно понимать и толковать извѣстія Цезаря можетъ служить слѣдующее нѣсколько странное его описаніе сословнаго строя Кельтовъ. Онъ говоритъ, что галльское общество раздѣляется на три класса: друидовъ (жрецовъ) всадниковъ (equites) и простолюдиновъ (плебеевъ). Первые и третьи понятны. Но что представляли изъ себя кельтскіе всадники? Это классъ богатый и могущественный, говоритъ Цезарь, они главная воен-

ная сила Галловъ; они же обладаютъ и большимъ политическимъ значеніемъ. На войну они выходятъ окруженные многочисленными <u>кліентами</u> (x). Большинство же народа обременено долгами (<u>obaerati</u>) и находится почти въ рабствѣ у всадниковъ. Получается картина вполнѣ римская. Мы знаемъ очень хорошо, что въ Римѣ всадники также составляли высшій военный и богатый торгово-промышленный классъ (финансовую аристократію); они обладали большими капиталами, которые эксплуатировали весьма различно, между прочимъ отдавали въ ростъ и держали такимъ образомъ бѣдные классы въ очень зависимомъ отъ себя положеніи. Такой порядокъ совершенно соотвѣтствуетъ римскому, развитому общественному строю съ расчлененными классами и уже дифференцировавшимися экономическими функціями. Но какъ перенести эту соціальную картину на нравы племени, находившагося еще на одной изъ первыхъ ступеней развитія? Вѣдь если Цезарь называетъ галльскую знать <u>всадниками</u>, значитъ онъ хочетъ вызвать въ головѣ римскаго читателя знакомыя представленія. Между тѣмъ предположить развитіе <u>капитализма</u> и вытекающаго изъ него подчиненія народной массы капиталу (буржуазіи) у кельтовъ, какъ и вообще у всякаго первобытнаго народа невѣроятно. Такимъ образомъ Цезарь заимствуя при описаніи кельтскаго быта понятія и термины изъ римскихъ политическихъ и соціальныхъ отношеній, затемняетъ дѣло. Стало быть и здѣсь получается большая неясность въ изображеніи Цезаря.

Для истолкованія насъ слѣдуетъ искать дру

(x) <u>Clientes</u>, <u>ambacti</u> См. <u>Caes</u>. B. G. <u>VI</u>, 15.

ныхъ источниковъ. Если нѣтъ современныхъ, то нужно обращаться къ позднѣйшимъ и отыскивать въ нихъ факты переживанія старины. Такіе позднѣйшіе тексты, касающіеся кельтскаго политическаго и соціальнаго строя существуютъ, — это юридическіе памятники Ирландскихъ кельтовъ, изъ которыхъ нѣкоторые относятся къ V-му вѣку по Р.Х. Ими надо пользоваться для выясненія извѣстій Цезаря. Но чтобы сознательно читать ихъ, подмѣчать въ нихъ выжившіе остатки древнѣйшаго быта необходимо представлять себѣ, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ происхожденіе и ходъ развитія первобытныхъ формъ общежитія. На этомъ мы должны теперь нѣсколько сосредоточиться, какъ раньше останавливались на воспроизведеніи главнѣйшихъ фазъ первобытной матеріальной культуры.

55

а). Вопросъ о первобытныхъ формахъ общежитія

Уже давно замѣчено наукою, что исконною связью объединяющею всякое первобытное общество, является кровное родство. Отсюда выводили, что семья (индивидуальная, состоящая изъ отца, матери и дѣтей), является прототипомъ общества, и что на ясномъ представленіи единства происхожденія отъ одного еще живого лица-отца родоначальника или давно умершаго, но образъ котораго (или преданіе) хранится въ памяти потомства, основывается существованіе древнѣйшей формы общественнаго быта, быта родового, патріархальнаго. Первое обоснова-

ніе и развитіе этой теоріи мы находимъ еще у Платона и Аристотеля. Ее возобновляли юристы и социологи XIX в. Вспоминали при этомъ также патріархальный бытъ евреевъ времени Авраама, для представленія котораго Библія даетъ такое великолѣпное описаніе; указывали и на слова римскаго юрисконсульта Гая объ отеческой власти и на аналогіи съ этимъ патріархальнымъ строемъ, находимыя въ довольно скудныхъ Цезаревыхъ и Тацитовыхъ описаніяхъ Германцевъ и выводили изъ этого „объ исконномъ существованіи индивидуальной семьи съ отцемъ во главѣ, какъ колыбели всякаго общественнаго соединенія (брачная пара съ дѣтьми разрастающаяся въ родъ) и зародышъ племени, которое въ свою очередь впослѣдствіи развивалось въ государство."

Система получалась простая и понятная. Начиная съ текстовъ Библіи и кончая философскими или юридическими трактатами знаменитѣйшихъ новѣйшихъ ученыхъ, — все, кто говорили о развитіи общества повторяли эту картину, и она прочно вошла въ умы. Некоторые писатели богословскаго направленія (какъ напр. Де-Местръ) признавали даже семейно патріархальную исконную форму быта человѣчества, однимъ изъ элементовъ „божественнаго откровенія", даннаго первоначально Евреямъ, а потомъ христіанамъ. Спорили много о послѣдующихъ ступеняхъ развитія общества и ихъ преемственности, но исходнымъ пунктомъ всякаго общественнаго развитія всѣ долго признавали индивидуальную семью и патріархальный родъ.

Изъ новѣйшихъ ученыхъ [illegible] изображеніе и развитіе цѣлаго общества съ точки зрѣнія

патріархальной теоріи (х) дали Фюстель де Куланжъ (La cité antique) на примѣрѣ гражданскаго общества классической древности и Мэнъ (въ различныхъ его сочиненіяхъ) на примѣрѣ изученія первобытнаго права арійскихъ народовъ вообще и въ частности Кельтовъ. Впрочемъ, какъ уже выше было сказано, нѣсколько раньше ихъ Пикте (Pictet) утверждалъ, на основаніи лингвистическихъ данныхъ, что арійцы въ своей далекой азіатской прародинѣ выработали опредѣленныя формы патріархальнаго быта, основывающіяся на очень чистыхъ семейныхъ правахъ и держащіяся на подчиненіи власти отцу-родоначальнику.

Однако дѣло было далеко не такъ просто. Изученіе древнихъ историческихъ текстовъ и юридическихъ памятниковъ различныхъ народовъ, сравнительныя изслѣдованія въ области быта современныхъ дикихъ племенъ (хх), наблюденіе фактовъ переживанія далекой старины у нѣкоторыхъ уединенныхъ или отсталыхъ малокультурныхъ народовъ обнаружило цѣлый рядъ фактовъ, плохо мирившихся съ представленіемъ объ исконной чистотѣ семейныхъ нравовъ и о первичности патріархальной семьи.

Обнаруживали иногда и въ разсказахъ древнихъ писателей о нравахъ античныхъ народовъ — непрочность отношеній между мужемъ и женой (неустановившим-

(х) т.е. именно образованіе государства изъ рода и этого послѣдняго изъ индивидуальной семьи съ признаками родства въ мужскомъ колѣнѣ и власти отца и родоначальника.

(хх) Они въ особенности участились въ послѣднія времена и для нихъ стали вырабатываться специальные пріемы научной методики, такъ что они уже составляютъ специальную дисциплину — сравнительную этнологію.

Кун.

ности семейнаго быта) Передавались разсказы объ очень несовершенныхъ, непостоянныхъ и грубыхъ формахъ брачныхъ отношеній у современныхъ дикарей. Но такія противорѣчія отбрасывались, чтобы не поколебать излюбленной теоріи патріархата. Говорили, что древніе историки и географы фантазируютъ, а что современные дикари представляютъ грубыя отклоненія отъ тѣхъ чистыхъ формъ семейныхъ отношеній, которыя представляютъ исходную точку общественнаго развитія современныхъ культурныхъ, или по крайней мѣрѣ, арійскихъ народовъ.

Понадобилась большая масса фактовъ и очень систематическое ихъ изслѣдованіе, чтобы разбить безусловность установившейся доктрины и вскрыть существованіе цѣлаго ряда послѣдовательныхъ допатріархальныхъ формъ брачныхъ отношеній и вытекающихъ изъ тѣхъ первобытныхъ формъ общественнаго быта.

Однимъ изъ первыхъ ученыхъ, которому удалось серьезно поколебать патріархальную теорію и показать долгое отсутствіе индивидуальной семьи въ первобытныя времена былъ нѣмецкій ученый Бахофенъ (Bachofen) (x) За нимъ послѣдовалъ англійскій изслѣдователь Макъ Леннанъ (xx)

(x) Главныя его сочиненія слѣдующія — 1) Versuch über die Gräbersymbolik der Alten (1859), 2) Mutterrecht (1861) и 3) Antiquarische Briefe (1880)

(xx) Mac-Lennan. Primitive marriage (1865. 2е изд. 1876) Впрочемъ еще и гораздо раньше выхода трудовъ двухъ только что названныхъ ученыхъ, еще въ прошломъ вѣкѣ два французскихъ писателя Lafiteau (Moeurs des sauvages américains 1724.) и Millar 1771. указывали на то, что въ глубокой древности кромѣ отеческой власти, большимъ авторитетомъ пользовалась материнская. Только тогда этимъ указаніямъ не придали значенія и оно было забыто

Первый – превосходный классическій филологъ, путемъ долгаго и терпѣливаго сравнительнаго изученія древней миѳологіи, опредѣлилъ слѣды до-патріархальнаго быта въ памятникахъ и сказаніяхъ античныхъ народовъ. Онъ высказалъ при этомъ любопытное предположеніе о преобладаніи матери (о материнскомъ главенствѣ въ первобытной семьѣ. Второй, – отправляясь отъ изученія сравнительной этнологіи, т.е. наблюдая семейныя и общественныя формы быта дикарей пришелъ къ предположенію о существованіи до-патріархальной семьи, основанной на родствѣ по матери, какъ исходной точкѣ общественнаго развитія и нашихъ предковъ въ первобытныя времена. Стало быть Бахофенъ на основаніи изслѣдованія далекаго прошлаго классическихъ народовъ и Макъ Леннанъ на основаніи данныхъ жизни современныхъ некультурныхъ народовъ пришли къ однороднымъ заключеніямъ объ „эволюціи семьи", въ процессѣ которой патріархатъ располагался далеко не на первой ступени. Ихъ выводы удивительно совпадали: современные дикари своей жизнью превосходно подтверждали многіе разсказы Геродота и Страбона и другихъ классическихъ авторовъ, а также факты о семейныхъ правахъ древнихъ Кельтовъ и Германцевъ въ средніе вѣка.

Вопросъ заинтересовалъ ученыхъ этнологовъ и соціологовъ и къ названнымъ только что работамъ присоединились очень интересныя и замѣчательныя изслѣдованія американскаго ученаго Моргана. Lewis Morgan, изучавшаго тѣ же стороны быта у краснокожихъ племенъ Америки (xxx), а также

(xxx) Имъ написанъ цѣлый рядъ очень выдающихся изслѣдованій и этюдовъ, напримѣръ – 1) О системахъ первобытнаго родства.

любопытная работа такого же содержанія двухъ англій-
скихъ миссіонеровъ и этнографовъ наблюдателей Физона и
Гоуитта объ Австралійцахъ (x). Названныя изслѣдованія
этихъ замѣчательныхъ ученыхъ было сдѣлано одно изъ ин-
тереснѣйшихъ открытій въ области исторіи общест-
ва въ первобытныя времена, благодаря которому данъ
былъ богатѣйшій матеріалъ для построенія научной
теоріи эволюціи семьи. Они доказали, что на зарѣ общест-
венной жизни различныхъ племенъ у нихъ не существ-
вовало индивидуальной семьи, безъ которой мы теперь
почти не можемъ представить себѣ общества. До по-
явленія патріархальнаго рода они обнаружили дол-
гій періодъ существованія рода матріархальнаго.
Выводы новой теоріи первоначально возбудили удив-
леніе и неудовольствіе; они шли въ разрѣзъ съ уста-
новившимися мнѣніями, очень медленно проника-
ли не только въ общество, которое поражено было
ихъ необычайностью, но и въ науку, такъ какъ они раз-
рушали красоту выработанныхъ построеній.
Одинъ изъ главныхъ сторонниковъ патріархальной
теоріи, — Мэнъ, до конца жизни оставался вѣренъ

Sistems of consanguinity and affinity in the human family (напечата-
на была эта работа въ очень богатомъ коллективномъ изданіи
по этнографіи одного Американскаго ученаго института - Smithsonian contributions to knowledge, t. XVII, Washington, 1871); - 2) Ancient
society (Древнее общество); New-York, 1877; - 3) Houses and House Life
of the American aborigines (Семейная жизнь у американскихъ
туземцевъ), Washington, 1881 и др.

(x) Трудъ ихъ озаглавленъ - Fison and Howitt, Kamilaroi and Kurnai
(Melbourne, 1880), по названію двухъ австралійскихъ племенъ, ко-
торыхъ они спеціально изучали.

своимъ взглядамъ и отрицалъ истину новыхъ теорій о сравнительно позднемъ появленіи въ исторіи патріархальнаго рода

Несомнѣнно въ далекой и темной области, въ которой вращались данныя изслѣдованія, многое остается еще не разрѣшеннаго, и многія выставленныя гипотезы фантастичны или по крайней мѣрѣ, недоказаны. Но работы, которыя я называлъ, направили научную мысль въ новую сторону, дали возможность съ помощію привлеченія къ толкованію отрывочныхъ данныхъ въ источникахъ о соціальныхъ древностяхъ европейскихъ народовъ сравнительнаго матерьяла изъ современной этнографіи дикихъ — заглянуть въ гораздо болѣе глубокую даль временъ и твердо поставить нѣкоторыя основы для будущей научной теоріи о происхожденіи общества. Изученію формъ первобытнаго семейнаго общежитія, предались весьма многочисленные, путешественники, ученые, историки-этнографы, юристы различныхъ европейскихъ странъ, изучали настоящее и прошлое всѣхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта, народы Востока, Грековъ и Римлянъ, Кельтовъ, Германцевъ и Славянъ по ихъ историческимъ и литературнымъ памятникамъ; Инородцевъ Кавказа, азіатскія племена и дикарей Америки и Австраліи по современнымъ этнологическимъ даннымъ.

Въ результатѣ появилась обширная и очень интересная литература по вопросу о <u>происхожденіи семьи</u> на всѣхъ европейскихъ языкахъ, въ частности и на русскомъ. Сочиненія эти касались и фактической разработки матерьяла, и методологіи вопроса примѣнительно къ исторіи первобытнаго права (x)

Я не могу перечислять всю эту литературу, а

(x) Въ этомъ послѣднемъ (методологическомъ) отношеніи весьма интересны и полезны работы современнаго нѣмецкаго ученаго историка пра-

назову лишь нѣсколько наиболѣе доступныхъ и подходящихъ для насъ сочиненій (х)

Множество фактическаго матеріала по исторіи развитія формъ семьи и брака можно найти въ сочиненіи извѣстнаго англійскаго писателя, Джона Леббока, Начало цивилизаціи (русскій переводъ СПБ. 1876), а болѣе новую группировку фактовъ въ русской работѣ Н.И. Зибера, Очерки первобытной экономической культуры (М. 1883.) Превосходное систематическое и философское обобщеніе вопроса найдемъ мы въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ знаменитаго труда Герберта Спенсера, Основанія Соціологіи (х)

Краткое, но также обобщенное и очень талантливое и интересное изображеніе новѣйшихъ теорій и выводовъ о первобытныхъ формахъ общежитія мы имѣемъ въ работахъ нашего даровитаго ученаго, М.М. Ковалевскаго, одной русской, другой французской. Я разумѣю его книги 1) Первобытное право, 2 выпуска Родъ и Семья (Москва 1886) и 2) Maxime Kovalevsky. Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété (Paris. 1890) Обѣ работы возникли изъ лекцій — первая въ Московскомъ Университетѣ, вторая въ Стокгольмѣ. На эти работы я главнымъ образомъ основываю свое изложеніе, обращаясь къ другимъ лишь для дополненій (хх)

ва и этнолога, Германа Поста (Post). Точныя заглавія его работъ можно найти въ Книгѣ о Книгахъ, т. I. стр. 79.

(х) Краткій обзоръ „исторіографіи вопроса о происхожденіи семьи" можно найти въ русской диссертаціи В.В. Ефимова, Очерки по исторіи древняго римскаго родства и наслѣдованія (СПБ. 1885) стр. 12 и сл.

(х) См. т. II. часть 3ья

(хх) Для желающихъ назову еще теперь болѣе обширныя сочиненія два французскихъ 1) Giraud Teulon. Les origines du mariage et de la famille (G. Genève, 1884) и 2) Ch. Letourneau, L'évolution du mariage et de la famille (P. 1888).

в) Происхожденіе и развитіе матріархата.

1. — Я не буду вдаваться въ подробный анализъ фактовъ и теорій, касающихся первобытнаго права, а отмѣчу лишь основные пункты и приведу лишь немногіе примѣры.

Новѣйшія, болѣе глубокія, многочисленныя и разностороннія наблюденія и изслѣдованія показали, что въ видѣ зародыша общества нельзя предполагать пару людей, мужчину и женщину, соединенныхъ между собою узами индивидуальныхъ брачныхъ отношеній, производящихъ потомство, которое затѣмъ признаетъ свое происхожденіе отъ отца и матери, разростается въ родъ, и подчиняется верховной власти общаго отца. Первоначальнымъ типомъ общественнаго соединенія (сѣменемъ, зерномъ общества) является напротивъ неопредѣленный **агрегатъ** людей, мужчинъ и женщинъ — <u>стадообразное племя</u>, состоящее изъ индивидуумовъ, соединившихся вмѣстѣ въ видахъ облегченія добыванія средствъ къ жизни и самозащиты. Стремленіе продолженія расы (расширенный инстинктъ самосохраненія) побуждало мужчинъ и женщинъ такого племени вступать въ брачныя отношенія. Но постоянной связи между ними не получалось — это были мимолетныя сближенія, не влекшія за собою никакихъ продолжительныхъ семейныхъ союзовъ. Всѣ взрослые мужчины племени при <u>такой формѣ быта являлись мужьями всѣхъ жен-</u>

~~à Paris 1889~~; — и двѣ нѣмецкихъ 1) <u>Fr. v. Hellwald</u>. Die menschliche Familie nach ihrer Entstehung und natürlichen Entwickelung. Leipzig 1888 и 2) <u>Starcke</u>. Die primitive Familie. Leipzig 1888. Въ нихъ найдете и указанія на болѣе спеціальную литературу

щинъ, и онъ обратно - женами насъ всѣхъ. Такого рода самыя грубыя формы общенія („общеніе женъ"), при которомъ братья и сестры могутъ быть мужьями и женами, встрѣчаются у нѣкоторыхъ теперешнихъ дикарей.

Нѣкоторыя негритянскія племена живутъ до сихъ поръ въ такихъ формахъ брачныхъ отношеній. Женщины и дочери считаются общимъ достояніемъ цѣлой группы, отдѣльные члены которой обозначаются соотвѣтственно ихъ физическимъ особенностямъ, напримѣръ: высокій, хромой и т.д. Такія же формы были находимы путешественниками у жителей Новой-Зеландіи, Южной Америки, Андаманскихъ и Никобарскихъ острововъ и даже до извѣстной степени нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказа, гдѣ туземцы по описанію Пржевальскаго допускаютъ свободное сожитіе молодыхъ людей обоего пола до ихъ замужества.

Трудно утверждать, что всѣ нынѣшніе культурные народы должны были пережить непремѣнно въ началѣ своего существованія такую грубую фазу общественнаго развитія; но во всякомъ случаѣ слѣды такого рода безпорядочнаго семейнаго сожительства мы находимъ въ источникахъ изображающихъ бытъ и арійскихъ народовъ въ древнѣйшія времена.

Остатковъ архаической старины больше всего сохранилось у Славянъ. Такъ напримѣръ средневѣковой хроникеръ Козьма Пражскій говоритъ слѣдующее о древнемъ бытѣ Чеховъ: „Народъ этотъ не знаетъ постоянства брачныхъ узъ: подобно скотамъ вступаютъ они въ связь каждую ночь съ новой женщиной и

съ наступленіемъ зари разрываютъ (какъ онъ выражается) желѣзныя оковы любви." Подтвержденіемъ свидѣтельства Козьмы Пражскаго можетъ служить извлеченіе изъ житія св. Адальберта. Изъ него видно, что чешское населеніе было недовольно на св. Адальберта за его проповѣдь въ пользу брачной жизни и нападки на сожительство съ родственницами, которое являлось необходимымъ результатомъ общенія женъ въ предѣлахъ одного племени, что подобные порядки не были исключительною особенностью однихъ Чеховъ, доказываетъ извѣстное свидѣтельство нашей лѣтописи о бытѣ Русскихъ Славянъ: „Радимичи, Вятичи и Сѣверяне одинъ обычай имяху... браци же не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены". Доказательствомъ того, что умыканія на игрищахъ вели за собою не постоянный личный бракъ, а временное сближеніе, сходное съ тѣмъ общимъ смѣшеніемъ половъ, которое описываетъ Козьма Пражскій у Чеховъ служатъ, Переяславская лѣтопись и извѣстія о подобныхъ игрищахъ, сохранившіяся и въ позднѣйшее время. Въ Переяславской лѣтописи читаемъ, что у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ на игрищахъ допускалась полная свобода половыхъ отношеній. О сохраненіи слѣдовъ такого рода мимолетныхъ и грубыхъ формъ брачнаго общенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольно долго имѣемъ данныя въ правилахъ митрополита Кирилла (въ XIII в.): „... въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ чтобы это такъ было и повелѣваемъ проклинати. Мы слышали, что въ Суздали вечеромъ собираются

вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и скверну творятъ въ ночь Святаго Воскресенія." Впослѣдствіи общеніе женъ бывшее первоначально правиломъ, стало исключеніемъ; оно, имѣвшее сначала мѣсто круглый годъ, ограничивается лишь періодомъ извѣстныхъ праздниковъ, особенно напримѣръ Иванова Дня (Ивана Купалы) Но долго и послѣ утвержденія уже индивидуальной семьи сохраняются остатки древнѣйшаго брачнаго коммунизма.

Такого рода слѣды нѣкогда царствовавшаго общенія женъ сохранились не у одной Славянской вѣтви арійской семьи. Они встрѣчаются и въ источникахъ о Кельтахъ и древнихъ Германцахъ, также (хотя и менѣе ясное) въ извѣстіяхъ о Грекахъ, Римлянахъ и Индусахъ (x)

Такія дошедшія до насъ свѣдѣнія касательно раннихъ періодовъ въ исторіи развитія почти всѣхъ народовъ, позволяютъ предполагать, что безпорядочное сожительство между всѣми женщинами и мужчинами племени, какъ первичную форму брачныхъ отношеній.

Отыскивая причины этого явленія нѣкото-

(x). Многочисленные примѣры собраны въ первой главѣ книги М.М. Ковалевскаго, Семья (стр. 1–14.).
Онъ приводитъ между прочимъ (с. 11) слова изъ древне-индійскаго свадебнаго гимна въ Атарво-Веда, въ котор. женщина отождествляется съ полемъ, причемъ мужчинамъ дается такой совѣтъ: „Одушевленная пашня, эта женщина пришла сюда; сѣйте о мужи въ нее ваше сѣмя." Извѣстія въ Ведахъ о кровосмѣсительныхъ бракахъ между братомъ и сестрою, котор. повторяются и въ памятникахъ другихъ народовъ, принадлежатъ къ такого же рода слѣдамъ.

рые изслѣдователи полагаютъ, что такое общеніе женъ вытекало изъ отсутствія въ тѣ времена понятія объ индивидуальной собственности на что бы то ни было, т.е. какъ территорія даннаго племени была общей собственностью всѣхъ его членовъ, такъ точно и женщины племени были общей собственностью всѣхъ мужчинъ этого племени.

Это была, какъ говоритъ Леббокъ, <u>племенная монополія</u> на пользованіе женщинами, которая предшествовала <u>индивидуальной</u> (x)

Но такая форма общежитія и брачныхъ отношеній не могла сохраниться долго и должна была подвергнуться ограниченіемъ и регламентаціи; изъ такого, чисто животнаго общенія, основаннаго исключительно на инстинктѣ сохраненія и продолженія жизни, питанія и воспроизведенія, должны были постепенно вырабатываться болѣе человѣческія формы. На примѣрѣ одного австралійскаго племени мы видимъ оригинальный образецъ такого ограниченія безпорядочныхъ и мимолетныхъ брачныхъ отношеній. Англійскіе миссіонеры Файзонъ и Гауиттъ, изучая бытъ австралійскихъ дикарей, Камиларои и Курнаи, указываютъ на существованіе въ нихъ среди таковъ племенъ, которыя дѣлятся на двѣ группы, при чемъ мужчины первой группы вступаютъ въ бракъ только съ женщинами второй, а мужчины второй, только съ женщинами первой. <u>Для наглядности приведемъ названія этихъ группъ</u>

(x) См. <u>Ковалевскій</u>, [illegible], 14.

у одного племени. Первая группа мужчинъ обозначается у нихъ именемъ „Kumité", а вторая „Kroki"; женщины обѣихъ группъ называются тѣми же именами, только съ прибавкой частицы „dor": „Kumite-dor" и „Kroki-dor" Каждому мужчинѣ изъ группы Kumité дозволено вступить въ брачное сожительство съ каждой изъ женщинъ группы Kroki-dor, всякій же Kroki имѣетъ право взять въ жены только Kumite-dor. Одинаковость названій первой группы мужчинъ съ первой группой женщинъ и второй группы мужчинъ со второй женщинъ свидѣтельствуетъ о томъ, что между соотвѣтствующими группами мужчинъ и женщинъ, существуетъ родство: и дѣйствительно, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что братья и сестры отъ одной матери, попадаютъ въ тѣ двѣ группы, между которыми запрещается заключеніе брачныхъ узъ, а съ ними вмѣстѣ двоюродные братья и сестры, дяди и тетки, племянники и племянницы. Такимъ образомъ главной цѣлью такого дѣленія на группы служитъ стремленіе воспрепятствовать половому общенію ближайшихъ родственниковъ. Такъ понимаютъ дѣло и сами дикари.

Но пусть нѣтъ еще правильныхъ браковъ, нѣтъ постоянныхъ семейныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Бракъ не совершается въ опредѣленные моменты: каждый является мужемъ или женой по праву рожденія. Дѣти принадлежатъ къ группѣ матери. При такомъ порядкѣ брачныхъ отношеній могла опредѣлиться лишь родственная связь по происхожденію отъ матери, такъ какъ также происхожденіе было кон-

кретно опредѣлялось самымъ актомъ рожденія, а отецъ могъ быть вполнѣ неизвѣстенъ вслѣдствіе постоянной смѣны брачныхъ отношеній. Ребенокъ *былъ сынъ своей матери* и онъ дѣлался *преемникомъ* (родичемъ) группы лицъ, входящихъ въ племя (*кланъ*, *фратрію*) гдѣ онъ родился, которыя также связаны между собою происхожденіемъ отъ *женщинъ данной группы*.

Причину, побудившую появленіе ограниченія первоначальнаго безпорядочнаго полового сожительства внутри племени въ формахъ только что описанныхъ „групповыхъ браковъ" нѣкоторые остроумно находятъ въ стремленіи обезпечить внутренній миръ племеннаго или группового союза, ослабить внутренніе раздоры. При отсутствіи частной собственности изъ за захвата однимъ мужчиною группы одной изъ женщинъ ея хотя бы для кратковременнаго брачнаго пользованія могло возгораться въ остальныхъ дикое чувство животной ревности, и постоянныя и кровавыя столкновенія между членами наиболѣе тѣсной группы заставляли бы союзъ распадаться. Вслѣдствіе этого и могъ возникнуть обычай запрещать вообще браки между мужчинами и женщинами группы (которые являются такъ или иначе *единоутробными* родичами), и женщины предоставляются для брачныхъ отношеній мужчинамъ другой группы съ полученіемъ обратнаго права исключительно пользоваться всѣмъ мужчинамъ первой группы всѣми женщинами второй, какъ женами (x)

Описанная форма уже и есть *материнскій родъ*, единственно *возможная форма родовыхъ отношеній при болѣе или менѣе безпорядочныхъ брачныхъ связяхъ.*

(x) *Ковалевскій*, Родъ, 110.

При объясненіи происхожденія материнскаго рода слѣдуетъ имѣть въ виду именно два обстоятельства: 1) непрочность брачныхъ отношеній и 2) невозможность установить фактическую связь между ребенкомъ и фактическимъ его отцомъ. Такъ какъ на такихъ раннихъ ступеняхъ общежитія брачныя узы расторгались на каждомъ шагу, то легко могло случиться, что въ моментъ рожденія ребенка, его дѣйствительный отецъ, давно порвавшій прежнюю связь, дѣлался членомъ другого союза и его очень могло не оказаться на лицо въ сожительствѣ съ прежнею женою. Слѣдовательно не оставалось иного исхода, кромѣ того, чтобы довольствоваться яснымъ фактомъ родства ребенка съ матерью и черезъ ея посредство, съ ея родственниками по женской линіи, членами ея группы. Благодаря тому, что ребенокъ не живетъ съ отцомъ, даже можетъ быть никогда не видѣлъ его и является тутъ отсутствіе не только привязанности, но и самаго сознанія родственной связи между сыномъ и отцомъ, самаго понятія „отечества“

Такимъ образомъ осуществится ограниченіе брачныхъ союзовъ между ближайшими родичами по женской линіи. Вмѣсто прежняго безпорядочнаго общенія женщинъ и мужчинъ, племя раздѣляется на двѣ группы, и члены каждой, признаваясь братьями и сестрами, не могутъ вступать въ брачныя отношенія между собою; но всѣ женщины одной группы принадлежатъ какъ жены всѣмъ мужчинамъ другой. Это такъ называемая экзогамія (внѣ-племенной или внѣ-групповой бракъ). Члены каждой группы - уже не случайно сошедшіеся люди, а родственники, происходящіе отъ женщинъ данной группы или колѣна, т.е.

отъ сестеръ.

Дальнѣйшее развитіе такого ограниченія въ общеніи женъ можетъ идти путемъ продолженія дробленія племени не на два, а на большее число болѣе мелкихъ колѣнъ, внутри которыхъ запрещаются эндогамическіе браки (т.е. браки внутри группы). Въ такомъ случаѣ общеніе женъ будетъ совершаться во все болѣе узкой сферѣ индивидуумовъ. Родство будетъ дѣлаться все тѣснѣе, но оно все же будетъ оставаться женскимъ (по матерямъ) такъ какъ отцы принадлежа къ другому колѣну и живя въ немъ, могутъ оставаться неизвѣстными.

Такимъ образомъ изъ двухъ элементовъ: 1) признанія матернитета (т.е. родства между людьми происходящими отъ одной женщины) и 2) экзогаміи (т.е. запрещенія браковъ между мужчинами и женщинами внутри какой-нибудь одной группы), распространявшейся сначала лишь на единоутробныхъ родичей, а потомъ вообще на всѣхъ родственниковъ по женской линіи (когнатовъ) и сложился постепенно материнскій родъ. Родоначальницей въ немъ была женщина — общая мать, отъ которой произошли всѣ члены группы.

Изъ этого факта нѣкоторые изслѣдователи дѣлали тотъ выводъ, что такая родоначальница была главою рода въ смыслѣ политическомъ, въ смыслѣ власти; поэтому говорили о гинекократіи — господствѣ женщинъ; (при чемъ вспоминались различные древніе миѳы объ амазонкахъ и другія подобныя преданія). Разумѣется такого рода предположеніе въ высшей степени невѣроятно: невозможно предполагать, чтобы власть принадлежала женщинамъ, когда онѣ находились въ полной зависимости, какъ предметъ собственности

Но.

племени. Не видно элементовъ и условій, изъ которыхъ могло бы сложиться такое преобладаніе женщинъ надъ мужчинами, въ эпоху, когда грубая сила значила гораздо больше, чѣмъ когда бы то ни было.

Главою <u>материнской семьи</u> (въ широкомъ смыслѣ <u>семьи-рода</u>) былъ <u>единоутробный братъ матери</u> или ея <u>дядя</u>, братъ ея матери. Ребенокъ, живя вмѣстѣ съ матерью, вскормленный ея грудью и взращенный ея заботами, прежде всего, конечно (реально, конкретно) начинаетъ сознавать связь родственную, кровную съ нею, и не только съ нею, а также съ живущими совмѣстно съ нею въ одномъ жилищѣ ея родственниками, прежде всего <u>братьями</u>, сыновьями одной съ нею женщины, хотя и разныхъ, можетъ быть, и во всякомъ случаѣ неизвѣстныхъ, не живущихъ съ нею, принадлежащихъ къ другой группѣ отцовъ. На нихъ естественно лежала забота о сестрахъ и ихъ дѣтяхъ, содержаніе ихъ, покровительство, защита. Они иногда такъ и назывались <u>кормильцами</u>. Санскритское <u>bhrâtar</u>, русское <u>братъ</u>, происходятъ отъ корня <u>bhr</u>, означающаго — <u>поддерживать</u>, <u>питать</u>. Сожительство съ матерью и ея родственниками до зрѣлаго возраста развивало въ подростающемъ поколѣніи чувство солидарности съ материнской родней, нагляднымъ выраженіемъ котораго, является начало взаимной помощи и поддержки, а позднѣе круговая порука какъ въ самоуправствѣ, такъ и въ платежѣ виръ. Эта солидарность въ свою очередь оказывалась связующимъ цементомъ, благодаря которому нисходящіе и восходящіе когнаты (т.е. родичи по женской линіи), которые составляютъ изъ себя одно цѣлое и въ отношеніяхъ съ сосѣдями выступаютъ какъ одинъ человѣкъ, сообща

Кол.

владѣя имуществомъ, ведя переговоры съ чужеродцами отъ имени всего союза, устанавливая напр. съ общаго согласія военноплѣнныхъ или чужаковъ, или заключая мировую сдѣлку съ другими союзами послѣ кровавой вражды и т. п. Благодаря полной отчужденности отъ отца и агнатовъ (родичей по отцу(x), нисходящія поколѣнія принуждены подчиниться въ интересахъ собственной силы и безопасности руководительству старшихъ членовъ материнской родни, а такимъ долженъ быть кто либо изъ неушедшихъ въ чужой родъ для брачнаго сожительства дядей матери или ея братьевъ; и одинъ изъ нихъ становится *главою рода, старшиной.*

Такова особенность *материнскаго рода* — *женская филіація* и *старшинство брата матери.* Дядя по женской линіи есть несомнѣнно *ближайшій родственникъ*, покровитель и господинъ. Слѣды этого факта мы встрѣчаемъ въ многочисленныхъ особенностяхъ наслѣдственнаго права, напр. въ предпочтеніи сестринаго потомства передъ своимъ въ наслѣдованіи, или въ наслѣдованіи отъ дѣтей сестры и т. д. *Дядя по матери* играетъ роль отца и въ каждой намѣчающейся внутри рода (колѣна) но легко стирающейся тамъ семьѣ.(xx)

(x) У супруга нѣтъ ни родственной связи съ временною женою, ни обязанности содержать и защищать произведенныхъ имъ дѣтей, какъ нѣтъ и постояннаго сожительства (онъ членъ другого такой же группы).

(xx) Обращу еще разъ вниманіе, что *матриархатъ* вполнѣ естественно предшествовалъ *патриархату* въ силу болѣе легкаго опредѣ-

2.– Таково первоначальное, конечно несовершенное и грубое ограниченіе древнѣйшаго безпорядочнаго брачнаго сожительства всѣхъ мужчинъ племени со всѣми женщинами его, при которомъ кровосмѣсительные браки были фактомъ неизвѣстнымъ и невозмущавшимъ нисколько нравственное сознаніе.

Групповые браки и признаніе родственной связи только по матери, есть фактъ очень распространенный у дикарей всевозможныхъ странъ и теперь.

Напримѣръ у малайцевъ семья состоитъ изъ матери и дѣтей, отецъ же не входитъ въ ея составъ. Даже послѣ женитьбы мужъ живетъ въ семьѣ своей матери и заботится о ней, а жена помогаетъ только случайно. Главой рода является старшій братъ матери и онъ несетъ обязанности отца по отношенію къ дѣтямъ сестры. Послѣ его смерти ему наслѣдуетъ старшій изъ мужчинъ материнской вѣтви. За неимѣніемъ взрослыхъ мужчинъ въ семьѣ мѣсто главы занимаетъ мать. Отецъ же только въ томъ случаѣ, дѣлается главой семьи, если у дѣтей недостигшихъ совершеннолѣтія нѣтъ ни матери, ни ея братьевъ. На немъ не лежитъ обязанности содержать жену и дѣтей. Для этого служитъ имущество материнскаго рода, которымъ его члены владѣютъ сообща. По смерти малайца наслѣдованіе имуществомъ переходитъ по женской линіи, сначала къ его братьямъ и сестрамъ, потомъ <u>къ дѣтямъ его сестры</u>, но никогда къ женѣ и ея дѣ-

---

нія реально-физіологической и индивидуальной связи ребенка съ матерью, при отсутствіи прочной связи жены съ ея случайнымъ мужемъ, дѣтей съ неизвѣстнымъ отцомъ.

тямъ. Если отецъ хочетъ сдѣлать даръ въ пользу своихъ дѣтей, то долженъ испросить разрѣшенія своихъ братьевъ и сестеръ.

Другимъ примѣромъ могутъ служить африканскіе Нубійцы. У нихъ при наслѣдованіи престола дается предпочтеніе сыну сестры умершаго царя передъ его собственнымъ сыномъ. Генеалогію свою они ведутъ по женской линіи. Наслѣдство переходитъ къ сыну или дочери сестры въ ущербъ дѣтямъ умершаго. Матріархатъ и вытекающія изъ него учрежденія и нравы служатъ связующимъ элементомъ между отдѣльными колѣнами африканскихъ племенъ. У Байевъ и Бареевъ семья также основана на принципѣ материнства и наслѣдованіе проводится тѣмъ же порядкомъ какъ у Нубійцевъ. Обязанность кровной мести у нихъ также налагается въ зависимости отъ материнскаго родства не на сына, а на племянника со стороны сестры.

Но такого рода данныя, взятыя изъ современной этнографіи, получаютъ серьезное значеніе для исторіи только въ томъ случаѣ, если при свѣтѣ ихъ удается открыть у писателей древности указанія на аналогичныя формы брачныхъ отношеній и семейнаго строя у различныхъ современныхъ имъ народовъ. Дѣйствительно оказывается, что извѣстія древнихъ часто совпадаютъ съ только что описанными фактами (x)

Такъ Геродотъ говоритъ, что у Ликійцевъ существовалъ обычай носить имена матерей. Это извѣстіе подтверждается Бахофенъ. очень важнымъ указаніемъ, что въ ликійскихъ надписяхъ встрѣча-

(x) М. М. Ковалевскій приводитъ ихъ очень много и въ русскомъ и въ французскомъ своихъ сочиненіяхъ

ются только <u>имена матерей</u>, а не отцовъ. <u>Полибій</u> свидетельствуетъ, что такой же обычай существовалъ и въ другихъ странахъ, напр. онъ говоритъ, что въ Локрахъ признавалось лишь родство по женской линіи. <u>Этоляне</u> особенно почитали сестеръ, по разсказу того же автора. Финикіяне также, разсказываетъ другой писатель, называли себя только по материнству, а не по отчеству. Что касается <u>Египтянъ</u>, то показанія относительно ихъ противорѣчивы, но все же можно предполагать благодаря нѣкоторымъ даннымъ, (напр. на іероглифическихъ надписяхъ, обозначались часто только имена матерей), что и въ долинѣ Нила матріархатъ предшествовалъ патріархату. Что касается до групповыхъ браковъ (также характернаго признака материнскаго рода), то существованіе его у древнихъ народовъ было въ очень отдаленную эпоху весьма обстоятельно доказано Макъ-Леннаномъ на основаніи текстовъ классическихъ авторовъ.

Приведенные факты (немногіе изъ множества показываютъ, что <u>матріархатъ</u> и <u>экзогамія</u>, были отличительными особенностями семейнаго строя въ различныхъ племенахъ, съ которыми соприкасались древніе писатели, въ отдаленнѣйшую эпоху ихъ исторіи.

Особенно интересно было бы для подтвержденія теоріи, отыскать племя древность которого съ одной стороны несомнѣнна, и въ современной жизни котораго съ другой находились бы ясные слѣды первобытныхъ формъ брачныхъ отношеній при существованіи уже въ настоящее время индивидуальной семьи. <u>М. М. Ковалевскій</u> обращаетъ вни-

линіе въ этомъ отношеніи на <u>современныя племена горнаго Кавказа</u>(x) Загороженные судьбою въ дикія и недоступныя горныя долины **Пшавы**, Сванеты, Осетины и др. племена (о которыхъ упоминаютъ еще древніе писатели) въ продолженіи долгихъ вѣковъ были ограждены отъ всякаго чужеземнаго вліянія и сохранили многочисленные остатки первобытной культуры.

Воспользуемся у него нѣсколькими фактами(xx) У жителей горнаго Кавказа существуетъ еще до сихъ поръ, запрещеніе какихъ бы то ни было сношеній новобрачной съ отцомъ и братьями мужа, ч она не имѣетъ права явиться съ открытымъ лицомъ въ ихъ присутствіи, ни говорить съ ними до тѣхъ поръ, обыкновенно, пока не родится у нея сына. Въ этомъ запрещеніи видимъ слѣды недавно исчезнувшаго только общенія женъ между всѣми членами группы, доказательство очень недавняго развитія тамъ индивидуальныхъ брачныхъ отношеній. Запрещеніе какихъ бы то ни было отношеній между женою и родственниками ея мужа должно какъ бы обезпечивать новый обычай и неприкосновенность женщины. Но въ случаѣ смерти мужа <u>старый обычай возобновляется: вдова должна вый-</u>

(x) Ему принадлежатъ два обширныя очень интересныя сочиненія, посвященныя разработкѣ разсматриваемаго нами теперь вопроса именно на основаніи изученія матеріала, даваемаго современною этнографіею Кавказа. (но въ свѣтѣ сравнительнаго метода) 1) <u>Современный обычай и древній законъ</u> (М. 1886. 2т.) и 2) <u>Древній законъ и обычай на Кавказѣ.</u> (М. 1892 г. 2т.)

(xx) Беру ихъ изъ его послѣдней французской книги.

ти за его старшаго брата; въ случаѣ отказа съ ея стороны семья мужа требуетъ вознагражденія. Эти обычаи встрѣчаются у большей части кавказскихъ племенъ, а также у Киргизовъ уральскихъ степей, и служатъ остатками распространенной въ древнія времена групповой экзогаміи. Мужчины группы женились на женщинахъ другихъ группъ, но пользовались ими какъ женами коммунально. Теперь безпорядочное одновременное сожительство исчезло, но права родичей на женщину проявляются послѣ смерти мужа по извѣстному старшинству. На существованіе первоначальнаго матріархата у обитателей горнаго Кавказа указываетъ то обстоятельство, что кровавая месть и теперь принадлежитъ во многихъ мѣстахъ материнской роднѣ, а также и обычай Черноморскихъ Черкесовъ, по которому сынъ не имѣетъ права публично признавать своего отца.

Кромѣ того, можно и теперь встрѣтить еще болѣе яркіе примѣры экзогаміи или запрещеніе мужчинамъ и женщинамъ одной и той же группы вступать въ бракъ между собой, соединенную съ очень явными слѣдами обмѣна женъ, которыхъ мужчины группы находили въ другихъ группахъ у современныхъ, самыхъ дикихъ изъ всѣхъ кавказскихъ племенъ напр. у <u>Хевсуровъ</u>. Какъ и большая часть кавказскихъ горцевъ Хевсуры раздѣляются на роды или кланы, которые соединяются между собой материнскимъ родствомъ, и практикуютъ между собою экзогамію, т. е. женятся только на дѣвушкахъ не принадлежащихъ къ клану. То же самое происходитъ у красноконскихъ, напр. Киргизовъ и пр.

Семейныя отношенія Хевсуровъ имѣютъ теперь характеръ индивидуальнаго единоженства. Но слѣды господствовавшаго раньше общенія женъ проявляется у нихъ въ дозволенномъ и распространенномъ обычаѣ, по которому дѣвушки до извѣстнаго возраста вступаютъ въ непостоянныя брачныя отношенія со многими мужчинами другого клана и только потомъ уже заключаютъ правильный бракъ, который обязываетъ ихъ супружеской вѣрностью. Въ этомъ обычаѣ, который повторяется и у нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ племенъ выражается какъ бы дань, которую дѣвушки отдаютъ племени, въ видѣ такъ сказать выкупа за индивидуальное брачное присвоеніе ихъ однимъ мужчиною: послѣ свадьбы женщина принадлежитъ мужу, но до нея ею какъ бы пользуется вся группа. Кромѣ того у Хевсуровъ братъ матери пользуется преимуществомъ въ опекѣ надъ имуществомъ малолѣтнихъ племянниковъ со стороны сестры предпочтительно передъ отцомъ.

Всѣ приведенные, и многочисленные другіе однородные факты — групповые браки, экзогамія, материнское родство, проявляющіеся какъ переживаніе далекаго прошлаго въ племенахъ уже живущихъ теперь въ патріархальномъ бытѣ, все это въ суммѣ подтверждаетъ высказанное выше общее положеніе и позволяетъ сказать: *Въ начальныхъ періодахъ человѣческаго общежитія семья не была индивидуальною парою, какъ теперь, она состояла изъ цѣлой группы лицъ, носящихъ то же имя, происходящихъ отъ той же женщины*

заключающихъ бракъ съ женщиною другой группы (по принципу экзогаміи) и пользующихся женами сообща. Такова первичная древнѣйшая форма семейной организаціи, которая получила въ наукѣ названіе матріархата.(x)

---

3. Такова теорія происхожденія семьи и ея первоначальной формы, построенная наукою помощью данныхъ сравнительной этнологіи, сопоставленныхъ съ данными изъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей. Она выросла изъ трудовъ Бахофена, Макъ-Леннана, Моргана, Лёббока, Спенсера и др.

Сторонники старой теоріи, выставляющіе тезисъ объ исконности патріархата, особенно Мэнъ, впрочемъ не сдавались, и возражали, что указанныя особенности суть уклоненія отъ развитія, являющіяся признаками неспособности къ культурѣ народовъ, оставшихся дикими. Главные носители исторической культуры - Арійцы и Семиты, всегда будто бы были чужды такого рода формъ быта, грубыхъ и безпорядочныхъ. Факты, приводимые Бахофеномъ объ остаткахъ матріархальной семьи у народовъ классическихъ, говорили они, взяты изъ миѳологіи, изъ преданій, которыя неизвѣстно гдѣ и какъ произошли, и поэтому данныя и выводы извлекаемые изъ нихъ непрочны. И самыя

(x) Не въ смыслѣ материнскаго главенства, а въ смыслѣ материнства, какъ источника родственной связи.

формъ матріархата у дикихъ Мэнъ старается объяснить не нормальнымъ ходомъ культуры, а какими-нибудь случайными причинами воспрепятствовавшими правильному развитію.

Для окончательнаго обоснованія теоріи необходимо было отыскать достаточное количество характерныхъ фактовъ переживанія матріархата и вообще первоначальныхъ формъ брачно-семейной организаціи въ исторіи и правѣ семитскихъ и арійскихъ народовъ.

Изслѣдованіе дѣйствительно и направилось въ эту сторону. Сторонники новыхъ теорій нашли и вызвали изъ забвенія не мало такихъ фактовъ. Такого рода изслѣдованія принадлежатъ очень выдающимся ученымъ-филологамъ и юристамъ — Смитъ-Робертсону, Вилькену, Колеру (Kohler), Даргуну и др. (x)

Приведу нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ существованіе до-патріархальныхъ формъ родового быта — у семитскихъ и арійскихъ племенъ, и доказывающихъ сравнительно позднее появленіе патріархата въ процессѣ эволюціи семьи. Матріархатъ, мы видимъ, является слѣдствіемъ извѣстной свободы, непо-

(x) Привожу для спеціально интересующихся вопросомъ заглавія нѣкоторыхъ изъ трудовъ названныхъ ученыхъ. Робертсонъ-Смитъ занимался вопросомъ о формахъ брака и ихъ развитіи у Арабовъ. Robertson Smith, Kinship and marriage in early Arabia (Cambridge, 1885), также и голландскій ученый Вилькенъ — G. A. Wilken, Het Matriarchaat bij de oude Arabieren (80-ые года); Даргунъ работалъ надъ тѣми же вопросами по германскому матеріалу: Dargun, Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Rechte (Также 80-ые года). Колеру (Kohler) принадлежитъ нѣсколько спеці-

стоянства, и безпорядочности половыхъ отношеній, которыя не давали возможность опредѣленія патернитета: такъ что гдѣ онъ преобладалъ въ древнія времена, онъ оставилъ по себѣ слѣды въ видѣ извѣстныхъ формъ общенія женъ.

Такъ Страбонъ разсказываетъ, что у <u>Арабовъ</u> существовалъ обычай поліандріи, т.е. нѣсколько мужчинъ (родственниковъ или нѣтъ) пользовались одной женщиной какъ женой. Когда кто-нибудь изъ нихъ приходилъ къ ней въ домъ, онъ оставляетъ у входа свой посохъ, какъ знакъ временнаго присвоенія брачнаго права, и его не нарушаютъ другіе. Этотъ обычай не исчезъ и во время Магомета, что видно изъ существовавшаго въ его время обыкновенія (называвшагося <u>mota</u>), по которому допускались ни къ чему необязывающіе, мимолетныя брачныя отношенія мужчинъ съ женщинами, которыхъ они покупали, а потомъ перепродавали или за деньги уступали на время другимъ. Арабы вообще признавали только естественную связь матери съ ребенкомъ, доказательствомъ чего служитъ существованіе такихъ словъ, какъ напримѣръ „<u>Batn</u>" соотвѣтствующее латинскому „<u>gens</u>" и означающее „<u>чрево</u>". Стало быть у нихъ

альныхъ работъ въ той же области, напр. <u>Indisches Ehe und Familienrecht</u> (въ III т. журнала, который сейчасъ будетъ названъ) Кромѣ того подъ его главною редакціею въ Берлинѣ издается спеціальный журналъ сравнительнаго правовѣдѣнія и сравнительной этнологіи, очень солидный, разнообразный, признающій и разрабатывающій новыя теоріи <u>Zeitschrift für die vergleichende Rechtswissenschaft</u>. Журн. является органомъ изслѣдованія подобнаго рода вопросовъ и въ немъ собираются всѣ новыя данныя и выводы.

родъ-чрево, а такъ можетъ быть названъ лишь материнскій родъ. Далье, чтобы назвать лицъ одной крови, они употребляли выраженіе sabawahferut, что означаетъ единоутробные. Члены одной семьи назывались „senatotaan" - т. е. „людьми пившими одно молоко". Еще характерная подробность: женское имя весьма часто служило у Арабовъ наименованіемъ цълаго племени. Изъ законодательныхъ памятниковъ видно, что ребенокъ наслъдуетъ соціальное положеніе матери, а не отца, что должно было бы быть, если бы власть отца признавалась сначала. Такъ сынъ матери рабыни и свободнаго отца признавался рабомъ и наоборотъ, если мать была свободна, то сынъ считался свободнымъ, хотя и былъ бы рожденъ отъ раба. Еще подтвержденіемъ древняго существованія матріархата у Арабовъ служитъ то обстоятельство, что Арабы, чрезвычайно противящіеся бракамъ между родичами, находя, что отъ нихъ происходитъ слабое потомство, не запрещаютъ женщинъ вступать въ союзъ съ ея дядей съ отцовской стороны. Стало быть они не считаютъ его родственникомъ: это несомнънное переживаніе стараго господства женской филіаціи.

Переходя къ Евреямъ, надо сказать, что въ ихъ древнемъ обществъ, которое считается такимъ отличнымъ образчикомъ полнаго развитія патріархальнаго быта, несомнънно существовали еще раньше матріархальныя формы рода. Изъ книги Бытія и другихъ отдъловъ Ветхаго Завъта можно вычитать цълый рядъ мелкихъ фактовъ, свидътельствующихъ о предпочтеніи родни по женской линіи.

Наслъдство раздълялось лишь между единоут-

родными братьями. Родичи по матери являются преимущественными союзниками и покровителями. Въ книгѣ Судей (VIII, 19) читаемъ, что кровная месть лежитъ на обязанности единоутробныхъ родичей (x)

Многочисленные слѣды матріархата встрѣчаются у Кельтовъ Уэльса и Ирландіи. Въ Ирландіи права матери на своихъ дѣтей признавались раньше, чѣмъ права отцовъ. Въ старомъ сводѣ ирландскихъ обычаевъ (Le livre d'Aicill), находимъ указаніе, что право опредѣленія происхожденія ребенка принадлежитъ матери. Когда рождался въ семьѣ сынъ, мужъ обращался къ женѣ съ вопросомъ: „Отъ кого онъ у тебя"? Если женщина отвѣчала: „онъ твой", отецъ пріобрѣталъ право власти надъ ребенкомъ и то только въ томъ случаѣ, если мужъ заплатитъ предварительно родственникамъ жены выкупныя деньги за невѣсту. Въ противномъ случаѣ отецъ долженъ былъ выкупить ребенка, иначе онъ оставался въ кланѣ матери. Въ различныхъ другихъ Кельтскихъ сборникахъ законовъ и обычаевъ есть множество свидѣтельствъ тѣсной связи, которая соединяла ребенка съ матерью и ея родичами. Имуществомъ управляли именно родственники съ материнской стороны. Они же обладали правомъ мести и обязанностью платить виру, они же должны были являться въ судъ для защиты обвиняемаго родича по женской линіи и такъ далѣе.

Изъ области древности быта Германцевъ

(x) Не останавливаюсь на перечисленіи другихъ фактовъ. Многіе изъ нихъ приведены у Ковалевскаго, у Жиро-Телона и вообще въ сочиненіяхъ, посвященныхъ вопросу.

мы имѣемъ множество фактовъ, совершенно аналогичныхъ только что разсказаннымъ. Не буду ихъ передавать. Укажу только на интересное по своей древности указаніе Тацита, который говоритъ, что Германцы считали узы, которыя связываютъ человѣка съ братомъ его матери столь же священными, какъ и связь его съ отцомъ. Это очень характерный и ясно отличенный фактъ. Слѣды матріархата въ древне-германскомъ эпосѣ въ Нибелунгахъ и Исландскихъ сагахъ подтверждаютъ текстъ Тацита. Франкскія хроники временъ Меровинговъ, повторяющимися въ нихъ разсказами о болѣе жестокой мести за дядю по матери, чѣмъ за отца, доказываютъ долгое господство слѣдовъ существованія материнскаго рода у Германцевъ. Для женщины въ германскомъ народномъ эпосѣ самымъ постыднымъ считается вступить въ бракъ съ убійцей единоутробнаго брата. У различныхъ германскихъ племенъ дядя съ материнской стороны часто фигурировалъ въ качествѣ опекуна или управителя имуществомъ. Онъ занимался воспитаніемъ своихъ племянниковъ и племянницъ. Племянники часто носили его имя. Салическая правда отдаетъ иногда въ постановленіяхъ о наслѣдствѣ предпочтеніе материнскому родству: послѣ смерти бездѣтнаго человѣка наслѣдницей считается его мать, сестра или тетка, но не упоминается ни о его отцѣ, ни о дядѣ. Въ случаѣ убійства замужней женщины высота виры за нее опредѣляется по положенію ея брата, а не мужа и т. д. и т. д.

Слѣды такого же порядка вещей встрѣчаются и у Славянъ. Приведенныя выше свидѣтельства нашей лѣтописи о различныхъ племенахъ русскихъ славянъ и Козьмы Пражскаго о Чехахъ случаяхъ

Сл.

тому примѣромъ. Брачныя отношенія были и тамъ мимолетны, господствовало обмѣненіе женъ и родства по отцу установиться не могло, такъ что главою рода считался братъ матери. Славяне высоко ставили близость родства между братьями и сестрами. Въ „Русской Правдѣ" древнѣйшей редакціи, сказано, что месть за родича лежитъ между прочимъ, на сынѣ сестры и только въ болѣе поздней редакціи сынъ сестры замѣненъ сыномъ брата. У древнихъ Сербовъ клялись „именемъ сестры", какъ мы видимъ изъ пѣсенъ. Человѣкъ, не имѣющій сестры, принужденъ клясться своимъ оружіемъ и горько жалуется въ одной пѣснѣ, что онъ лишенъ самаго дорогого блага-счастья имѣть сестру.

Переходя наконецъ къ классической древности мы находимъ и въ историческихъ источникахъ касающихся Грековъ и Римлянъ довольно ясные слѣды матріархата.

Греки прежде всего сохранили въ своемъ героическомъ эпосѣ, въ своихъ знаменитыхъ трагедіяхъ и въ повѣствованіяхъ лѣтописцевъ очень многочисленныя воспоминанія объ общественныхъ порядкахъ, рѣзко расходящихся съ основами патріархальнаго строя, но вполнѣ вяжущіяся съ предположеніемъ о существованіи у нихъ когда то первобытнаго матріархата. Такъ по древне-греческому преданію, сохранившемуся у римскаго писателя энциклопедиста, Варрона, Кекропсъ (сказочный основатель Аѳинъ) первый запретилъ дѣтямъ носить имя матери, какъ предписывалъ древній обычай, процвѣтавшій также (по утвержденію Страбона) у Беотянъ. О такомъ же обычаѣ Плутархъ упоминаетъ, говоря о Критянахъ, а Павзаній передаетъ, что

Иль.

нѣкоторыя греческія племена называли свое отечество „Ара-ною матери" Въ пѣсняхъ Гомера родство материнское считается гораздо важнѣе родства по отцу. Величайшая бѣда, которая можетъ поразить человѣка, говорится въ Иліадѣ, есть потеря единоутробнаго брата. Въ трагедіи Эсхила „Орестъ", эринніи предполагаютъ, что связь сына съ матерью священнѣе, чѣмъ съ отцомъ. Но Аполлонъ, принимая сторону Ореста, провозглашаетъ, какъ бы впервые, новую теорію объ отцѣ, какъ единственномъ родителѣ ребенка. Это какъ бы слѣдъ борьбы между материнскимъ принципомъ родства и патернитетомъ, который въ концѣ концовъ восторжествовалъ. — Но, можетъ быть, ничто такъ прочно не доказываетъ, что греки ближе всего ставили родство по матери, какъ то постановленіе аѳинскаго законодательства, по которому запрещались безусловно, какъ кровосмѣсительные, браки между братьями и сестрами отъ одной матери, тогда какъ это не запрещалось сыну и дочери отъ одного отца, но разныхъ матерей, законъ разрѣшалъ стать мужемъ и женою.

У Римлянъ, также какъ у Индусовъ меньше всего сохранилось признаковъ исконнаго существованія матріархата, но и у нихъ все таки мы встрѣчаемся съ фактами подтверждающими эту теорію, привожу примѣръ, касающійся Римлянъ: юрисконсультъ Папиніанъ говоритъ, что цари первые утвердили родительскую власть, т. е. патріархатъ, раньше же, по всей вѣроятности, въ Лаціумѣ была власть материнская (х)

(х) Весь имѣющійся матеріалъ такого рода, относящійся

Тѣм

Всѣ приведенные факты, которые лишь были подобраны мною изъ массы другихъ, однородныхъ, твердо доказываютъ существованіе очень грубыхъ до патріархальныхъ формъ семейныхъ отношеній въ первобытныя времена образованія человѣческихъ обществъ, семитическихъ и арійскихъ племенъ совершенно также, какъ и другихъ (краснокожихъ, негрскихъ, австралійскихъ). Ихъ законодательства и народныя преданія вскрываютъ множество слѣдовъ этихъ исчезнувшихъ типовъ первобытной семьи. Такъ что есть много данныхъ предполагать, что изученныя нами до-патріархальныя формы брака и возникающія изъ нихъ родовыя отношенія, основанныя на кровной связи по матери составляютъ необходимую фазу первобытной соціальной эволюціи въ человѣчествѣ.

Теперь намъ остаётся разсмотрѣть причины разложенія первоначальныхъ формъ семьи и рода и условія образованія патріархальнаго строя.

---

c) Разложеніе матріархата и происхожденіе патріархата.

1.) Домашняя эволюція отдѣляетъ первобытную семью не только отъ нашей, въ которой главною основою является брачное общеніе двухъ особей (мужчины и женщины), соединяющихся навсегда во имя склонности, для рожденія и воспитанія дѣтей

къ Римлянамъ, сгруппированы въ выше названной книгѣ В. В. Ефимова, Очерки по исторіи древне-римскаго родства.

Кы.

и для раздѣленія всей жизни, (consortium omnis vitae, какъ прекрасно говорили еще римскіе юрисконсульты), но также и отъ древне-патріархальной, опиравшейся на manus, (т.е. опеку мужа надъ женой) и patria potestas (т.е. власть отца надъ дѣтьми).

Прослѣдить эту эволюцію въ подробности невозможно вслѣдствіе того, что многое еще неизслѣдовано въ ея процессѣ, а также и потому, что изученіе ея представляетъ много трудностей и разъясненіе связанныхъ съ вопросомъ сложныхъ пунктовъ въ фактическомъ и методологическомъ отношеніи потребовало бы слишкомъ много времени. Я укажу лишь нѣкоторыя явленія, которыя могутъ нѣсколько выяснить переходъ отъ безпорядочныхъ семейныхъ отношеній и выросшаго изъ нихъ матріархата къ патріархату.

Прежде чѣмъ могли образоваться два только что названныхъ элемента патріархата 1) опека надъ женой и 2) власть надъ дѣтьми - для упорядоченія семейныхъ отношеній необходимо было установленіе болѣе продолжительной постоянной и прочной связи между вступающими въ бракъ мужчиною и женщиною.

Это происходило прежде всего путемъ съуженія сферы общенія женъ. Женщина первоначально составляла предметъ собственности племени, которая и выражалось въ томъ, что каждый мужчина могъ пользоваться каждой женщиной какъ женой. Эта форма постепенно исчезла уже въ силу того, что она недопускала ни физическаго, ни общественнаго и нравственнаго прогресса расы, племени,

соціальной группы. Должно было произойти антропологическое приспособленіе къ болѣе нормальнымъ условіямъ размноженія, и соціальная выработка болѣе прочныхъ общественныхъ связей. Можно прослѣдить нѣкоторые пути этого исчезновенія.

Во первыхъ принадлежность каждой женщины всѣмъ мужчинамъ была стѣснена извѣстнымъ періодомъ жизни женщины: лишь молодыя дѣвушки продолжали жить въ такихъ безпорядочныхъ формахъ брачныхъ отношеній; по достиженіи опредѣленнаго возраста онѣ должны были вступить въ болѣе правильный бракъ и обязывались сохраненіемъ супружескаго цѣломудрія. Во вторыхъ - въ другомъ направленіи та же принадлежность женщины всѣмъ мужчинамъ была ограничена извѣстными случаями. Такъ безпорядочное сожительство приняло формы обрядовой, религіозной проституціи: дѣвушки должны были отдаваться въ храмахъ жрецамъ или кому попало, но одинъ разъ въ видѣ выкупа въ пользу племени за полученіе права вступать въ индивидуальныя брачныя отношенія. Или право на брачное общеніе со всѣми женщинами сохранялось лишь за вождями въ случаѣ вступленія дѣвушекъ въ бракъ. Такъ возникли различныя формы такъ называемаго Jus primae noctis, обычая, игравшаго роль и въ средніе вѣка. Наконецъ въ третьихъ еще (какъ мы видѣли), постепенно ограничивались группы лицъ, внутри которыхъ господствовало безпорядочное общеніе между полами. Образовались групповые экзогамическіе браки съ последующимъ дробленіемъ родственныхъ группъ (кро-

ки и Кумитъ) Далѣе въ предѣлахъ такихъ группъ происходило съуженіе круга лицъ, въ средѣ которыхъ дѣйствовало прежнее начало общенія между полами.

1) Такъ развивалась съ одной стороны поліандрія (многомужество), состоящая въ томъ, что одна женщина сначала являлась женою не всѣхъ, а лишь нѣсколькихъ мужчинъ (изъ другого обыкновенно колѣна). Это было присвоеніе женщины болѣе тѣсною группою внутри экзогамическаго колѣна, причемъ первоначально отдѣльные мужья могли вступать въ брачныя отношенія иногда и съ другими женщинами, потомъ это обыкновеніе уничтожилось. Такого рода брачныя отношенія сохраняются надолго, (если не на всю жизнь), но филіація все же естественно остается женскою. Позднѣе, такое пользованіе, какъ женою, одною женщиною ограничивается группою близкихъ родственниковъ, членовъ одной материнской семьи, внутри одного материнскаго рода. Наконецъ только братья имѣютъ одновременно одну жену. Еще позднѣе развивается левиратъ - т. е. обычай, по которому послѣ смерти старшаго брата, вдова дѣлается по праву женою старшаго за умершимъ своего девера и т. д. (x) Такъ постепенно съуживается и регулируется поліандрія.

Съ другой стороны появилась полигинія (многоженство) - присвоеніе однимъ мужчиною

(x) Очень любопытный примѣръ Левирата, который даетъ возможность прослѣдить, какъ онъ развился, представляетъ извѣстный Библейскій разсказъ о Руѳи. Онъ разобранъ у Ковалевскаго см. Семья, страница 62 и слѣдующія.

нѣсколькихъ женщинъ для цѣлей брака (x)

Обѣ указанныя формы — многомужество и многоженство развивались параллельно съ развитіемъ собственности, вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ въ отдѣльныхъ рукахъ богатства, необходимаго для содержанія индивидуальной семьи. Въ число объектовъ частной собственности входитъ женщина. При этомъ болѣе богатые, которые могли содержать нѣсколько женъ, жили въ полигиніи, а бѣдные соединялись, чтобы содержать одну жену. Такія, болѣе правильныя и постоянныя формы семейнаго сожительства, развивавшіяся вмѣстѣ съ развитіемъ частной собственности на женщину и на имущество, которое давало возможность ее содержать, поддерживались и укрѣплялись необходимостью сотрудничества и взаимной индивидуальной помощи группъ при защитѣ собственности: семья дѣлаетъ жизнь индивидуума безопаснѣе.

Собственность развивается первоначально путемъ __насилія__, __грабежа__, насильственнаго присвоенія предметовъ потребленія. Рядомъ съ этимъ и своеобразная форма индивидуальныхъ браковъ возникаетъ вслѣдствіе __похищенія женщины__ (raptus). Относительно этой формы бра-

(x) Нужно замѣтить, что обѣ эти формы — __полигинія__ (многоженство) и __поліандрія__ (многомужество) являются __полигамическими__ (многобрачными) и индивидуальнаго брака не составляютъ. Родство при нихъ господства продолжаетъ считаться по матери, — въ случаѣ поліандріи, неизбѣжно, въ случаѣ полигиніи, гдѣ отецъ опредѣлимъ, т. к. онъ одинъ — въ первое время

ка сохранилась масса слѣдовъ въ преданіяхъ и обрядахъ всевозможныхъ народовъ.(x) И тутъ похищеніе женщинъ могло повести къ различнымъ видамъ семьи: 1) къ моногаміи (одноженству и одномужеству), если одинъ человѣкъ захватившій женщину имѣетъ средства ея содержать и достаточную силу, чтобы отстоять личную монополію на похищенную женщину противъ притязаній племени; 2) Но результатомъ похищенія могъ также оказаться поліандрическій бракъ, если похититель долженъ былъ или вслѣдствіе бѣдности, или слабости раздѣлить захваченную жену съ родичами, группою, племенемъ. 3) Такимъ же путемъ могли образовываться и полигамическія семьи (многоженство при одномужествѣ), когда богатые члены племени или сильные (вожди) похищали многихъ женщинъ и держали ихъ въ своей частной собственности, такъ какъ могли ихъ содержать и отбивать отъ чужихъ посягательствъ.

Еще позднѣе, при болѣе смягчившихся нравахъ право собственности пріобрѣтается кромѣ насильственныхъ способовъ еще и посредствомъ обмѣна; однимъ изъ видовъ такого обмѣна является и пріобрѣтеніе отдѣльными лицами женъ куплею (римск. coemptio). Объ этомъ источникѣ индивидуальнаго брака также сохранились безчисленные слѣды въ народной поэзіи (женихъ – „купецъ" въ русскихъ пѣсняхъ) и въ древнемъ правѣ различныхъ народовъ.

(x) Наименованіе жениха „злымъ ворогомъ" въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ и множество соотвѣтствующихъ ему картинъ заключеній браковъ насиліемъ есть одинъ изъ такихъ слѣдовъ индивидуальнаго присвоенія женщины похищеніемъ

Сл.

Указанные только что способы присвоенія женщины и названныя формы семьи дѣлали брачныя отношенія болѣе или менѣе прочными, по крайней мѣрѣ для женщины, которая съ трудомъ уже отдѣлялась отъ захватившаго или купившаго ее мужчины. (Это принудительная индивидуализація женщины какъ жены съ рабскимъ или подчиненнымъ положеніемъ послѣдней. Эти формы вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе совершенны: Левиратъ есть уже индивидуальная семья, полигинія (многоженство при одномужествѣ) приближается уже къ патріархату. Такъ постепенно прогрессируютъ семейныя отношенія.

Въ особенности пріобрѣтеніе жены куплею (выкупомъ у ея родственниковъ) является источникомъ постоянныхъ семейныхъ отношеній. Но особенную прочность получаетъ образовавшаяся такимъ образомъ семья, когда союзъ мужа, жены и происходящихъ отъ нихъ дѣтей становится подъ покровительство домашнихъ боговъ, когда возникаетъ обрядъ „вѣнчанія", т.е. религіозная брачная церемонія. У Римлянъ она называлась „conferreatio"(x). Такого рода религіозное освященіе брака, которое придаетъ ему характеръ признаннаго и нерасторжимаго союза есть послѣдняя ступень въ эволюціи семьи. Этимъ первоначальная концепція отношеній между мужчиною и женщиною кореннымъ образомъ перерождается. Съ другой стороны появляется новое исходное начало — мужчина вмѣсто прежняго — женщины; какъ основной признакъ родства или филіаціи выростаетъ въ родѣ на-

(x) Она состояла въ томъ, что брачущіеся подѣляли между собою обрядовое яство, съѣдали вмѣстѣ жертвенную лепешку.

вая власть, вмѣсто дяди (брата матери) отецъ. (x)

Какъ въ подробности происходила такая эволюція сказать нелегко. Процессъ шелъ очень постепенно, пути его были различны, переживались разнообразныя переходныя формы. Одною изъ важныхъ причинъ разложенія материнскаго рода было чрезмѣрное размноженіе его. Экономическая невозможность продолжать жить вмѣстѣ при прежнихъ средствахъ питанія повлекла за собою распаденіе большаго цѣлаго на части иногда очень мелкія, которыя разбредались въ разныя стороны искать жизненныхъ средствъ (xx)

Матріархальная большая родовая единица такимъ образомъ раскалывается. Группы и даже семьи (пары), выдѣлившіяся изъ нее и разбросавшіяся по далекимъ мѣстамъ, теряютъ со временемъ со-

(x) Древнее римское право говорило: „Pater est quem nuptiae demonstrant" (Отцомъ является тотъ, на котораго указываетъ брачный обрядъ) Дѣйствительно только съ установленіемъ индивидуальной связи между женщиною и мужчиною въ видѣ брака на всю жизнь могъ выработаться вполнѣ патернитетъ, какъ система родства и патріархатъ, какъ отеческая власть.

(xx) „... Звѣроловы и скотоводы въ большей части случаевъ, говоритъ Ковалевскій (Tableau p. 44) эти люди не могли оставаться вмѣстѣ послѣ того, какъ истреблена была дичь въ окружныхъ лѣсахъ и пастбища окончательно истощены. Голодъ заставлялъ ихъ разселиться." Библейскій разсказъ о разлученіи Авраама съ Лотомъ, когда стада ихъ размножились, и имъ нельзя было питаться на прежнихъ общихъ пастбищахъ, и когда каждый пошелъ съ доставшеюся долею имущества, женами, дѣтьми и слугами въ разныя стороны, служитъ примѣромъ такого рода явленій. Подобнаго же рода факты имѣютъ мѣсто въ племенномъ быту современныхъ краснокожихъ Индѣйцевъ

знаніе общности происхожденія. Прежняя родня по матери, теперь далекая, не будетъ уже больше покровительствовать отдѣлившимся женщинамъ и ихъ потомству. Ея единственнымъ защитникомъ и кормильцемъ дѣлается ея сожитель супругъ, отдѣлившійся съ нею и вмѣстѣ съ нею добывающій пропитаніе. Такъ опредѣляется значеніе и развивается преобладаніе мужа; онъ пріобрѣтаетъ право опеки надъ женой, и тутъ же появляются новыя отношенія къ ея дѣтямъ, онъ признаетъ ихъ своими и принимаетъ на себя заботу объ ихъ воспитаніи, а вмѣстѣ съ этимъ получаетъ надъ ними власть: Дѣти начинаютъ подчиняться отцу, какъ прежде они подчинялись дядѣ, брату матери.

Эти измѣненія происходили, говорю, очень медленно и долгое время вмѣстѣ съ новыми порядками сохранялись въ видѣ переживаній многія черты изъ прежнихъ. Мы видѣли напримѣръ, что Германцы, временъ Тацита, признавали власть отца, въ то же время почитали какъ отцовъ дядей съ материнской стороны. Очень медленно развивается новый принципъ семейнаго начала и новая система родства по отцу.

Долгое время такимъ образомъ <u>филіація материнская и отческая</u> существуютъ. Дѣти колеблются между родомъ отца и родомъ матери. Власть мужа надъ женою и отца надъ дѣтьми, то утверждается, то разрывается. Для первобытнаго человѣка идея признать родственную связь ребенка съ отцомъ долго представлялась дѣломъ необычайнымъ. Чтобы ребенокъ былъ

Кузд.

признанъ сыномъ отца, долго требовалось физическое сходство между ними. Такое условіе признанія сохраняется у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ и до сихъ поръ. Нужны были физіологическіе, осязаемые признаки кровной связи. Такъ возникли различнаго рода символическія дѣйствія, которыя должны были наглядно опредѣлить тѣлесную родовую связь ребенка съ отцомъ. Къ числу такихъ дѣйствій принадлежитъ оригинальный обрядъ „симулированія родовъ", воспроизведеніе отцомъ физическаго акта рожденія. Страбонъ разсказываетъ о существованіи такого обычая у Испанскихъ Иберовъ. Онъ сохранился въ видѣ обряда, потерявшаго смыслъ, у нынѣшнихъ ихъ потомковъ <u>Басковъ</u>: это такъ называемое „<u>couvade</u>". Женщина немедленно послѣ родовъ встаетъ съ постели и совершаетъ обычныя домашнія работы, а на ея мѣсто ложится отецъ и символически стонами и движеніями воспроизводитъ какъ бы муки рожденія. Потомъ ему приносятъ ребенка, онъ беретъ его, и оставаясь въ постели, какъ родильница, онъ принимаетъ поздравленія отъ родственниковъ и знакомыхъ. Такими символическими дѣйствіями отецъ доказываетъ во очію что онъ признаетъ дѣйствительно происходящимъ отъ него ребенка.

Такъ долго, сложно и медленно идетъ развитіе и перерожденіе семейнаго организма. Но <u>когда наконецъ отеческая и супружеская власть утвердилась, патріархатъ замѣнилъ матріархатъ.</u>

Намъ невозможно разбирать всѣ **гипотезы**, которыя высказаны были для объясненія этого перехода (x) Достаточно констатировать фактъ, что

(x) Кромѣ выше-названныхъ сочиненій <u>Фюстеля де Куланжа</u> и

Тейл.

такая фраза (перерожденіе матріархальной семьи въ патріархальную) оказалась необходимою и повсемѣстною въ эволюціи кровныхъ отношеній и возникшаго изъ нихъ государства и въ частности совершилась въ извѣстный моментъ у Арійскихъ народовъ Азіи и Европы. Мы теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ патріархальнаго (родового) строя для выясненія тѣхъ чертъ соціальнаго быта Кельтовъ, которыя невѣрно изображены Цезаремъ.

Не надо себѣ представлять, что коль скоро установилась болѣе или менѣе прочная связь между супругами и отеческая (агнатическая) филіація, — уже образовалась индивидуальная семья, т.е. группа изъ отца, матери и дѣтей изъ которыхъ послѣдніе расходятся съ родителями, коль скоро выросли и образуютъ новыя семьи. Напротивъ патріархальная семья (родъ) есть обширная группа лицъ происходящихъ отъ одного отца, родоначальника и подчиняющихся общему господину (патріарху), живущихъ вмѣстѣ и связанныхъ общими экономическими интересами и общимъ культомъ. Между ними мы находимъ не только родственниковъ, но и пришлые элементы - усыновленныхъ чужаковъ и зависимыхъ людей.

Если остановимся на примѣрѣ германскаго права, которое первое сдѣлалось предметомъ спеціальнаго изученія, то увидимъ слѣдующее: „Семья древняя

къ этому очень важную для характеристики и анализа патріархата книгу. Leist. Altarisches jus gentium (Древнеарійское родовое право) Jena, 1889.

нихъ Германцевъ не есть союзъ людей связанныхъ исключительно узами брака и единствомъ крови, но общину людей, живущихъ подъ одною крышею (Hausgenossenschaft) За членовъ ея надо считать, не только свободныхъ, но и зависимыхъ въ какой либо степени отъ главы союза людей (рабовъ и вольноотпущенниковъ). Такимъ образомъ семья это группа лицъ, живущихъ вмѣстѣ и признающихъ власть (munt) одного родоначальника"(x). Такая картина легко выводится изъ словъ Цезаря, когда онъ говоритъ, что Германцы распадаются на consanguinitates hominum qui una coierunt, т.е. родовыя группы людей, сожительствующія вмѣстѣ. Тацитъ также упоминаетъ „propinquitates" — союзы родственниковъ, раздѣляющихъ общую жизнь. Тотъ же смыслъ имѣетъ терминъ „confraternitates" — (братства), который употребляютъ постоянно законы Аламанновъ, Бургундовъ, Лангобардовъ, чтобы обозначить членовъ одной и той же фамильной общины. Такія общины сохранились въ теченіи всего средневѣковаго періода. Слѣды ихъ долго существовали и въ Швейцаріи и въ Германіи (Дитмаршенъ), гдѣ онѣ извѣстны подъ именемъ „Frunds"; недавно открыты многочисленные остатки во Франціи — въ Овернѣ („Parçonneries") и въ Испанской Галиціи („Companias da Galicia") Онѣ часто очень многочисленны по составу. Въ славянскомъ мірѣ такія же общины были распространены очень широко въ древности, какъ видно изъ старыхъ сводовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ и теперь остаются живымъ явленіемъ. Рус-

(x) См. Heusler. Die Institutionen des Deutschen Recht, VII, Das Familienrecht.

скіе и Поляки, Сербы и Чехи практиковали „семейно-общинные обычаи" въ формахъ извѣстныхъ у южныхъ славянъ подъ именемъ „<u>верви</u>". Это слово въ смыслѣ наименованія родовой общины попало въ одномъ далматскомъ сборникѣ законовъ, а также въ Ярославову Правду. И теперь у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ напримѣръ въ Австріи, на Балканскомъ полуостровѣ существуютъ патріархально-общинныя группы подъ именемъ „братствъ" или „задругъ" (дружества). Такихъ обширныхъ, фамильныхъ (патріархальныхъ общинъ („человѣческихъ ульевъ") очень много находится и теперь въ другихъ разныхъ странахъ, населенныхъ арійскими и не арійскими народами, между прочимъ у Русскихъ.(x).

Аналогичные, общинные союзы встрѣчаемъ мы у Кельтовъ Ирландіи въ средніе вѣка (-). Азіатскіе арійцы – Индусы и Персы – даютъ въ своихъ древнихъ источникахъ (Ригъ-Ведѣ и Авестѣ) подобные же образцы соціальнаго строя. Отыскивается нѣчто подобное и у древнихъ Грековъ. Новѣйшія изслѣдованія организаціи древней семьи у Римлянъ подтверждаютъ теорію. Царинъ и Моммсенъ указываютъ, что римляне во <u>времена царей и въ началѣ республики сохранили</u>

(x) <u>М.М. Ковалевскій</u> (Tableau p. 63 et suiv.) даетъ любопытное краткое описаніе этихъ большихъ родовыхъ союзовъ, соединяющихъ вмѣстѣ одними экономическими интересами и одною домашнею властью, не только близкихъ, но и дальнихъ родственниковъ и принятыхъ инородцевъ. Тоже отмѣчаетъ слѣды такой формы быта, находимые въ Россіи (сельскихъ общинъ, которыя являются вмѣстѣ и родовыми.

(-) Данныя собраны и искусно анализированы у <u>Мэна</u> въ его <u>Очеркахъ по Исторіи древнихъ учрежденій</u>.

слѣдъ фамильной общины, составленной изъ членовъ живущихъ въ одномъ жилищѣ и имѣющихъ общіе интересы и права. Отецъ, мать, дѣти обоего пола, правнуки и правнучки образовывали тогда въ Италіи группу „свояковъ" (sui). Всѣ эти факты рисуютъ картину, очень отличную отъ современной индивидуальной семьи. Ходъ развитія семьи у Римлянъ подчиняется общему закону: матріархатъ переходитъ въ патріархатъ и только очень нескоро изъ этого послѣдняго образуется индивидуальная семья, которой образецъ очень развитой въ правовомъ отношеніи Римляне дали первые.

Сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго. „Патріархальная семья, вторая крупная стадія соціальной эволюціи первобытныхъ обществъ, — облекается въ форму общины людей, связанныхъ между собою происхожденіемъ отъ одного отца, живущихъ подъ одною кровлею и совмѣстно пользующихся общимъ достояніемъ."

Важными сторонами жизни такой семейной соціальной группы являются культъ домашнихъ боговъ и общинное землевладѣніе.

Возникновеніе культа домашнихъ боговъ укрѣпило семейную связь, такъ какъ этотъ культъ возникъ изъ вѣры въ загробную жизнь, поклоненія умершимъ предкамъ, которые являются покровителями живущихъ вмѣстѣ у одного домашняго очага и почитающихъ ихъ родичей потомковъ. Эта домашняя религія укрѣпляетъ и значеніе отца. Ему передалъ умирающій предокъ священную традицію рода: Отецъ одинъ знаетъ правила

Культа; онъ одинъ посредникъ между домашними богами и людьми, онъ одинъ вѣдаетъ семейное право и въ силу этого государь владыка жены и дѣтей, но они не рабы, а рядомъ съ нимъ составляютъ семейный совѣтъ.(x)

Патріархатъ не ведетъ съ самаго начала къ моногаміи, но онъ способствуетъ ея утвержденію; сначала многоженство возможно было въ узкихъ рамкахъ у однихъ богатыхъ, да и вообще изъ многихъ женъ одного мужа скоро выдвигалась одна главная — руководительница дома, первая участница въ домашнемъ Культѣ, мать его старшихъ дѣтей — госпожа, государыня.(xx) Вторыя жены скоро спускаются до положенія наложницъ — неравноправныхъ членовъ семьи и ихъ дѣти перестаютъ признаваться законными. Моногамія постепенно становится господствующей, жена дѣлается подругой мужа, между ними устанавливается consortium omnis vitae, т.е. раздѣленіе всей жизни. На это прекрасно указываетъ намъ формула, произносившаяся у Римлянъ при свадебномъ обрядѣ конфарреаціи (совмѣстное вкушеніе новобрачными жертвенной лепешки испеченной на мужниномъ очагѣ) „Si tu Gaius, ego Gaia т.е. гдѣ (или что) ты Гай, тамъ (или то) и я Гая, (это символическія имена, тожество ихъ означаетъ общность жизни.

Я не имѣю возможности подробно гово-

(x) Сущность, значеніе и развитіе семейнаго режима (культа предковъ) превосходно выяснены въ знаменитомъ сочиненіи Фюстель де Куланжа „La cité antique".

(xx) Жена въ патріархальномъ родѣ отнюдь не рабыня.

рить ни о развитии отеческой власти, ни о подробностяхъ семейнаго культа и выработки новой системы родственныхъ отношеній, основанныхъ на правильномъ супружествѣ. Я только намѣчаю ходъ (x)

Такимъ образомъ въ бытовомъ общеніи семьи съ отцомъ во главѣ и матерью рядомъ съ нимъ около домашняго очага, общеніи во всемъ жизненномъ строѣ, выражающемся духовно въ культѣ предковъ (это могучая сила объединяющая патріархальный родъ и придающая значеніе прежде всего отцу-родоначальнику и матери-его подругѣ) политически - въ подчиненіи жены и дѣтей этому отцу - заключается <u>первая основа патріархальнаго рода</u>. <u>Другая сила</u> объединяющая патріархальный родъ - есть <u>общеніе въ недвижимой собственности и ея продуктахъ</u> (*) Въ первоначальныхъ общинахъ все добывается, производится сообща и сообща всѣми владѣется потребляется; сбереженія полезныхъ продуктовъ въ видѣ запасовъ первоначально не существуетъ, излишекъ истребляется или выбрасывает-

(x) Подробности можно найти у Ковалевскаго въ названныхъ различныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ родовому праву.

(*) Вопросъ о происхожденіи собственности очень интересовалъ мыслителей разныхъ странъ и народовъ издавна и въ юридической и философской литературѣ начиная съ древнѣйшихъ временъ (съ великихъ философовъ древности и до послѣднихъ высказывались различныя теоріи о возникновеніи этого первостепеннаго важнаго института. Одни считали собственность божественнымъ установленіемъ (<u>теологическая теорія</u>). Другіе выводили ее изъ факта первоначальнаго занятія (jus primi occupantis) или же <u>насильственнаго захвата</u> и присвоенія объекта богатства наиболѣе могущественными группами. Третьи утверждали, что принципомъ свя-

тым.

ся. Бродячій образъ жизни, отсутствіе постоянныхъ жилищъ, слабыя средства защиты имущества — порождаютъ такое хищническое хозяйство, и жизнь первобытныхъ человѣческихъ группъ отличалась въ силу этого страшною бѣдностью и чрезвычайно медленнымъ экономическимъ прогрессомъ. Лишь мало по малу и очень медленно возникаетъ накопленіе цѣнностей отдѣльными группами или людьми и зародыши частной собственности. Отдѣльныя лица (члены группы-орды, племени) начинаютъ индивидуальными усиліями пріобрѣтать для себя предметы необходимаго потребленія, (т. е. сначала преимущественно движимость). Изъ индивидуальнаго труда проистекаетъ собственность, частное присвоеніе, но не сразу; присвоитель пользуется присвоеннымъ лишь въ размѣрѣ, удовлетворяющемъ немедленныя потребности, излишекъ уступается группѣ — клану, племени. Впослѣдствіи предметы, присвоенные индивидуальнымъ личнымъ трудомъ, прочнѣе закрѣпляются за производителемъ или пріобрѣтателемъ при помощи извѣстнаго символическаго дѣйствія, признаваемаго всею <u>группою за обязательные, у нѣкоторыхъ племенъ</u> связующимъ человѣка, или группу какъ собственника, съ предметами богатства, является <u>трудъ</u>, который человѣкъ или группа истратили на производство предмета. Не говоря уже о томъ, что первыя гипотезы должны быть отброшены наукою, какъ не историческія, надо сказать и о слѣдующихъ, что они недостаточны: въ исторіи все гораздо сложнѣе, чѣмъ предполагаютъ такія апріорныя предположенія, различныя причины, при весьма разнообразныхъ ихъ комбинаціяхъ могли явиться источниками происхожденія и развитія института собственности.

это называется „табу" - это какъ бы печать личности на вещи). Такимъ образомъ появляется уже настоящая частная собственность. Первыми объектами ея были предметы продовольствія, оружіе, украшенія и вообще одежда, женщины, похищаемыя у соседнихъ племенъ, скотъ (они делались собственностью личности или семейства), орудія труда и домашняя утварь. Наоборотъ жилище-домъ оставались собственностью всего племени. Такимъ образомъ, мало по малу развилось право собственности иногда лица, а иногда семьи на движимости.

По мѣрѣ того, какъ общественныя группы первобытныхъ людей переходили отъ охотничьяго быта къ пастушескому и земледѣльческому.

Къ тому времени какъ устанавливается патріархатъ, въ общемъ владѣніи большой родовой группы остается лишь земля и отчасти жилище; такъ что патріархальная семья (родъ) есть вмѣстѣ съ тѣмъ земельная община: „Коллективное землевладѣніе, говоритъ М. М. Ковалевскій (x) („Le régime de la copropriété"), которое характеризуетъ патріархальную (семейную общину повсюду, гдѣ она еще существуетъ теперь, отыскивается и въ историческихъ памятникахъ предшествовавшихъ періодовъ. Возвращаясь къ древнѣйшимъ временамъ господства патріархальнаго быта Кельтовъ, славянъ и Германцевъ, а также и Индусовъ мы находимъ въ исторіи ихъ явные слѣды переживанія такого общиннаго, когда то господствовавшаго строя.

(x) Kovalevsky - Tableau p. 90.

Таит.

Фактъ первоначальнаго господства общинной собственности на землю, какъ необходимая фаза аграрной эволюціи въ быту всѣхъ культурныхъ народовъ, еще не давно мало извѣстный, теперь установленъ; его уже теперь не будетъ отрицать никакой безпристрастный ученый достаточно широко знакомый съ богатымъ матеріаломъ собраннымъ этнологіею и изученнымъ сравнительною исторіею права. Въ одной изъ слѣдующихъ частей моего курса, именно когда я буду излагать общественный строй первобытной Германіи, мнѣ можно будетъ разобрать вопросъ о первоначальныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія болѣе обстоятельно и фактически (x). Теперь я стремлюсь лишь установить чередованіе фактовъ.

(x) Для ознакомленія съ данными, на которыхъ обосновывается гипотеза объ общинномъ землевладѣніи, какъ первобытной формѣ земельнаго строя у весьма различныхъ народовъ указываю книгу широко сводящаго характера бельгійскаго ученаго E. de Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives (4e éd. P. 1891). Много данныхъ объ общинномъ землевладѣніи у дикарей и мало культурныхъ народовъ можно найти въ сочиненіи Н. И. Зибера, Очерки первобытной экономической культуры. См. также кн. М. М. Ковалевскаго. Общинное землевладѣніе. Причины, ходъ и послѣдствія его разложенія (М. 1877.). Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи имѣетъ специальный интересъ для русскаго изслѣдователя въ виду сохраненія его въ современномъ крестьянствѣ значительной части Россіи. Подробная литература сочиненій о земельной общинѣ русскихъ и отчасти иностранныхъ можно найти въ Сборникѣ матеріаловъ для

Из.

2.— Мало по малу начинаетъ разлагаться и патріархальная община. Вслѣдствіе того же размноженія, которое было одною изъ силъ, разбившихъ матеріатскій родъ, трудно было большой группѣ держаться вмѣстѣ, на началахъ подчиненія крѣпкой родовой единоличной власти отца. Интересы раздѣлялись; духъ индивидуальной свободы („индивидуализма“) возставалъ противъ подчиненія деспотизму отчей власти („коллективизма“). Сначала происходили частные раздѣлы: мелкія группы или семьи выдѣлялись, чтобы начать самостоятельную жизнь (обезпечить индивидуальную свободу. Наконецъ совершился общій раздѣлъ. Родъ - патріархальная семья - распался на индивидуальныя семьи, которыя сохранили между собою лишь экономическую связь. Родовую общину, основанную на единствѣ крови) замѣнила сельская (основанная на общемъ владѣніи извѣстною территоріею), часто очень обширная. Движимость и усадьбы оказались собственностью отдѣльныхъ семействъ (многочисленныхъ, состоящихъ часто изъ отца и женатыхъ сыновей съ ихъ дѣтьми). Пахатное поле подчинено было на правахъ пользованія подъ изученія сельской поземельной общины (Изданіе Вольнаго Экономическаго и Географическаго Обществъ подъ ред.: Ф.Л. Барыкова, А.А. Половцева и П.А. Соколовскаго) т. I (1880).

Однимъ изъ немногихъ послѣднихъ сильныхъ, хотя и одностороннихъ противниковъ теоріи общиннаго землевладѣнія до смерти оставался Фюстель-де-Куланжъ. См. обширную чрезвычайно интересную критическую и методологическую статью его. *Les origines de la propriété foncière*. (Revue des questions historiques. t. XLV, 1889) вошедшую въ посмертный сборникъ его изслѣдованій. *Questions historiques.*

вравненія правомъ собственности (общины) между отдѣль-
ными семействами приблизительно по ровну. Лѣса, лу-
га и выгоны оставались въ общинномъ владѣніи. Власть
принадлежала по прежнему родоначальнику (старшему)
который, впрочемъ, часто долженъ былъ уже опредѣ-
ляться выборомъ, и сельскому или общинному сходу
иногда съ преобладаніемъ послѣдняго. Въ случаяхъ уве-
личенія числа семействъ, вслѣдствіе естественнаго
размноженія, или принятія чужаковъ извнѣ - рас-
чищались новые участки изъ пустующихъ земель,
потомъ, когда таковые стали истощаться, совер-
шались передѣлы сначала отъ времени до времени,
послѣ долгихъ промежутковъ, потомъ періодичес-
ки, такимъ образомъ сохранялось приблизительно
равенство правъ отдѣльныхъ индивидуумовъ
сельской общины на владѣніе или пользованіе об-
щей землею. Такимъ путемъ вмѣсто прежняго
начала - _Кровнаго родства_, группу людей, соединих-
ся въ общину объединяетъ новое начало _коллектив-
ное владѣніе общею территоріею_. Но общественн-
ная власть слагалась въ прежнихъ родовыхъ фор-
махъ. Сельская община могла расширяться пу-
темъ адопціи чужихъ семействъ и путемъ сою-
зовъ съ сосѣдними общинами (такіе союзы между
родовыми группами могли совершаться і рань-
ше при господствѣ чисто патріархальнаго строя).
Такъ появляется новая общественная связь - _со-
сѣдство_, _общность экономическихъ_ и _политичес-
кихъ интересовъ_, сотрудничество въ производствѣ
и взаимной защитѣ. Но организація остается
прежняя, какъ бы родовая, которая возникаетъ

и примѣняется помощью такъ называемой родовой фикціи т. е. какъ бы предположеніемъ существованія кровнаго родства, установки родовой традиціи между людьми, семействами, группами, не имѣющими на самомъ дѣлѣ общихъ предковъ.

Въ дальнѣйшіе періоды процессъ разложенія постепенно распространяется на общинную собственность и на фиктивно-родовыя формы, и племя какъ совокупность общинныхъ союзовъ мало по малу вступаетъ въ болѣе сложныя фазы государственнаго развитія.

Я лишь въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ пыталася набросать только общій очеркъ послѣднихъ (послѣматріархальныхъ) ступеней развитія формъ семейно родового общежитія, воздерживаясь отъ иллюстраціи общихъ положеній фактами. Патріархатъ - форма болѣе или менѣе извѣстная, Она, вѣроятно, знакома и вамъ, слушавшимъ курсъ древней исторіи и должно быть, читавшимъ „Гражданскую общину античнаго міра". Кромѣ того желающія могутъ прочесть краткое, но очень интересное и цѣльное изображеніе развитія и разложенія патріархата и связаннаго съ нимъ землевладѣнія въ послѣднихъ главахъ французской книги М. М. Ковалевскаго (*)

Несомнѣнно въ моемъ заключительномъ очеркѣ многое по необходимости срѣзано, многіе оттѣнки скрашены, многое упрощено съ цѣлью представить общее теченіе дѣла. Въ дѣйствительности

(*) См. Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, leçons 6-15.

тельности все было разнообразнѣе, сложнѣе и менѣе правильно. Это надо всегда помнить. Я остановился довольно долго на первыхъ ступеняхъ общежитія человѣческихъ группъ, чтобы показать, какъ медленно шелъ процессъ соціальнаго развитія и насколько отличны были исходные пункты, первоначальныя формы, простѣйшія единицы его отъ соціальныхъ ячеекъ, являющихся теперь элементами, изъ которыхъ образуются реальные общественно-политическіе союзы. Зная въ общихъ чертахъ нѣкоторые типы такихъ союзовъ въ первобытныя времена мы можемъ представлять себѣ и общую картину соціальнаго быта Кельтовъ. Исходя изъ представленій и выводовъ, даваемыхъ сравнительною этнологіею и первобытнымъ правомъ и изучая факты переживанія древнѣйшихъ формъ быта въ позднѣйшихъ сводахъ юридическихъ обычаевъ Кельтовъ мы будемъ въ состояніи освѣтить этими данными и правильно понять раньше служившія насъ извѣстія Цезаря

Я не буду говорить спеціально о семейно-родовомъ бытѣ Кельтовъ: ходъ развитія и основныя фазы его повторялись и чередовались также какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, и намъ незачѣмъ спеціально разсматривать сохранившіеся обломки древняго развитія, изучая историческіе памятники одного народа, когда уже попытались набросать общую картину изъ сравненія данныхъ, взятыхъ изъ прошлаго различныхъ. Я только скажу, что Кельты времени Цезаря пережили уже матріархальныя формы

Вла-

родоваго общежитія, хотя они оставили множество слѣдовъ въ нихъ правахъ, бытѣ и нравахъ. Патріархальный строй ихъ также не сохранялся уже въ то время въ чистомъ видѣ, а принималъ уже различныя искусственныя формы (x) Въ свѣтѣ общихъ представленій, даваемыхъ наукою первобытнаго права постараемся вкратцѣ объяснить земельный и соціальный строй древнихъ Кельтовъ.

V.

7б.

Очеркъ соціально-политическаго быта Кельтовъ. (xx)

1.– Послѣ сдѣланнаго общаго обозрѣнія развитія первыхъ ступеней общежитія и права первобытныхъ народовъ у насъ облегчается возможность правильно истолковать многія неясности въ извѣстіяхъ Цезаря о Галлахъ раз-

(xx) Указываю главнѣйшую литературу о Кельтахъ, приводя лишь общія сочиненія. Краткіе очерки кельтскаго общественнаго строя, религіи и быта можно найти въ руководствахъ посвященныхъ исторіи культуры или ~~учр~~ учрежденій феодальной Франціи, напр.

(x) Слѣды древнѣйшихъ формъ семьи и рода и вообще семейное устройство Кельтовъ подробно изучены въ кн. русскаго ученаго г. Сокольскаго. Къ ученію объ организаціи семьи у Кельтовъ и Германцевъ. (1881) М. Н. Ковалевскій съ большою похвалою говоритъ объ этомъ сочиненіи. (Родъ стр. 121.)

сматривая ихъ такъ сказать, на фонѣ первобытнаго права, а съ другой стороны пользуясь разнообразными аналогіями и переживаніями въ строѣ жизни и юридическихъ памятникахъ Кельтовъ, жившихъ въ другихъ странахъ. Дѣйствительно благодаря открытымъ и изданнымъ сводамъ юридическихъ обычаевъ Кельтовъ Ирландіи, мы можемъ провести надежную параллель между политическимъ и соціальнымъ строемъ этихъ двухъ вѣтвей одной и той же расы — Ирландскихъ Кельтовъ, оставившихъ указываемые памятники и Галловъ Цезаря. Тексты, о которыхъ я говорю, — это: Законы Брегоновъ древней Кельто-ирландской корпораціи судей, унаслѣдовавшихъ свою правовую функцію отъ друидовъ, кельтскихъ жрецовъ. Они не очень давно открыты и изданы въ Англіи на Кельтскомъ языкѣ съ англійскимъ переводомъ, помѣщеннымъ „en regard" (подъ заглавіемъ - Hiberniae leges et institutiones antiquae

---

у: 1) Rambaud, Histoire de la civilisation française (t. I 1885; очень хорошее краткое обозрѣніе средневѣковой французской цивилизаціи); — 2) P. Viollet. Histoire des institutions politiques de la France (t. I 1890); 3) E. Glasson, Histoire du droit et des institutions de la France (t. I 1887). 4) Также у Fustel de Coulanges. La Gaule Romaine (I. т. его Institutions). Кромѣ того можно указать работы, спеціально посвященныя Кельтскому періоду. 1) L. de Valroger, Les Celtes, la Gaule celtique (1879); 2) Lemière, Etude sur les Celtes et les Gaulois (P. 1881), обширная работа сводящаго характера. Полезно обращаться для повѣствовательной исторіи Кельтскаго періода и къ старому, прекрасно написанному сочиненію Amédée Thierry, Histoire des Gaulois, которое уже раньше было названо. Общій обзоръ исторіи Кельтовъ и ихъ строя можно найти въ обширныхъ сочиненіяхъ по Исторіи Франціи напр. у Мишле и особенно у Мартена. Спеціально для изученія общественнаго строя Кельтовъ очень важны работы Мэна: 1) Древнее право (для общей

Кул.

or ancient laws and institutes of Ireland. Doublin 1866, 1869, 73 3 vols)
Законы Брегоновъ обратили на себя вниманіе ученыхъ и сдѣлались предметомъ тщательнаго изученія въ особенности со стороны знаменитаго англійскаго историка и юриста Мэна. Онъ изложилъ результаты своихъ работъ преимущественно въ книгѣ „Очерки изъ исторіи первобытныхъ учрежденій“. Другіе кельтологи также изучали законы Брегоновъ. Одна изъ лучшихъ работъ въ этой области принадлежитъ французскому изслѣдователю d'Arbois de Jubainville, который спеціально изучилъ одинъ изъ сборниковъ законовъ Брегоновъ, извѣстный подъ названіемъ „Senchus môr“(x). Другой важный сборникъ изъ той же коллекціи законовъ Брегоновъ носитъ названіе книги Айцилла, на него также постоянно ссылаются изслѣдователи.

постановки вопроса (№ 2) Древній законъ и обычай (обѣ книги переведены на русск. яз; но особенно переведенная на фр. яз: Etudes sur l'histoire des institutions primitives (исторія первобытныхъ учрежденій

Подробная библіографія вопроса приведена въ только что названныхъ книгахъ Viollet и Glasson. Надо пользоваться еще соотвѣтствующими статьями въ превосходномъ фр. энциклопедическомъ словарѣ - Grande Encyclopédie (подъ словами Celtes, Druides и т.д.) Изданіе это еще не окончено.

На русскомъ языкѣ существуетъ обстоятельная, хотя и устарѣвшая книга А. Георгіевскаго, Галлія въ эпоху Юлія Цезаря (М. 1865); она полезна тѣмъ, что въ ней собрано много данныхъ изъ древнихъ сказаній.

(x) См. его кн. Etudes sur le droit celtique, составившуюся изъ ряда статей, которыя печатались въ юридическомъ журналѣ - Nouvelle revue historique de droit français et étranger (за 1880-81 г.)

Мэна.

Жюбенвилль утверждает, что Сенхус-Мор один изъ лучшихъ источниковъ изученія кельтскаго права есть сборникъ обычаевъ, происхожденіе котораго относится къ V в., а записанъ онъ былъ позднѣе, около 800го года. Доказательства, приводимыя имъ солидныя и убѣдительныя; они основаны на глубокомъ изученіи языка сборника, на сравненіи его съ другими кельтскими памятниками, и даже съ кельтскою поэзіею. Онъ говоритъ между прочимъ, что объясненіе нѣкоторыхъ словъ и терминовъ, встрѣчающихся въ Senchus-mór, можно найти въ старыхъ кельтскихъ словаряхъ-глоссахъ, относящихся къ 900мъ годамъ и составленныхъ какъ руководства для пониманія древняго, уже забывавшагося языка. Стало быть этотъ памятникъ очень древняго происхожденія и почерпаемыя оттуда свѣдѣнія носятъ слѣды подлинности и свѣжести, т. е. въ нихъ могутъ быть найдены подъ верхними позднѣйшими наслоеніями живые остатки архаическаго права. Къ сожалѣнію только языкъ памятниковъ Ирландіи очень теменъ, и переводъ невездѣ точенъ; но во всякомъ случаѣ изученіе ихъ выясняетъ много темныхъ пунктовъ въ извѣстіяхъ древнихъ о Кельтахъ Галліи (x)

Самыя формы общественнаго строя въ значительной степени объясняются экономическимъ бытомъ и господствующими занятіями. Кельты въ Европѣ несомнѣнно были народомъ земледѣльческимъ и характеромъ ихъ земельнаго строя объяс-

(x) Въ дальнѣйшихъ строкахъ я пользуюсь главнымъ образомъ Мэномъ, преимущественно данными, изложенными въ 6ой главѣ его книги о Древнихъ учрежденіяхъ. Ев.

—лечется многое и въ вопросъ о классахъ общества и о государственныхъ учрежденіяхъ.

Изъ изученія законовъ Брегоновъ дѣлается яснымъ, что у Кельтовъ Ирландіи и Валлиса долго господствовала форма <u>общиннаго</u> землевладѣнія, что еще въ IX и въ X вѣкахъ они не выработали вполнѣ начала личной собственности на землю. Общинное землевладѣніе, нужно думать, составляетъ отличительную черту кельтскаго быта, и если мы не встрѣчаемъ объ этомъ ясныхъ упоминаній относительно Кельтовъ Галліи, то это потому, что подъ вліяніемъ римской цивилизаціи форма эта исчезла тамъ гораздо раньше чѣмъ на Британскихъ островахъ; но она должна была существовать во время Цезаря. Мы видимъ, что уже въ этой формѣ землевладѣнія является коренное различіе кельтскаго быта съ формами быта классическихъ народовъ — Грековъ и Римлянъ. Постараемся свести въ одну картину главнѣйшія черты земельнаго и вытекающаго изъ него сословнаго быта Кельтовъ временъ Цезаря по даннымъ Ирландскихъ юридическихъ обычаевъ, сопоставленными со словами Цезаря. Этотъ замѣчательный ученый усвоилъ принципъ Маурера. Я уже указывалъ, что сравнительное изученіе первобытнаго права доказало, что общинное землевладѣніе является формою экономическаго строя, исконнаго и общаго у всѣхъ народовъ Арійской семьи, а также и другихъ племенъ, и что она медленно разлагаясь исчезла только съ теченіемъ вѣковъ, замѣняемое индивидуальнымъ правомъ собственности на землю. Это очень важное положеніе и его можно считать

доказаннымъ, хотя и раздаются еще изрѣдка голоса протестующие противъ этого вывода, но во всякомъ случаѣ никакой безпристрастный изслѣдователь не станетъ теперь утверждать, что общинное землевладѣние внутри арійскихъ народовъ, есть черта исключительно свойственная славянскому племени, какъ еще не такъ давно думали многие.

Въ то время, какъ возникали законы бреговъ, форма общиннаго землевладѣния начинала уже разлагаться. Прямой, личной собственности еще не было, но совершенъ уже былъ раздѣлъ общей территории племени на отдѣльные куски, которые и отданы были въ постоянное владѣние и пользование отдѣльнымъ частямъ племени, большимъ сельскимъ родовымъ общинамъ. Но внутри этихъ обширныхъ группъ, доказываетъ Мэнъ, какъ видно по множеству данныхъ извлекаемыхъ изъ Сенаусъ Мора, большая часть земель подчинялась правиламъ и обычаямъ, стоявшимъ въ тѣсной связи съ принципомъ общиннаго землевладѣния. Укажу для примѣра на извѣстный Ирландский обычай, Гавелькиндъ. Онъ состоитъ въ томъ, что когда умиралъ который-нибудь изъ участвовавшихъ во владѣнии землею, членъ рода, участокъ его не передавался въ наслѣдство его сыновьямъ, какъ произошло бы при развитии частной собственности, а возвращался въ родъ, причемъ производился передѣлъ всѣхъ земель рода и участки различныхъ семей, составлявшихъ родъ, которые являлись единицами пользовавшимися надѣлами, увеличивались приразками въ размѣрѣ прихо-

дящагося на нихъ пропорціонально права на надѣлъ умершаго совладѣльца

Мэнъ представляетъ намъ богатую содержаніемъ картину Ирландскаго кельтскаго общества по законамъ Брегоновъ. Онъ придерживается патріархальной теоріи, т.е. предполагаетъ не только что исходною точкою всякаго первобытнаго общества является принципъ кровнаго родства, но также думаетъ, что семья съ отеческою фамиліею является прототипомъ общества и на ясномъ представленіи единства происхожденія отъ одного еще живого или недавно умершаго лица, образъ котораго ярко запечатлѣлся въ памяти всѣхъ, основывается существованіе первой формы общественнаго быта, быта родового, патріархальнаго. Съ теченіемъ времени образъ общаго прародителя блѣднѣетъ и стушевывается и для поддержанія союза основаннаго на родственныхъ связяхъ, требуется уже родовая фикція, требуется установленіе вымышленнаго родоначальника, какимъ и является, напримѣръ въ греческихъ общинахъ герой эпонимъ филы и управляетъ родомъ уже избранный родовладыка. Но и эта фиктивная родовая связь мало по малу ослабѣваетъ, забывается, теряетъ ясность, вслѣдствіе ли того, что въ родъ вторгаются различные пришлые элементы, не имѣющіе съ членами рода ничего общаго въ происхожденіи, или, можетъ быть, вслѣдствіе какихъ либо другихъ обстоятельствъ, - и центръ тяжести организаціи общества съ принципа общности происхожденія переносится на принципъ общ-

частнотерриторіи. Земля дѣлается связующимъ звеномъ отдѣльныхъ членовъ общины между собою. Я уже указывалъ выше въ какой связи эта форма быта находится съ предшествовавшими. Манъ не признаетъ допатріархальныхъ типовъ общежитія, основанныхъ также на родствѣ, но только на материнскомъ. Мы не будемъ раздѣлять этого его воззрѣнія; но для Кельтовъ Ирландіи и для Кельтовъ Цезаря теорія Мэна удовлетворительна - эти народы въ европейскій періодъ ихъ исторіи несомнѣнно уже находились на такой ступени развитія, перешедъ уже самыя первоначальныя фазы.

Законы Брегоновъ, по мнѣнію Мэна, доказываютъ, что въ Ирландскомъ обществѣ даже во время ихъ сложенія еще не вполнѣ утратились формы родового быта, но главная общественная связь уже заключалась въ общинномъ владѣніи землею, которое продолжало существовать, хотя и разлагаясь, довольно долго и исчезло лишь къ XII му вѣку, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ католическаго духовенства, воспитаннаго на традиціяхъ римскаго частнаго права и проводившаго ихъ въ странахъ, гдѣ оно утверждало свое вліяніе. Такимъ образомъ, какъ это ясно доказываютъ памятники, въ странѣ одноплеменной съ Галліей, держалась гораздо дольше чѣмъ въ этой послѣдней, форма общиннаго землевладѣнія, хотя уже видно въ ней нѣкоторое стремленіе перейти къ формѣ частной собственности. Родъ (sept), хотя члены его и сохраняютъ еще убѣжденіе въ происхожденіи отъ одного родоначальника, рас=

Влас.

падается на самостоятельныя семьи, съ особыми земельными надѣлами, и нѣкоторыя семьи стремятся удержать за собой эти участки навсегда, отдѣлившись отъ Гавелькинда, а высшая единица, — sept, — сохраняетъ свои права по большей части только въ теоріи. Если мы вернемся теперь къ Галліи Цезаря, то можемъ въ силу общеарійской аналогіи представить себѣ и тамъ существованіе общиннаго землевладѣнія, хотя Цезарь, который подробно говоритъ о землевладѣніи въ Германіи, ни единымъ словомъ не намекаетъ на этотъ вопросъ, говоря о Галліи.

Какъ же мы въ виду этого вывода объяснимъ себѣ преобладаніе всадниковъ? Господство капитала?

Мы несомнѣнно должны дать этимъ „римскимъ" терминамъ „кельтское" значеніе. Цезарь употребилъ ихъ, такъ какъ не имѣлъ другихъ въ своемъ юридическомъ словарѣ. Такъ дѣлали часто римскіе писатели. Описывая варварскій бытъ, они, чтобы быть понятными, переводятъ его на римскія понятія часто очень неудачно. Мы не будемъ въ данномъ случаѣ представлять „всадниковъ" отдѣльно отъ „плебеевъ", какъ римскихъ; мы должны соединить ихъ въ своемъ представленіи, видѣть ихъ живущими вмѣстѣ, въ одной племенной группѣ, родѣ, племени, коленѣ, причемъ при такомъ объясненіи эти всадники отождествятся, какъ сейчасъ увидимъ со <u>старшинами</u> племенныхъ группъ, мѣстными <u>князьками</u>. Опираясь на такое объясненіе Цезаревскаго слова - <u>всадники</u>, мы мо-

тимъ понять и ихъ соціальное преобладаніе въ кельтскомъ обществѣ, о которомъ говоритъ Цезарь, хотя толкованіе этого преобладанія будетъ иное.

Упоминанія о такихъ главаряхъ племенныхъ союзовъ, болѣе или менѣе обширныхъ — клановъ (tribus) съ остатками родового быта (задруги) встрѣчаются часто въ законахъ брегоновъ и изъ текстовъ ихъ можно представить себѣ ихъ положеніе. Когда племя вступало во владѣніе извѣстною территоріею, оно оставалось верховнымъ собственникомъ занятой области. Но пахатная земля распредѣлялась между членами родового союза, между главами семей, лугами же пастбищами и выгонами владѣли обыкновенно всѣ сообща. Во главѣ племени стоялъ избранный родоначальникъ, хотя не всегда старшій но все таки связанный съ ними узами родства реальными или фиктивными. Онъ получалъ всегда большій участокъ земли. Кромѣ розданныхъ отдѣльнымъ членамъ рода пахатныхъ участковъ, кромѣ общинныхъ луговъ и выгоновъ, такъ какъ занятая территорія бывала слишкомъ велика, чтобы наличное число рукъ могло всю ее обработать, или даже чтобы всѣ члены союза могли пользоваться ею какимъ бы то ни было образомъ, оставалось много невоздѣлываемыхъ пространствъ — лѣсовъ, пустырей, дѣвственныхъ нетронутыхъ земель, которыя находились подъ общимъ завѣдываніемъ или надзоромъ старшинъ, родовладыкъ. Такимъ образомъ одни изъ тавъ высшей единицы племенного союза

sept'а получалъ право распоряжаться оставленною имъ сельско-хозяйственной эксплуатаціи обширною территоріею. Въ этомъ и кроется залогъ его будущаго преобладанія, будущаго экономическаго, а потомъ и политическаго господства надъ остальными членами создающагося общества.

Указанное обстоятельство дѣлало ихъ самыми богатыми въ племенной группѣ. Они въ личномъ (или семейномъ) надѣлѣ получали большій участокъ земли, и вслѣдствіе этого должны были очевидно имѣть средства чтобы его обработать. Въ чемъ же заключалось тогда богатство? Въ древнія, чисто земледѣльческія времена главными предметами богатства, являлись тѣ предметы, которые позволяли расширять сельскохозяйственную эксплуатацію земли. А изъ такихъ предметовъ надо прежде всего назвать скотъ преимущественно крупный, рогатый. Въ немъ то и заключалось главное богатство (x) Сначала скотъ и въ особенности быки цѣнятся сами по себѣ за ихъ мясо и молоко, позднѣе или дорогимъ, какъ предметомъ мѣны, наконецъ они получаютъ особое значеніе какъ орудіе производ-

(x) Мэнъ сопоставляетъ латинское слово „capitale", что первоначально значило - „быки, сосчитанные поголовно" съ позднѣйшимъ кельтскимъ словомъ „cheptel" и французскимъ „capital" и указываетъ на этимологическое сходство словъ pecus (скотъ) и pecunia (монеты, деньги).

ства, средство обработывать землю, дѣлаются тѣмъ въ хозяйствѣ племени, что новѣйшiй экономистъ назвалъ бы „капиталомъ, приложеннымъ къ землѣ", быки становятся живымъ инвентаремъ земледѣльческаго хозяйства.

Старшины родовъ, люди болѣе состоятельные обладали большимъ количествомъ рогатаго скота, даже излишкомъ его, между тѣмъ какъ мелкiе земледѣльцы чувствовали сильный недостатокъ въ этомъ необходимомъ орудiи обработки.

Отсюда и возникъ особый обычай (cheptel), состоявшiй въ томъ, что старшины отдавали часть своего скота въ пользованiе мелкимъ владѣльцамъ и изъ-за этого завязывались между человѣкомъ получившимъ такую живую ссуду и человѣкомъ ссудившимъ его, въ долгъ необходимымъ средствомъ для земледѣльческой работы, особыя отношенiя зависимости, нѣкоторое подобiе отношенiй, которыя устанавливались между сеньоромъ и вассалами и власть въ первоначальномъ перiодѣ развитiя феодальнаго строя, или нѣчто въ родѣ отношенiй клiентовъ. Такимъ путемъ власть начальниковъ, которые прежде были первые между равными на племенномъ сходѣ (вѣчѣ) стала расти и расширяться. Получившiй ссуду скотомъ назывался у Кельтовъ Ирландiи saer; онъ оставался лично свободнымъ, но платилъ ссудившему ему нужное орудiе производства старшинѣ „ренту" и исправлялъ нѣкоторыя повинности или „помочи", какъ напримѣръ военную около него, въ его пользу, (являясь какъ бы его дружинникомъ, какъ и древнiе клiенты)

Кромѣ того кредиторъ получалъ еще право требовать въ случаѣ надобности гостепріимства въ жилищѣ должника и получать отъ него продовольствіе въ видѣ молока и приплода отъ отданнаго въ домъ скота. Такъ возникало уже на древне-кельтской почвѣ нѣчто подобное позднѣйшему феодальному droit de gîte et de pourvoirie, которымъ пользовался сеньоръ по отношенію къ вассалу.

Иногда случалось, что должникъ не только не оказывался въ состояніи вернуть ссуду, но вслѣдствіи какихъ-нибудь экономическихъ неудачъ или бѣдствій оказывался нуждающимся еще въ дополнительной ссудѣ. Такой человѣкъ, связанный съ начальникомъ уже очень тяжелымъ долговымъ обязательствомъ, именуется въ законахъ бреоновъ <u>daer</u>'омъ. Онъ разумѣется понижался еще гораздо больше чѣмъ saer, въ своемъ личномъ соціальномъ положеніи, — онъ терялъ часть личной свободы и подвергался чрезвычайно тяжелымъ повинностямъ. Вотъ какими являлись по изслѣдованію Мэна, соціальныя отношенія различныхъ членовъ и группъ внутри племенныхъ союзовъ Кельтовъ, во время сложенія законовъ бреоновъ.

Возвращаясь теперь еще разъ въ этой связи къ извѣстіямъ Цезаря, мы должны сказать, что всего скорѣе его <u>всадники</u> (<u>equites</u>) и должны быть приравнены къ названнымъ нами только что старшинамъ родовыхъ союзовъ, и что подчиненное имъ положеніе низшаго класса (плебеевъ), который по его словамъ, обремененъ долгами объясняется только что охарактеризованными

Вкупой

нами и вытекавшимъ изъ особенностей экономическаго быта племени своеобразнымъ обычаемъ отдачи въ ссуду богатыми бѣднымъ скота, какъ орудія обработки земли т.е. какъ необходимаго средства добыванія пропитанія.

Мэнъ распространяетъ далѣе свое разсужденіе объ этомъ фактѣ, пользуясь сравнительнымъ методомъ, сопоставляя описанную особенность Кельтскаго быта съ явленіями исторіи греческихъ и римскихъ гражданскихъ общинъ въ древнѣйшія времена, обращаетъ вниманіе на то, что въ источникахъ исторіи классическихъ народовъ можно отыскать слѣды недавняго существованія тяжелыхъ долговыхъ отношеній низшихъ классовъ (геоморовъ, клиентовъ, плебеевъ) къ высшимъ (эвпатридамъ, патриціямъ); онъ объясняетъ эти отношенія совершенно также, какъ истолковалъ зависимость ирландскихъ saer'овъ и daer'овъ отъ племенныхъ старшинъ.

Въ зависимость отъ этихъ главъ попадали еще и другія категоріи людей также на почвѣ экономическихъ земельныхъ отношеній, но по другому пути. Мы уже указывали, что старшины распоряжались незанятою пустующею землею, которая считалась собственностью племени. Изъ законовъ Брегоновъ видно, что они селили на такихъ пустыряхъ всевозможныхъ пришлыхъ людей, иностранцевъ, „изгоевъ", такъ или иначе выдѣлившихся или исключенныхъ изъ какого-нибудь племенного союза, ищущихъ новой родины. Классъ этотъ, былъ какъ можно думать, многочисленный, такъ какъ онъ носилъ даже особое названіе fuidhirs. Эти люди находились въ прямомъ подчиненіи у родоначальника и связывались

съ родомъ только черезъ его посредство. По положенію они скорѣе походили на рабовъ, чѣмъ на свободныхъ людей; - что очень понятно: вѣдь они всѣмъ - и принятіемъ въ общину, и пріобрѣтеніемъ земли для пользованія и имущества для жизни, и безопасностью обязаны были родоначальнику, взявшему ихъ подъ свое покровительство. Это обстоятельство еще болѣе усиливало власть и значеніе главарей-князьковъ: оно развивало постепенно взглядъ, что неподѣленная земля ихъ земля, и оно постоянно увеличивало число людей, находящихся отъ нихъ въ экономической, а потомъ и въ политической и гражданской зависимости.

~~Таким образом~~ Намъ удается уразумѣть нѣкоторые до-основные черты и принципы соціальнаго быта Кельтовъ Галліи. У нихъ еще не появлялась полная личная собственность на землю, а господствовала нѣсколько лишь измѣненная, сравнительно съ первобытною, форма общиннаго землевладѣнія. Во главѣ ихъ стояли вожди, богатые землею и скотомъ, которые играли своеобразную и довольно вліятельную роль пожалуй аристократіи капитала. Если переводить первобытныя явленія на современный языкъ, не затемняя въ себѣ представленіе о различіяхъ пониманія этихъ терминовъ. Такіе вожди носили названіе <u>airedesa</u>, т. е. благородныхъ <u>nobiles</u>.

Не одни только главари, старшины играли экономическую и политическую роль въ древне-кельтскомъ обществѣ. Была между ними и простолюдинами еще промежуточная категорія людей. Роль, нѣсколько похожую на роль airedesa играли разбогатѣвшие крестьяне, члены общиннаго союза на-

зывавшіеся boaire (въ буквальномъ переводѣ: „знатный [т.е. богатый] скотомъ). Они не благородны по происхожденію (за первыми уже начинала образовываться традиція знатности), но отдававшіе также какъ первые въ ссуду лишній скотъ, пріобрѣтавшіе зависимыхъ людей и современемъ получавшіе возможность подняться въ разрядъ родовой знати, т.е. aire-desa.

Вотъ какого рода толкованіе извѣстія Цезаря о Галльскомъ сословномъ строѣ допускаетъ, какъ очень вѣроятное, изученіе ирландскихъ юридическихъ текстовъ, понятныхъ въ своихъ научныхъ аналогіяхъ съ формами быта арійскихъ и не арійскихъ племенъ въ древнѣйшія времена.

Такого рода результатъ, очень важный, обставленный научными данными и вполнѣ убѣдительный извлекается изъ сочиненія Мэна (x). Фюстель де Куланжъ въ главѣ, посвященной <u>галльской клиентелѣ</u>, не объясняетъ сущности дѣла, касается его поверхностно и объясняетъ дѣло также какъ и Цезарь, чересчуръ на римскій ладъ (xx) и чтобы понять его, какъ слѣдуетъ нужно непремѣнно обратиться къ сочиненію знаменитаго англійскаго ученаго.

Итакъ мы видимъ, что у Кельтовъ на первоначальномъ демократическомъ (т.е. простонародно-крестьянскомъ) фонѣ первоначальной обширной сельской общины съ коллективнымъ землевладѣніемъ,

(x) Я выбралъ лишь нѣсколько чертъ, казавшихся мнѣ главными; для ихъ развитія и дополненія рекомендую обращаться къ кн. <u>Мэна</u> о древнихъ учрежденіяхъ

(xx) Блестящій фран. истор. къ сожалѣнію мало признаетъ выводы сравнительной этнологіи и первобытнаго права.

[illegible]

сохранившей многочисленныя черты родового устройства, уже образуются соціальныя неравенства, выдѣляется земельная и до извѣстной степени капиталистическая (въ первобытномъ смыслѣ слова) знать, которая поднимается надъ народною массою и подчиняетъ ее себѣ экономически и вслѣдъ за тѣмъ естественно и политически. Это зародыши соціальныхъ отношеній, изъ которыхъ можетъ вырости нѣчто подобное феодальному строю.

Въ общемъ выводѣ мы должны сказать, какъ и Цезарь, что галльское общество дѣлилось въ сословномъ отношеніи на 1) знать, которая подраздѣлялась на свѣтскую (airedesa и отчасти boaire) и духовную (друиды) и 2) простонародье, которое распадалось на свободное, и уже зависимое (daer и saer) 3) Ниже этихъ послѣднихъ стояли настоящіе рабы. Рабами были главнымъ образомъ плѣнники и иногда или могли становиться и бывшіе свободные люди, постепенно понизившіеся въ экономическомъ положеніи до потери соціальной и личной независимости.

2.— Указавъ на главныя черты, характеризующія особенности соціальнаго быта Кельтовъ Галліи во времена Цезаря, насколько это можетъ быть сдѣлано на основаніи гипотетическихъ заключеній отъ болѣе поздняго періода къ болѣе раннему по косвеннымъ даннымъ, извлекаемымъ изъ постановленій Брегоновъ, сдѣлаемъ для пополненія очерка общественнаго строя Галліи краткое описаніе ея политическаго развитія.

Я далъ лишь общее представленіе о политическомъ бытѣ Кельтовъ: оно можетъ быть болѣе или менѣе вѣрно выведено изъ извѣстій Цезаря, опять же если имѣть въ виду данныя о позднѣйшемъ бытѣ Ирландскихъ Кельтовъ. Если бы мы захотѣли входить въ частности, то пришлось бы встрѣчаться на каждомъ шагу съ затрудненіями и неясностями, которыя возможно было бы разрѣшить, (да и то лишь отчасти) только при очень кропотливомъ детальномъ анализѣ и сличеніи весьма мелкихъ и часто противорѣчивыхъ текстовъ и фактовъ. Такая задача немыслима въ общемъ курсѣ.

Изъ самой степени ~~развитія~~ общественнаго развитія, на которой, какъ мы опредѣлили, находилась кельтская раса, по истеченіи первыхъ вѣковъ ея пребыванія въ Европѣ, т. е. изъ того самаго факта, что она лишь вступала въ переходную эпоху отъ родового къ государственному быту, намъ дѣлается понятно, что она не могла представлять сознательнаго и оформленнаго національнаго единства: совокупность людей или группъ, союзовъ, жившихъ въ Галліи и говорившихъ на кельтскомъ языкѣ, не составляла одного или даже нѣсколькихъ большихъ государствъ.

Изъ этого ясно, что Civitates Цезаря (онъ ихъ насчитываетъ около 90) не могли быть тѣмъ, что Римляне разумѣли подъ этимъ словомъ, т. е. городскими общинами, составлявшими часть государства, такъ какъ таковаго совсѣмъ не существовало. Это были народцы, или колѣна („des tribus," какъ ~~ир~~ ирландскіе или шотландскіе кланы). Они представляли изъ себя племенныя группы, только высо-

кую.

дившiя изъ формъ родового быта, составлявшiя уже искусственные союзы многихъ (или нѣсколькихъ) родовыхъ единицъ, не связанныхъ вмѣстѣ единствомъ происхожденiя, образующихъ уже первоначальныя формы государственнаго объединенiя, но поддерживающiя свое единство при помощи родовой фикцiи(1)

Иногда такiе племенные союзы были довольно значительны. Фюстель де Куланжъ указываетъ, что одни изъ нихъ могли выставить 10,000 воиновъ, другiе 25,000, 50,000 и даже 100,000, какъ напримѣръ Белловаки. Изъ этого можно заключить, что населенiе ихъ колебалось между 50,000 и 500,000 душъ. Такъ что галльскiй народецъ представлялъ изъ себя коллективную единицу, значительно превосходившую древнюю греческую или италiйскую городскую общину.

Отношенiя такихъ civitates (народцевъ) другъ къ другу не поддаются точному опредѣленiю. Постояннаго единенiя между ними (т. е. между всѣми или даже многими) несомнѣнно не было.

То, что нѣкоторые ученые называли общегалльскимъ народнымъ собранiемъ (Concilium Galliarum), которое будто бы могло являться политическимъ органомъ галльской федерацiи, есть фактъ очень сомнительный.

Нужно думать, что оно не существова-

(1) Эти civitates есть то, что каждый читавшiй Цезаря знаетъ подъ именами Sequani, Arverni, Bituriges, Carnutes, Parisii, Aedui и т. д. Это простые „народцы", часто совсѣмъ не имѣвшiе большихъ поселенiй, похожихъ на городъ. Fustel de Coulanges (La Gaule romaine p 9-10) даетъ намъ приблизительный списокъ.

Такъ

ло, какъ правильное и постоянно функціонирующее учрежденіе. Фюстель де Куланжъ прекрасно доказалъ, (въ 1омъ т.) что эти concilia Galliarum (о которыхъ дѣйствительно нѣсколько разъ упоминаетъ Цезарь) являлись случайными собраніями лишь части нѣсколькихъ народцевъ, собиравшихся въ лицѣ главныхъ представителей для заключенія тайнаго союза (conjuratio) противъ Римлянъ въ виду общей военной опасности. Иногда же это были просто сходки вождей и главарей галльскихъ племенъ, собиравшихся даже по зову самого Цезаря, который хотѣлъ добиться союза съ одними изъ нихъ для удачнаго дѣйствія противъ другихъ, по принципу „раздѣляй и властвуй" (divide et impera).—

О самостоятельной же феодальной связи между галльскими племенами писатели древности не говорятъ и факты не обнаруживаютъ ея существованія. Конечно могли заключаться союзы между отдѣльными группами для общаго дѣйствія противъ внѣшняго врага и даже въ виду междуусобныхъ войнъ которыя постоянно происходили; но это временные, случайные политическіе факты а не постоянныя государственныя учрежденія. Союзъ возникалъ для войны, появлялась во главѣ ея и общая военная власть, которая временно объединяла племена; но нужда прекращалась и союзъ распадался и члены его, можетъ быть, вступали вновь во вражду между собою и заключали другіе союзы съ другими.

Могли образовываться и другого рода отношенія, болѣе постоянныя, чѣмъ только что описанныя: одна племенная группа вслѣд-

ствіе неудачной войны или вслѣдствіе необходимости самозащиты могла вступить въ отношенія подчиненія къ сосѣдней, признать ея вождя. Какъ были развиты въ Галліи отношенія, похожія на римскую кліентелу, между отдѣльными личностями внутри племени, такъ могли быть и племена какъ бы кліентами другихъ племенъ. Цезарь (VI, 2) упоминаетъ напримѣръ Секвановъ и Эдуевъ, какъ именно особенно сильныя племена, окруженныя такого рода болѣе мелкими племенами кліентами. Въ общемъ же правилѣ племена или народцы Галліи (civitates) были, какъ говорится, „суверенны", т. е. независимы другъ отъ друга и управлялись самостоятельно.

Перейдемъ теперь къ краткой характеристикѣ внутренней организаціи галльскаго племени (civitas), которыя являются, какъ мы опредѣлили, самыми крупными постоянными союзами.

Территорія, занимаемая каждымъ народцемъ, была обыкновенно значительна, а часто и очень обширна. Она подраздѣлялась на какія то болѣе мелкія единицы, которыя Цезарь называлъ pagi. Это, по всей вѣроятности, были родовыя группы, объединившіяся въ одинъ кланъ (tribus) и, можетъ быть, уже распавшіяся на индивидуальныя семьи и составившія сельскія (или волостныя) общины съ выборнымъ старшиною, (этихъ послѣднихъ вѣроятно надо разумѣть подъ цезаревыми principes), какъ въ сербскихъ задругахъ и совѣтомъ отцовъ или сельскимъ сходомъ

Ив Гр[illegible] Вакури

Литограф. Кудрева Нов.пр. д. 5. к. 16.

рядомъ съ нимъ. Въ составъ этихъ группъ уже входятъ несколько распавшіяся семьи, одного родового происхожденія (бывшаго sept); это уже сложный аггрегатъ, въ который могли попасть семьи совсѣмъ чуждыя, случайно пристававшія и признававшія общаго родоначальника фиктивно своимъ предкомъ. Дѣйствительнымъ же, реальнымъ, связующимъ началомъ, описываемой группы, конечно, ~~должна~~, должно было являться главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, общинное владѣніе землею.

Выборнымъ старшиною [illegible] былъ обыкновенно наиболѣе вліятельный и богатый членъ общины, который вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе ярко осуществлялъ въ себѣ чистоту рода, являлся поэтому либо лучшимъ представителемъ родовой традиціи.

Далѣе возникаетъ вопросъ, какъ управлялись эти аггрегаты родовыхъ или сельскихъ общинъ, племена, народцы, кланы (civitates, tribus)?

Форма управленія у нихъ могла быть и была различна(x).

„Государственныя учрежденія галльскихъ племенъ, говоритъ Ф. де Куланжъ (La Gaule p. 12.) отличались одни отъ другихъ и по мѣсту и по времени; Галлія перешла уже ко времени Цезаря

(x) Цезарь говоритъ, что Аквитаны, Кельты и Белги отличались другъ отъ друга учрежденіями и нравами (Caes. B. G. I, 1; „Hi omnes.... institutis.... inter se differunt".)

Различіе можно замѣчать также и внутри этихъ трехъ частей Кельтской расы въ Галліи.

много племенных и социальных переворотов и находилось еще на неустановившейся ступени общественного развития.

Во главе народцев Цезарь упоминает неоднократно монархическую власть — князей (reges). По всей вероятности это были князья избранные (пожизненно), но ни о способах избрания, ни о размерах власти их нельзя составить себе ясного представления. Есть данные, которые заставляют думать, что княжеская власть у Галлов времени Цезаря, была учреждением не традиционным, а сравнительно новым. Очень может быть, что монархия вырастала часто из народных волнений и смут, из столкновения знати, вождей и простого народа. Так напр. Верцингеторикс в самом начале своей карьеры, прогнанный из своего племени знатью возвращается туда благодаря помощи простого народа и возводится имъ въ цари (Caes. VII, 27).

У большинства же народцев преобладало республиканское устройство.

Въ таком случае во главе управления стояли избранные вожди, которых Цезарь называл магистратами и которые получали власть на время (Цезарь говорит на год). Их было вероятно, несколько съ различными функциями. Во главе управления иногда являлся один верховный вождь. Иногда племена поручали высшую гражданскую власть одному сановнику, военную — другому (напр. эдуи)

Но и здесь опять неизвестно как выбирались такие вожди, какова была их компетен-

ція. Нужно думать, что и въ этомъ отношеніи не было ничего установившагося, и что различные народы рѣшали эти вопросы различно, смотря по обстоятельствамъ и по обычаямъ, которые несомнѣнно были очень разнообразны.

Что касается до отношенія такихъ выборныхъ магистратовъ (вождей) къ племени ихъ выбравшему, то, какъ видно, они раздѣляли власть съ собраніями, о которыхъ постоянно упоминается въ источникахъ.

Составъ такихъ собраній, по всей вѣроятности, былъ не демократическій, а въ немъ участвовали лишь знатные представители племени. Страбонъ прямо говоритъ, что большинство кельтскихъ политическихъ группъ (по нашему племенъ) имѣли аристократическій строй (Strabon IV, 4, 3) это подтверждается извѣстіями Цезаря, который называетъ такія собранія сенатами (senatus) и во многихъ мѣстахъ отождествляетъ этотъ терминъ съ понятіями nobilitas или equitatus (x) Въ нѣкоторыхъ племенахъ такіе сенаты были очень многочисленны (xx)

Такое представленіе о томъ, что внутренній строй галльскихъ племенъ складывался въ аристократическія формы вполнѣ вяжется съ тѣмъ, что мы знаемъ о соціальномъ устройствѣ Галловъ. Находившіеся въ зависимости отъ крупныхъ людей простолюдины, отстранялись или нетолько отъ права избранія въ вожди, но

(x) Много текстовъ объ этихъ сенатахъ приведено у Ф. де Куланжа [I, 13-14]

(xx) Напр. у Нервіевъ онъ состоялъ изъ 600 членовъ Caes. II, 28).

того личнаго участія въ обсужденіи на сходахъ общественныхъ дѣлъ - вѣче (народныя собранія) - сходитъ съ политической сцены племенной жизни кельтскихъ народцевъ или отступаетъ на задній планъ (x) Мѣсто заступаетъ сенатъ (совѣтъ старшинъ) Народъ выступаетъ лишь въ чрезвычайные моменты племенной жизни; участвуя въ военномъ ополченіи племени, онъ, вѣроятно, является вооруженнымъ на военныя собранія, о которыхъ также упоминаетъ Цезарь; или иногда появляется на сценѣ, чтобы подавить знать во время смуты, предводимый какимъ-нибудь именитымъ вождемъ, находящимся въ борьбѣ со знатью и добивающимся княжеской власти.

Вотъ, кажется, все, что можетъ быть выведено болѣе или менѣе достовѣрнаго о политическомъ строѣ Кельтовъ временъ Цезаря.

Все остальное гадательно. Дѣлались попытки освѣщенія и формулировки частностей древняго Кельтскаго права. Говорили объ организованіи у Кельтовъ: податей, суда и наказанія, наслѣдованія, собственности, обязательствъ и т. д. (xx) Но многіе результаты получаются сомнительные.

Можно только сдѣлать изъ т. зрѣнія этихъ попытокъ то заключеніе, что кельтское

(x) Мы о немъ не слышимъ почти ничего въ источникахъ. Между тѣмъ какъ тотъ же Цезарь и Тацитъ, говоря о Германцахъ, постоянно упоминаетъ о германскихъ народныхъ собраніяхъ.

(xx) Опыты отвѣтовъ на вопросы можно найти у Fustel de Coul.. и у Glasson.

общество находилось уже въ періодѣ развитія государственныхъ отношеній и процессъ правообразованія находился у нихъ въ довольно большомъ напряженіи. Въ этомъ смыслѣ они ушли дальше, чѣмъ современные имъ германцы, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Но государство было еще слабо, и составляющіе его элементы тянули врозь (х)

Эта особенность усиливалась еще отъ того важнаго значенія, которое имѣло въ жизни Кельтовъ война. Непрочность государства при наличности уже довольно разнообразныхъ попытокъ организовать общественную власть, ясно видна напр. на разборѣ организаціи суда у Кельтовъ. Этотъ вопросъ интересно разсмотрѣнъ у Фюстель де-Куланжа (La Gaule I, 18–21): „нельзя утверждать, заканчиваетъ онъ свое разсужденіе, какъ думали нѣкоторые (хх), что не было у Галловъ никакого судебнаго устройства для разсмотрѣнія процессовъ и наказанія преступленій. Надо ограничиться замѣчаніемъ, что мы мало знаемъ эту организацію, такъ какъ Цезарь о ней почти не говоритъ. Но можно прибавить, что населеніе предпочитало юрисдикцію жрецовъ (друидовъ) юрисдикціи государственной. Повидимому общественная судебная власть была плохо устроена. Суровая или пристрастная, она, должно быть,

(х) У Цезаря приводится фактъ раздѣленія племени Эбуроновъ на двѣ части (VI, 11.).

(хх) Напр. Arbois de Jubainville въ статьѣ Des attributions judiciaires de l'autorité publique chez les Celtes въ Revue Celtique (tome VII).

угнетала слабого; плебей давился знатным (Caes. VI, 13)
Такимъ судомъ мало доверяло населеніе. Это обстоятельство объясняетъ въ одно и то же время большое могущество друидовъ и развитіе такихъ учрежденій, какъ патронатъ и кліентела, т.е. закладничество слабыхъ за сильными."

Слабыя личности, не покровительствуемыя слабымъ государствомъ, отдавались подъ защиту авторитетной религіозной власти или могущественныхъ отдельныхъ лицъ.

И такъ, повторяемъ еще разъ въ заключеніе, что соціальною молекулою кельтскаго общества была сельская община (съ коллективнымъ землевладеніемъ) только что распавшаяся изъ рода (патріархальнаго) и фиктивно организующаяся еще по образцу родового союза. Такого рода единицы объединялись (не всегда прочно) а часто изменчиво) въ племенныя группы съ организаціею, представляющею уже формы государственности и управляемыя либо отдельными лицами (князьями) либо коллективными группами, при чемъ въ обоихъ случаяхъ преобладаніе находилось въ рукахъ знати, которая уже подавляла свободу и равноправность большинства и въ низшихъ простейшихъ соціальныхъ соединеніяхъ, разлагала тамъ демократическія формы первоначальной земельной общины.-

---

Maine

3.— Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ религіознаго быта Кельтовъ, прибавимъ къ сказанному нѣсколько словъ о состояніи ихъ матеріальной культуры (x). Въ то время когда Кельты заселяли страну, которая впослѣдствіи отъ нихъ стала называться Галліею, она была покрыта обширнѣйшими лѣсами, которые тянулись на необозримыя пространства. Они изобиловали вѣковыми громадными деревьями, завалены были гигантскими стволами упавшихъ столѣтнихъ дубовъ и буковъ. Лѣса эти дѣлались непроходимыми отъ густыхъ зарослей колючаго кустарника и отъ буйно разраставшихся и перепутавшихъ всѣ деревья мощныхъ ползучихъ растеній. Глубокія рѣки, незадерживаемыя никакими преградами свободно разливали вдаль и вширь свои воды, образуя широкія озера или обширныя болота. Лѣсныя чащи кишѣли дикими звѣрями: въ нихъ постоянно встрѣчались волкъ, медвѣдь, зубръ, лось, теперь исчезнувшіе изъ этихъ мѣстъ. На берегахъ рѣчныхъ потоковъ бобры строили свои жилища (x). Въ болотахъ во множествѣ жили аисты, выпи, цапли, лебеди и рядомъ съ этими пернатыми обитали дикіе кабаны. Лѣсныя чащи становились все глубже, дѣлались все болѣе дикими, по мѣрѣ того какъ удалялись отъ юга, гдѣ существовали уже

(x) См. краткій очеркъ у Rambaud. Histoire de la civilisation française I, 24-26.; много данныхъ есть у Моммсена. Римская Исторія т. III (стр. 187 и сл. Систематическое изложеніе въ различныхъ руководствахъ и трактатахъ по національной археологіи Франціи.

(x) Названіе Бієвръ (La Bièvre) рѣки около Парижа означ. „рѣка бобровъ."

богатые греческие, а скоро возникли и римские города; но мѣ-рѣ того какъ уходили въ далекій, невѣдомый сѣверъ. Пле-мена тоже отличались тѣмъ болѣе суровыми и варвар-скими нравами, чѣмъ дальше они жили отъ Средизем-наго моря, по направленію къ Бельгіи: между тѣмъ какъ южныя племена начинали торговать съ Римлянами, сѣверные, напр. Нервіи, не принимали ни одного инос-траннаго купца и запрещали ввозъ вина и товаровъ изъ Италіи, чтобы сохранить неприкосновенными свои старые нравы.

Вопросъ о томъ, были ли у Кельтовъ въ пері-одъ до римскаго завоеванія города, рѣшался различ-но. Изъ новѣйшихъ ученыхъ, писавшихъ о Галліи, Масонъ отвергаетъ ихъ существованіе (I, 95) Фюстель де Куланжъ напротивъ доказываетъ, что ихъ было много (I, 11.). Несомнѣнно быть [illegible] былъ не городской: настоящихъ городовъ, подобныхъ греческимъ и рим-скимъ у нихъ не было, да и ни большія укрѣплен-ныя (обыкновенно деревянными или земляными стѣнами) селенія, которыя приближались къ горо-дамъ были немногочисленны. Только въ самое послѣднее время, когда въ южной Галліи еще до Цезаря, образо-валась римская провинція (нынѣшняя Provence) то въ сосѣдствѣ стали возникать и галльскіе горо-да, въ которыхъ начала развиваться промышлен-ность, торговля, привлекавшая постоянное насе-леніе. Таковы напр. Vesuntio (нынѣшній Besançon) Bibracte (Autun), знаменитая Alesia, мѣстонахо-жденіе которой подало поводъ ко множеству археологическихъ споровъ. Возникали городскія по-селенія и выше. На Марнѣ, которая являлась одной

Н. Кареев

изъ главныхъ коммерческихъ дорогъ, находился Genabum (Orléans) который уже посѣщался италійскими купцами. Въ бассейнѣ Сены могутъ быть названы мелкіе пункты Durocorter (Reims) Melodunum (Melun). Lutetia (Парижъ). Въ центрѣ Avaricum (Bourges), самый красивый изъ двадцати городовъ Битуриговъ. Но всѣ эти города достигли процвѣтанія лишь въ римское время (и имена ихъ романизованы). На океанѣ упоминается нѣсколько галльскихъ пристаней, которыя промышляли съ Испаніей и съ Британскими островами. Въ наиболѣе дикихъ областяхъ Галліи, куда не проникалъ ни одинъ иностранный купецъ, города и до самаго конца самостоятельнаго существованія Галліи оставались лишь укрѣпленными пунктами или сборными мѣстами для торговли (oppida) безъ постояннаго населенія. Таковыми являлись города Нервіевъ, Белловаковъ, Эбуроновъ и племенъ бельгійскихъ, самыхъ воинственныхъ и первобытныхъ. Наиболѣе же распространеннымъ типомъ поселеній у Галловъ были открытыя села, часто очень большія; также мелкіе хутора и отдѣльныя обширныя усадьбы знати, вѣроятно, около селъ.

Въ Галліи первоначально не было правильныхъ хорошо устроенныхъ дорогъ; путями сообщенія служили только плохо протоптанныя тропинки по лѣснымъ и болотнымъ дебрямъ. Только по мѣрѣ распространенія римскаго вліянія и около занятыхъ ими областей стали проводиться хорошія дороги, строиться мосты и развиваться рѣчное судоходство. Въ селахъ также какъ и въ городахъ люди жили въ домахъ плохо

Г...

устроенныхъ. Это были по большей части хижины изъ дерева, хворостника, утоптанной глины съ одною дверью, безъ оконъ и съ отверстіемъ на крышѣ для дыму. Иногда впрочемъ въ городахъ появлялись болѣе просторныя и удобныя жилища изъ досокъ или бревенъ съ высокою, куполообразною кровлею. О внутренней отдѣлкѣ домовъ Кельты мало заботились. Надъ дверью въ видѣ украшеній привѣшивались рядомъ съ головами убитыхъ на охотѣ волковъ и кабановъ, головы непріятелей, трофеи военнаго торжества. У самыхъ богатыхъ Галловъ въ домахъ находились золотые и серебряные сосуды, но у нихъ не было никакой мебели: спали на соломѣ или на звѣриныхъ шкурахъ, богатые иногда на коврахъ. Для ѣды садились на охабку сѣна; мясо брали руками и рвали его зубами не зная употребленія ни ножей, ни вилокъ, примѣнительно къ принятію пищи.

Мужчины носили нѣчто въ родѣ панталонъ по французски (съ кельтскаго) „braies" (лат. bracca), плащъ въ родѣ шотландскаго пледа яркихъ цвѣтовъ, называвшійся sagum (фр. saie). Обувь ихъ состояла изъ толстыхъ башмаковъ (gallicae, откуда произошло слово „galoches"). Одежда женщинъ простого сословія заключалась главнымъ образомъ въ длинной рубахѣ; сверху также надѣвалось нѣчто въ родѣ плаща. Платье женщины высшаго сословія было болѣе сложное и роскошное, разноцвѣтное и расшитое золотомъ. У нихъ даже, говорятъ, проявлялось стремленіе къ модѣ и кокетству. Онѣ носили золотыя и

вообще драгоцѣнныя украшенія. Они мылись пивомъ для бѣлизны кожи, красили лица мѣломъ, щеки красной краской, брови синею. Галлы — и мужчины, и женщины — носили длинные волосы, закинутые назадъ и связанные въ пучокъ. Знатные мыли волосы известковой водой, чтобы придать имъ самый любимый у нихъ рыжій цвѣтъ. Для той же цѣли служило изобрѣтенное ими мыло (лат. съ кельтс. sapo, отсюда фр. savon.)

Вооруженіе ихъ было довольно хорошее и разнообразное. Воины, по крайней мѣрѣ всадники носили бронзовые шлемы, украшенные гривою гребнемъ или остріемъ, а иногда увѣнчанные двумя буйволовыми рогами или двумя крыльями хищной птицы; затѣмъ въ рукахъ у нихъ было длинное копье съ бронзовымъ наконечникомъ, большой деревянный щитъ, отдѣланный бронзой. Галлы не носили латъ и гордились тѣмъ, что сражаются съ открытою грудью. Они наносили врагамъ удары большими желѣзными, но только плохо выкованными мечами. Военный уборъ Галла часто дополнялся золотымъ ожерельемъ, такими же браслетомъ и пряжкою, которая придерживала плащъ на плечѣ. Въ такомъ именно убранствѣ явился передъ глазами изслѣдователей мертвый галльскій предводитель, гробница котораго была найдена въ мѣловомъ пластѣ, въ мѣстности, называемой Gorge Meillet въ департаментѣ Haute Marne и останки котораго вмѣстѣ со всею обстановкою находятся теперь въ С.-Жерменскомъ музеѣ.

М. А.

Тамъ можно видѣть его скелетъ, лежащій среди обломковъ его военной колесницы. Рядомъ съ нимъ его бронзовая каска, большой желѣзный мечъ и копья. Надъ нимъ помѣщается скелетъ его слуги, вѣроятно, убитаго при его погребеніи, чтобы онъ сопровождалъ его въ загробный міръ. Тутъ же рядомъ находится его изображеніе въ видѣ „реставраціи галльскаго воинскаго костюма.

Въ ту эпоху когда Цезарь вступилъ въ Галлію, Галлы только недавно начали сражаться верхомъ: раньше они отправлялись на войну въ колесницахъ, запряженныхъ двумя лошадьми, на которыхъ стояли два воина, одинъ управлялъ конями, другой дѣйствовалъ оружіемъ. Этотъ способъ сражаться сохранился и позже у Кельтовъ Британскихъ острововъ. Вмѣсто знаменъ Галлы несли съ собою на войну бронзовое изваяніе кабана, укрѣпленное на шестѣ. Военными музыкальными инструментами служили длинныя трубы изъ бронзы (carnices), звукъ которыхъ сильно возбуждалъ въ нихъ энергію и храбрость въ бою. Галльское войско не состояло какъ наше изъ дисциплинированныхъ солдатъ, безпрекословно повинующихся вождямъ: Каждый благородный являлся на битву со своей свитой амбактовъ, избранныхъ особенно вѣрныхъ ему воиновъ и окруженный отрядомъ изъ крестьянъ, очень слабо вооруженныхъ. Каждая группа начинала битву, яростно бросаясь впередъ съ страшными криками, не дожидаясь общаго знака, и каждый предводитель уводилъ своихъ людей, когда самъ считалъ для

На

себя выгоднымъ. Вслѣдствіи этого то самое многочисленное галльское войско не смотря на отчаянную храбрость и бурную стремительность воиновъ, кончало всегда тѣмъ, что уступало дисциплинированнымъ римскимъ легіонамъ поле сраженія. Послѣ побѣды галлы часто убивали всѣхъ плѣнниковъ, убивали даже захваченныхъ лошадей и вьючныхъ животныхъ, сжигали или бросали въ рѣки непріятельскіе обозы, оружіе и драгоцѣнности. Это была жертва богу войны.

Галлы были племенемъ земледѣльческимъ, и нѣкоторые народцы даже хорошо обрабатывали землю. Изъ числа злаковъ они воздѣлывали рожь и овесъ, но кажется не сѣяли пшеницы которая была введена только въ римскую эпоху. У нихъ были уже сдѣланы нѣкоторыя сельско-хозяйственныя изобрѣтенія, даже неизвѣстныя еще и цивилизованнымъ италійцамъ. Они пахали напр. плугомъ поставленнымъ на колеса, пользовались известью и другими веществами для удобренія поля. Затѣмъ въ другихъ областяхъ они придумали плести канаты изъ конскаго волоса, дѣлали деревянныя бочки для вина, они искусно употребляли пивныя дрожжи при печеніи хлѣба. Скотоводство они любили больше даже чѣмъ земледѣліе. На этомъ особенно настаиваетъ Моммсенъ, который вообще очень строгъ къ кельтской культурѣ. Онъ прямо говоритъ, что они были мало способны къ прогрессу и всякому нововведенію учиться у

римлянъ, безъ примѣра которыхъ они не перешли бы изъ пастушескаго быта къ земледѣльческому (x).- Вѣрно то, что чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ болѣе скотоводство преобладало надъ хлѣбопашествомъ и на крайнемъ сѣверѣ послѣднее исчезало совсѣмъ. Секваны разводили и съ большимъ успѣхомъ свиней; они отправляли окорока въ Италію и даже оттого, что эдуи помѣшали этой ихъ торговлѣ, на Сонѣ разразилась между двумя народами война. Извѣстны были бѣлыя галльскія вина, въ окрестностяхъ Массиліи и различные другіе сорта винъ. Винодѣліе впрочемъ развилось больше подъ вліяніемъ грековъ, а потомъ римлянъ; но галльскіе сыры пользовались большою славой. Кое гдѣ развивались и нѣкоторые другіе виды индустріи. Разрабатывали желѣзныя руды у битуриговъ (Berry), Петрокоріевъ (Perigord); также добывался среброносный свинецъ у Рутеновъ (Rodez) и Габаловъ, олово у Лемовиковъ (Limousin) Многія рѣки, какъ Марна, Аріежъ, Цеза, даже Гаронна и Рона катили ещё золотой песокъ, который галлы умѣли уже промывать. Битуриги выдѣлывали желѣзные предметы и изобрѣли луженіе посуды. Жители Алезіи занимались производствомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Вообще, нужно сказать, что добываніе и обработка металловъ (горное дѣло и металлургія) были самою сильною стороною галльской индустріи.

Кромѣ того Кадурки (Cahorcs) славились

(x) Римская Исторія III, 137-39.

тканій.

льняными и шелковыми тканями, и изящнаго и гру-
бого.

Венеты (Vannes) и Морины (Boulogne) имѣли парусныя суда (паруса дѣлались изъ кожи), на которыхъ они ѣздили въ Британію и привозили оттуда рабовъ, охотничьихъ и военныхъ собакъ, кожи, мѣха, олово и мѣдь. Обратно они возили туда: глиняную посуду, соль и пастель (голубую краску). Гавани, изъ которыхъ отплывали эти суда, на Ламаншѣ и на океанѣ были совсѣмъ мелкими мѣстечками. Торговля съ Средиземнымъ моремъ производилась главнымъ образомъ черезъ греческій городъ Массалію и черезъ римскую колонію, Нарбонну. Галлія вывозила въ Италію и на востокъ драгоцѣнные камни, золотыя вещи, вина, а оттуда получала ткани и оружіе. Но несомнѣнно галльская торговля находилась въ зачаточномъ состояніи. Въ высшей области — искусствѣ — Кельты не проявили ни оригинальности, ни силы.

Если высказывать общее сужденіе о цивилизаціи Кельтовъ, то придется сказать, что они уже вышли изъ варварства и несомнѣнно нѣсколько опередили сосѣднихъ Германцевъ. Но во всякомъ случаѣ большой способности къ самостоятельному прогрессу они не обнаружили (можетъ быть, не успѣли обнаружить?) Большей части успѣховъ въ культурѣ и бытѣ, они обязаны внѣшнимъ вліяніямъ. Моммсенъ указываетъ у Цезаря мнѣніе о томъ, что Галлы были очень ловки въ подражаніи. Но и на этомъ пути они ушли немного и не воспол-

Сов.

довались самостоятельно многимъ, чѣмъ могли бы при соприкосновеніи съ классическимъ міромъ.

Я не имѣлъ въ виду разсмотрѣть систематически матеріальную культуру Кельтовъ времени Цезаря. Это спеціальная задача археологіи искусства. Я хотѣлъ только нѣсколькими фактами изъ этой области облегчить возможность воспроизвести на основаніи всего выше изложеннаго конкретную картину ихъ быта.

VI.
Религія Кельтовъ.

1.- Религіозныя представленія, боги и культъ.

Вопросъ о Кельтской религіи - нелегкій вопросъ,- онъ далеко еще не вполнѣ изслѣдованъ. Различныя спеціальныя изданія, ученые журналы во Франціи и Англіи, посвященные изученію кельтской старины публикуютъ много очень интересныхъ частныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, но общаго капитальнаго научнаго сочиненія до сихъ поръ нѣтъ (х).

(х) Такое изслѣдованіе обѣщано Бертраномъ и должно составить третій томъ обширной работы „Nos origines", въ которой извѣстная намъ книга о Галліи до Галловъ составляетъ лишь первый томъ. Пока же приходится →

Въ краткомъ обозрѣніи религіи Кельтовъ я буду держаться такого порядка: 1) сначала охарактеризую главныхъ Кельтскихъ боговъ, способы поклоненія имъ и вообще религіозныя представленія кельтовъ 2) Потомъ охарактеризую организацію и значеніе довольствоваться, если имѣть въ виду лишь общее изображеніе и не вводить въ частные вопросы и контроверзы, а ограничить, но очень краткимъ этюдомъ извѣстнаго знатока кельтской древности Henri Gaidoz Esquisse de la religion des Gaulois (P. 1879.) Можно еще назвать рядъ публичныхъ лекцій извѣстнаго англійскаго ученаго John Rhys. Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by celtic heathendom (Lond 1888) На русскомъ языкѣ можетъ быть указана также очень обстоятельная и прекрасная статья В. Г. Васильевскаго „Вопросъ о Кельтахъ" (Ж. М. Н. П. 1882 г. Сентябрь) и книга Георгіевскаго „Галлы во время Цезаря", которая даетъ много матерьяла, но дѣлаетъ невѣрные выводы. Кромѣ того въ общихъ сочиненіяхъ по Кельтской исторіи помѣщаются очерки, посвященные религіи. См. напр. у Ам. Thierry, и даже у Glasson. Чтобы не осложнять вопроса и не затягивать изложенія, я воспользуюсь матеріаломъ, который даетъ работа Гайдо и статья пр. Васильевскаго, и на нихъ построю свое изложеніе. Послѣдняя представляетъ изъ себя хорошее доступное пособіе, въ которомъ сведено все главное, и весьма удобно обращаться къ ней для ознакомленія съ подробностями. -

---

Литограф. Руднева нов. пер. д. 5. к. 46.

ного специальнаго класса Кельтскаго общества, который тѣсно связанъ былъ съ культомъ, т. е. друидовъ.

Религія Кельтовъ, я сказалъ, мало и въ то же время плохо извѣстна. Она мало извѣстна потому, что источники одни не вполнѣ достовѣрны или далёко не точны, другіе не достаточно еще изслѣдованы, не собраны и не приведены въ порядокъ. Она плохо извѣстна, потому что на нее a priori безъ достаточныхъ основаній смотрѣли и писатели древности, и особенно новые ученые, какъ на философскую систему, чего на самомъ дѣлѣ не было: это была ошибка; придавалось даннымъ о Кельтской религіи слишкомъ глубокое толкованіе, которое исказило пониманіе. Такъ что, разбирая вопросъ о Кельтской религіи, приходится съ одной стороны крайне осторожно критически обращаться съ источниками, съ другой устранять цѣлыя системы, твердо установившіяся въ наукѣ, но или преувеличенныя или ложныя.

Первою категоріею источниковъ, которые сообщаютъ свѣдѣнія о религіозномъ бытѣ Кельтовъ, являются нѣкоторые классическіе авторы. Ихъ немного. Мы имѣемъ 4 главы изъ Цезаря (x); нѣсколько строкъ изъ Діодора и Страбона; 15 стиховъ изъ Фарсалиды Лукана (I, 445 и сл.); нѣсколько стиховъ изъ Лукіана и Авзонія; отрывки изъ Грека Тимогена, сохраненные Амміаномъ Марцеллиномъ. Это почти все. Изъ авторовъ, мы пользуемся частич-

(x) Въ сочиненіи De bello gallico кн. VI гл. XVI–XIX

нія, случайныя и потому недостаточныя данныя. Самый важный въ числѣ этихъ источниковъ, конечно, Цезарь. Онъ имѣлъ больше чѣмъ другіе побужденій ближе ознакомиться съ дѣломъ; можетъ быть, онъ не былъ чуждъ и нѣкотораго теоретическаго интереса къ религіознымъ вопросамъ (x) Но и онъ ограничивается лишь самою общею и поверхностною характеристикою галльскихъ вѣрованій и культа, приноравливая ее къ невысокому уровню пониманія своихъ читателей. Къ тому же онъ не обладалъ въ достаточной степени научными пріемами наблюденія, не владѣлъ тѣмъ этнографическимъ чутьемъ, которое необходимо для правильнаго истолкованія быта другихъ народовъ, особенно стоящихъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ наблюдатель. Самые умные люди древности, говоритъ В. Г. Васильевскій (стр. 168), мало заботились о точномъ уразумѣніи смысла чуждой миѳологіи, а прежде всего хватались за внѣшнее сходство ея образовъ съ божествами Греціи и Рима. Они спѣшили пріурочить чуждыхъ боговъ къ греческимъ и римскимъ, чтобы не созидать варварскихъ трудныхъ именъ. Довольствуясь немногими чертами подобія, они часто предполагали полное совпаденіе тамъ, гдѣ могли быть глубокія различія. Сверхъ того въ древности во всемъ отдаленномъ и мало извѣстномъ склонны были подозрѣвать нѣчто непремѣнно тайн-

(x) Извѣстно, что онъ писалъ спеціальное сочиненіе о различныхъ способахъ гаданія. Его первосвященническій санъ — онъ былъ pontifex maximus — наталкивалъ его также на различныя наблюденія въ области религіи

ВБ.

сильное и широкое; даже великій Аристотель не удержался отъ этой слабости, говоря о Друидахъ; онъ готовъ былъ смотрѣть на ихъ ученіе, какъ на стройную философскую систему. Кромѣ указаннаго фальшиваго пріема легко переводить чужія ученія на свои представленія, - у Цезаря было, можетъ быть, сознательное стремленіе во что бы то ни стало сблизить Галльскій Олимпъ съ Римскимъ, чтобы подготовлять слитіе.

Второю категорією источниковъ, которые могутъ, если ихъ много, и если они разнообразны, имѣть очень важное значеніе для ученія религій, являются памятники археологическіе и этнографическіе. Мы дѣйствительно имѣемъ подъ руками различнаго рода религіозные предметы (напр. статуэтки боговъ) и вещественные памятники, а также надписи ("inscriptions votives"), сдѣланные, воздвигнутые или начертанныя хотя уже въ римское время и при римскомъ господствѣ надъ Кельтами (надписи эти латинскія), но еще раньше, чѣмъ угасли туземныя вѣрованія и культы. Они сохраняютъ подлинныя имена и фигуры галльскихъ и британскихъ боговъ, но обыкновенно къ этимъ туземнымъ именамъ присоединяется имя и соотвѣтствующаго римскаго бога. (напр. Apolloni-Belleno) въ силу особаго сознательнаго или естественнаго религіознаго синкретизма, т.е. смѣшенія разноплеменныхъ культовъ. Надписи даютъ гораздо больше именъ боговъ, чѣмъ писатели, но за то онѣ сообщаютъ лишь голыя имена; и о значеніи этихъ именъ можно лишь гадательно судить изъ сопоставленія кельт-

скаго названія, рядомъ съ латинскимъ (1). Данными, собранными изъ такого рода памятниковъ, мы можемъ дополнять и истолковывать сообщенія древнихъ авторовъ и исправлять ихъ ошибки. Или же мы можемъ предохранить себя отъ принятія и распространенія неудачныхъ попытокъ новыхъ ученыхъ вносить произвольныя и фантастическія гипотезы о религіи Кельтовъ (2). Наконецъ третьимъ видомъ источниковъ мы можемъ считать національные памятники Кельтской миѳологіи или народныя повѣрья, преданія и суевѣрія. Первые дошли до насъ въ очень позднихъ и часто сомнительныхъ редакціяхъ; вторыя также представляютъ смутный и темный источникъ. Этимъ видомъ памятниковъ надо пользоваться съ особенно

(1) Извѣстное количество такихъ предметовъ и надписей можно найти въ С.-Жерменскомъ музеѣ. На надписяхъ насчитано около 25 боговъ и 14 богинь. Въ послѣднее время находки подобнаго рода все увеличиваются. Они очень цѣнны, но еще не изучены, не приведены въ порядокъ и не изданы вполнѣ.

(2) Примѣромъ подобной попытки можетъ служить Георгіевскій. Въ своемъ сочиненіи о Галлахъ онъ пытается обрисовать галльскую миѳологію при помощи аналогій, послѣдовательно заимствуемыхъ изъ системы германскаго язычества, возстановляемаго въ привлекательной стройности Гриммомъ и его послѣдователями. Природа каждаго отдѣльнаго божества опредѣляется посредствомъ сравненія съ германскимъ, при чемъ римское названіе кельтскаго бога служитъ только ступенью для сближенія съ нѣмецкимъ. Надъ ними хорошо острословилъ Жакія совершенно произвольныя сближенія. Подобнаго же рода фантазированія, очень широкія построенія относительно галльской религіи допуска-

Керб.

большого осторожностью. Такъ что данныхъ для рѣшенія вопроса мы имѣемъ немного, и они недостаточны. Можно дать лишь намеки и догадки.

Мы будемъ исходить изъ извѣстій Цезаря, такъ какъ онъ все же лучшій авторитетъ древняго міра во всемъ, что касается Галліи. Конечно, онъ не могъ понять природы и происхожденія галльскихъ боговъ, какъ понялъ бы современный миѳологъ, но его взгляды - сужденія человѣка, который знаетъ Галлію, понимаетъ общій духъ ея религіозныхъ вѣрованій. Цезарь характеризуетъ общія особенности религіи Галловъ, надписи сообщаютъ имена ихъ боговъ.

Говоря о богахъ Кельтовъ, нужно раздѣлить ихъ на два класса: 1) Великіе боги, общіе всей Галліи и 2) Мѣстные боги, которымъ поклонялись въ извѣстныхъ частяхъ ея, или которые представляли просто олицетвореніе и обоготвореніе самихъ мѣстностей, - городовъ, рѣкъ, горъ, источниковъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что рѣзкихъ границъ между тѣми и другими нѣтъ.

„Галлы, говоритъ Цезарь, (VI, 17) выше всѣхъ боговъ почитаютъ Меркурія. Встрѣчаются многочисленныя изображенія этого бога. Они считаютъ его изобрѣтателемъ всякихъ искусствъ, покровителемъ дорогъ и путешествій и полагаютъ, что онъ очень могущественъ въ денежныхъ и торговыхъ дѣлахъ." Итакъ по Цезарю высшее Кельтское божество соотвѣтствовало римско-

стъ и Амедей Тьерри (См. Glasson I, 129), онъ придаетъ ей особенный философскій смыслъ, котораго она не имѣла.

[illegible]

му Меркурію. Галльское имя этого Меркурія не передается ни однимъ изъ древнихъ писателей; этотъ богъ въ римское время нашелъ себѣ многихъ почитателей въ Галліи — сами Галлы стали поклоняться ему подъ его римскимъ именемъ, и римскій Меркурій вытѣснилъ такимъ образомъ своего кельтскаго собрата. Какъ былъ распространенъ культъ Меркурія, можно видѣть изъ того, что до насъ дошло большое количество статуэтокъ съ изображеніемъ этого бога (одна изъ нихъ изъ массивнаго серебра была найдена даже въ самомъ Парижѣ, въ Люксембургскомъ саду.); Много было найдено и надписей, посвященныхъ Меркурію, но ни въ одной не приведено кельтскаго названія соотвѣтствующаго бога. Статуи Меркурія или жертвенники обыкновенно ставились на высокихъ мѣстахъ, храмы въ честь него строились на вершинахъ горъ (x). Рядомъ съ нимъ постоянно фигурируетъ женское божество — Росмерта (Rosmerta). Несомнѣнно было бы очень важно опредѣлить кельтское названіе и древнѣйшее туземное значеніе этого главнаго бога Галловъ; какія же для этого имѣются данныя?

По свидѣтельству Лукіана Галлы также почитали Геркулеса подъ именемъ Огмія. Они изображали этого бога въ видѣ дряхлаго плѣшиваго старика, отъ языка его спускались во всѣ стороны золотыя нити, которыя прикрѣплялись къ ушамъ многочисленныхъ его слушате-

(x) Напр. на Puy de Dôme въ Оверни, Donon, Sine и, вѣроятно, на Монмартрѣ; Mercurius Dumias или Arvernus (на Puy de Dôme) былъ особенно извѣстенъ во всей Галліи

лей. Само собою разумѣется, что это — аллегорическое изображеніе могущественнаго вліянія красноречія, приковывающаго къ себѣ вниманіе толпы. Нужно думать, что мнѣніе Лукіана, отожествляющаго этого Огмія съ Геркулесомъ врядъ ли вѣрно: какъ же дряхлый старикъ можетъ отожествляться съ героемъ физической силы? Сопоставленіе Огмія съ Геркулесомъ основывалось лишь на томъ, что онъ изображался съ тѣми же внѣшними аттрибутами, что и греческій богатырь, т.е. съ *палицею*, *лукомъ* и *колчаномъ*, но это лишь внѣшній аттрибутъ. Настоящая природа этого божества лучше выясняется самымъ значеніемъ его имени. *Ogmios* значитъ *ученый*, что весьма идетъ къ богу красноречія (это значеніе долго сохранялось въ ирландскомъ словѣ *ogam*, обозначавшемъ извѣстный родъ письма снизу вверхъ; изобрѣтателемъ его они называли *Огмою*). Въ Кельтскихъ вотивныхъ надписяхъ (посвященныхъ богамъ) встрѣчается совершенно синонимическое выраженіе *Visucius* (отъ корня - *visu*, *vidtu*, - вѣдаю) - *вѣщій*, „*мудрый*" Въ надписяхъ этотъ эпитетъ обыкновенно присоединяется къ имени Меркурія. Это невольно заставляетъ насъ предполагать Кельтскаго Меркурія именно въ *Огміи*; Меркурій и былъ вѣдь богомъ красноречія, какъ этотъ мнимый кельтскій Геркулесъ, и какъ ирландскій Огма, изобрѣтатель письменности. Таковы гипотезы, дѣлаемыя новѣйшими знатоками кельтической древности (напр. Жюбенвиллемъ, Десжарденомъ).

Впрочемъ другіе ученые указываютъ еще на одно галльское божество, которое еще болѣе

[illegible]

подходитъ къ отожествленію его съ Меркуріемъ - именно Лугаз (Lug), который въ широкомъ смыслѣ является изобрѣтателемъ всѣхъ искусствъ, ему поклонялись жители Ліона (отсюда и древнее его названіе Lugdunum), а также жители Ирландіи (1) Это настоящій изобрѣтатель всѣхъ искусствъ. Болѣе опредѣленнаго и твердаго о Галльскомъ Меркуріи сказать ничего нельзя. Онъ несомнѣнно почитался высоко, но главнымъ богомъ врядъ ли былъ. Это не соотвѣтствовало культурѣ Кельтовъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ Кельтскимъ богамъ, руководясь тѣмъ порядкомъ перечисленія ихъ, котораго держится Цезарь. „Послѣ Меркурія, читаемъ мы у Цезаря; Галлы почитаютъ Аполлона и Марса, Юпитера и Минерву. Объ этихъ богахъ они имѣютъ почти такое же представленіе, какъ и другіе народы. Аполлонъ изгоняетъ болѣзни, Минерва сообщаетъ начатки искусствъ и ремеслъ, - Юпитеръ владѣетъ небеснымъ пространствомъ, - Марсъ ведетъ войны. Весьма часто, принявъ рѣшеніе вступить въ битву, они заранѣе посвящаютъ этому последнему то, что будетъ взято на полѣ сраженія."

Такимъ образомъ второе мѣсто занимаетъ Аполлонъ. Онъ является на надписяхъ Галліи Британіи и Норика съ весьма разнообразными

(1) У нихъ сохранилось много интересныхъ преданій, связанныхъ съ нимъ, въ которыхъ онъ рисуется кузнецомъ, плотникомъ, также врачомъ, законовѣдомъ, музыкантомъ, поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воиномъ, См. соч. Кашиньевскаго, стр 172.

Сер.

прозвищами или эпитетами. Особенно часто повторяются <u>B. lenus</u>, <u>Borvo</u>, <u>Grannus</u>. Имена эти иногда встрѣчаются отдѣльно и потому нужно думать, что они обозначали отдѣльныя божества, родственныя съ римскимъ Аполлономъ, которыя постепенно слились съ его образомъ или притянулись къ нему. Наиболѣе распространенное соединеніе есть <u>Apollo-Belenus</u>. Изображенія этого бога на барельефахъ въ видѣ свѣтлаго юноши, жертвы ему приносимыя, состоявшія изъ хлѣбныхъ колосьевъ и древесныхъ плодовъ, обнаруживаютъ въ немъ божество солнечнаго происхожденія. Еще въ III в. по Р. Х. въ совершенно римскомъ городѣ Аквилеѣ (въ сѣверо-восточной Италіи) почитали Белена, прямо сопоставляя его съ Аполлономъ. Римскій поэтъ Авзоній упоминаетъ о культѣ Белена въ Нормандіи въ IV в. по Р. Х. Такого же солнечнаго происхожденія и <u>Borvo</u>, имя котораго иногда упоминается отдѣльно, но также часто присоединяется къ имени Аполлона. Борвону поклонялись въ собственной Галліи, какъ богу цѣлителю. Ему принадлежали цѣлебные источники и травы. Какъ богъ теплыхъ ключей, онъ сообщилъ наименованіе свое нѣкоторымъ мѣстностямъ во Франціи, напр. <u>Bourbon</u> (отъ <u>Borvo</u>) <u>l'Archambault</u>, <u>Bourbon-Lancy</u>, <u>Bourbonne-les Bains</u>. Имена эти сохраняются до сихъ поръ, (первое дало названіе фамиліи <u>Бурбоновъ</u>). Слово Аполлонъ ясно видно въ такихъ названіяхъ, какъ <u>Poligny</u>, <u>Polignac</u>.

Съ Аполлономъ же часто сопоставляется на надписяхъ еще богъ <u>Grannus</u>. Его имя

Сод.

встрѣчается въ географическихъ названіяхъ мѣстностей, также славившихся цѣлебными теплыми и источниками, любимыхъ во владычество Галло-Римлянъ и мѣстахъ купанья, напр. Ахенъ носилъ названіе Aquae Granni (x). Эпитетъ Гранна иногда употребляется и абсолютно въ значеніи Аполлона. Связь Белена, Гранна и Борвона съ греко-римскимъ Аполлономъ ясны, хотя сопоставленіе Аполлона съ нѣсколькими галльскими богами указываетъ на туманность Кельтской миѳологіи: опредѣленныхъ фигуръ боговъ въ ней не было — однѣ и тѣ же силы природы олицетворялись въ нѣсколькихъ образахъ.

Въ честь бога Белена устраивались солнечныя празднества, о которыхъ сохранилось воспоминаніе у Ирландскихъ Кельтовъ. Въ одной глоссѣ (объясненіи) въ старомъ словарѣ Кормака (Ирландскомъ памятникѣ IX в.) сообщается, что Кельты той мѣстности имѣли бога Біала, которому посвященъ былъ праздникъ Белтена, что значитъ — огонь Біала. Въ этотъ день друиды распѣвали громко магическія пѣсни, зажигали два костра, между которыми должны были проходить стада животныхъ, и это предохраняло скотъ на цѣлый годъ отъ заразы. О Белтиніяхъ, праздновавшихся весною 1го мая, сохранилась очень хорошая память въ народныхъ пре-

(x) Нѣкоторыя и другія мѣстности въ юго-восточной Франціи и до сихъ поръ славящіяся минеральными водами, сохранили въ своихъ географическихъ названіяхъ воспоминаніе о Гранна. См. соч. Василевскаго стр. 173.

Изм.

данiяхъ, обрядахъ, суевѣрiяхъ и поговоркахъ Ирландiи и вообще Кельтическихъ странъ острова. Отсюда видно, что это былъ торжественный праздникъ въ честь солнца и огня, соотвѣтствующiй римскимъ Палилiямъ и отчасти нашему Юрьеву дню. Въ центральномъ пунктѣ Ирландiи, въ городѣ Уизнекъ (Uisneeh), въ этомъ праздникѣ Кельтскаго Волоса собиралась прежде большая народная сходка, соединявшаяся съ ярмаркою; тутъ разбирались судебныя дѣла; женщины отыскивали себѣ женiховъ или лучше новыхъ мужей на предстоящiй годъ, такъ какъ въ Ирландiи были въ обычаѣ браки, заключаемые на такой краткiй срокъ. Въ этомъ праздникѣ Белена нельзя тутъ не замѣтить сходства съ праздникомъ лѣтняго солнцестоянiя въ различныхъ и другихъ мѣстахъ; это сходство еще болѣе увеличивается принадлежностью Белену разныхъ цѣлебныхъ травъ, и растенiй, собираемыхъ съ прiемами таинственности и волшебства въ опредѣленные для того сроки.

Спутницею <u>Горвона</u> (<u>Borvo</u>) часто является богиня <u>Дамона</u>, а спутницей <u>Аполлона</u>-<u>Sirona</u>-богиня здоровья и, можетъ быть, земледѣлiя и плодородiя, потому что изображалась она съ такими аттрибутами, какъ хлѣбные колосья и виноградная лоза.

Однимъ изъ слѣдующихъ боговъ, которыхъ упоминаетъ Цезарь, <u>Марсъ</u> съ эпитетами Camulus, Segomo и др. нашимъ обыкновенно

галльское названіе Тейтата, Многія надписи посвящены Marti-Teutati. Эпитетъ Camulus сохранился въ названіи первой римской колоніи въ Британіи, здѣсь около 50 г. по Р. Х. основанъ былъ городъ Camulodunum (нын. Кольчестеръ). Видимо и Camulus иногда встрѣчается какъ отдѣльное божество. Спутница Марса-Nemetona (или Nemona), извѣстная въ Ирландіи, какъ военная фурія, играющая важную роль въ народныхъ сказкахъ. Кромѣ выше приведенныхъ эпитетовъ, подъ которыми Марсъ почитался во всей Галліи, онъ носитъ еще нѣкоторыя мѣстныя названія, какъ видно изъ надписей. Минерву, божество луны, галлы почитали подъ именемъ Belisama или Belisantia.

Остается найти галльскаго Юпитера. этотъ богъ названъ только у Лукіана подъ именемъ Тараниса. Въ надписяхъ это имя также встрѣчается въ соединеніи съ именемъ Юпитера, въ видѣ Jovi-Taranuco, Deo-Taranuco, Jovi-optimo-maximo-Tarano это небесное божество и вмѣстѣ съ тѣмъ самый мрачный и жестокій галльскій богъ, что свидѣтельствуетъ о суровости галльской религіи. Можно полагать, что это былъ богъ грома и молніи, что указывается найденными статуэтками, гдѣ онъ представленъ съ молоткомъ въ рукѣ, а это обыкновенно символъ молніи, да и само галльское слово taran. значитъ молотъ. Предполагаютъ, что въ ближайшей связи съ Таранисомъ на-

ходились нѣкоторыя деревья, какъ дубъ и развивающееся на нихъ извѣстное чужеядное растеніе на дубахъ, знаменитая „омела" (viscus, le gui de chêne), собиранію которой друиды придавали такое большое и таинственное значеніе.

Кромѣ указанныхъ боговъ у двухъ римскихъ писателей и на одномъ любопытномъ памятникѣ встрѣчается названіе еще одного галльскаго бога, очевидно занимавшаго первостепенное мѣсто въ кельтскомъ Пантеонѣ, такъ какъ писатели сопоставляютъ его съ Тейтатомъ, Марсомъ и Тараномъ-Юпитеромъ. Вмѣстѣ съ этими двумя богами онъ имѣлъ кровавую привилегію человѣческихъ жертвъ и назывался Езусомъ. „Жестокою кровью, говоритъ Луканъ въ „Фарсалидѣ" (I, 445) удовлетворяются суровый Тейтатъ (Teutates) Езусъ (Hesus) и Таранисъ". Лактанцій, называя Езуса и Тейтата, прямо утверждаетъ, что имъ приносились человѣческія жертвы. Въ 1711 году, когда производились раскопки подъ клиросомъ собора Парижской Богоматери, найдены были посвятительные камни, поставленные еще при Тиберіи цехомъ извѣстною артелью перевозчиковъ черезъ Сену (nautae Parisiaci). На этихъ каменныхъ плитахъ сохранились барельефы, изображающіе различныхъ галльскихъ боговъ. Фигура, вооруженная сѣкирою, названа здѣсь Езусомъ.

Нѣтъ данныхъ, чтобы судить точно, представленіе о какой силѣ соединялось съ

M. lob.

-знымъ богомъ; но по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ различныхъ памятникахъ, нужно думать, что это одинъ изъ главныхъ боговъ.

Такимъ образомъ самые выдающіеся, главные, наиболѣе распространенные образы галльскаго Олимпа это Тейтатъ, Таранисъ и Езусъ. Мы можемъ предположить, что они то изображаются на барельефахъ въ видѣ такъ называемыхъ галльскихъ тріадъ (троицъ) (x), которыхъ довольно часто находимъ на памятникахъ. Они состоятъ изъ изображенія трехъ боговъ вмѣстѣ. Иногда встрѣчаются изображенія одного, но трехголоваго божества (трикефалія) или комбинація того и другого, т.е. трехъ боговъ, при чемъ средній является съ тремя головами (трикефалія и тріада). Предположительно можно сказать, что на тріадахъ изображаются именно 3 главныхъ божества: Тейтатъ, Таранисъ и Езусъ, хотя утверждать этого нельзя, потому что у писателей древности по этому вопросу нѣтъ указаній, и надписи не даютъ ихъ. По поводу одной, особенно любопытной найденной такой скульптурной группы барельефа недавно написалъ изслѣдованіе о трикефаліяхъ и тріадахъ А. Бертранъ (xx). Онъ обратилъ вниманіе на изображенія тріадъ и говоритъ, что главный центральный богъ представленъ съ тремя

(x) Подобнаго рода изображенія есть и на Парижскомъ памятникѣ, о которомъ мы только что упоминали.

(xx) Въ Revue archéologique, за 1880.

В. К[illegible]

головами и ногами, сложенными на крестъ - обычно венная поза восточныхъ боговъ буддійской религіи. Есть и другіе аттрибуты и детали въ такихъ тріадахъ, въ которыхъ чувствуются какія то не очень отдаленныя вліянія религіозной традиціи Востока, - Персіи, Индіи. Это любопытное изображеніе наталкиваетъ мысль на многіе интересные вопросы о происхожденіи кельтской религіи. Но они пока остаются темными.

Изображенія эти всѣ относятся къ римскому времени, и нѣкоторыя даже сдѣланы римскими и греческими художниками, но идея ихъ должна быть древнею и Кельтскою и можетъ быть связана съ таинственными восточными культами съ индійскими мистеріями. Общій характеръ культа этихъ главныхъ боговъ былъ кровавый, что придаетъ мрачный колоритъ всей кельтской религіи. Это впрочемъ общая особенность первобытныхъ и арійскихъ религій. О человѣческихъ жертвахъ упоминаютъ многіе источники. Приносили въ жертву во первыхъ военно-плѣнныхъ, иногда согласно съ обычаемъ, заранѣе даннымъ передъ сраженіемъ богу войны, Марсу, Тевтату. Этотъ суровый обычай не чуждъ былъ и прочимъ индо-европейскимъ народамъ, между ними Германцамъ. У Литовцевъ, которые дольше всѣхъ соплеменниковъ отстаивали свое язычество, онъ держался еще въ XIV в, когда они приносили еще въ жертву богамъ плѣнныхъ рыцарей Литовскаго ордена. Кромѣ того у Кельтовъ было въ обычаѣ зако-

лать передъ алтарями боговъ или же сожигать злодѣевъ и преступниковъ. Такого рода жертвы считались угодными между прочимъ и тому богу, отъ котораго зависѣло плодородіе земли и урожай даннаго года. Цезарь однако дѣлаетъ замѣчаніе, что въ случаѣ недостатка преступниковъ закалали и невинныхъ. Далѣе прямо сказано, что жертва иногда требовалась для отвращенія гнѣва боговъ, выразившагося въ какомъ-нибудь несчастномъ бѣдствіи. Позднѣйшія сказанія и легенды сообщаютъ объ избіеніяхъ плѣнниковъ для прекращенія болѣзни и заразы, о принесеніи въ жертву дѣтей для прекращенія заразы и неурожая. Но не только общественныя, а также частныя бѣдствія предупреждались у Галловъ такимъ путемъ человѣческаго жертвого или обѣщаніемъ ея (при опасеніи болѣзни, смерти на войнѣ и т. д.).

Литерат. Руднева нов. перд. 5 к. 46.

Во всѣхъ странахъ Европы распространены повѣрья, преданія, легенды, указывающія на необходимость человѣческой жертвы при постройкѣ новаго дома. Разсказывается о кропленіи основанія кровью животныхъ, о закладываніи въ стѣну живой дѣвушки и т. д. Наконецъ говорится о добровольномъ принесеніи себя въ жертву родственниковъ умершаго и о самосожиганіи на одномъ кострѣ съ его трупомъ. Римлянамъ не чужды были воспоминанія о человѣческихъ жертвахъ, никогда совершавшихся для спасенія государства (x)

(x) Отмѣнены были въ Римѣ лишь въ 97 г. до Р. Х.
Ист. Средн. вѣков. Т. I. Лит. В. Ген.

но они особенно поражают многочисленностью ихъ въ Галліи и ужасными способами исполненія: плѣнные и находившіеся въ продолженіе извѣстнаго срока пре-ступники сожигались цѣлыми массами. Изъ дре-весныхъ вѣтвей приготовляли колоссальной ве-личины фигуры, члены ихъ наполнялись живыми людьми, а также скотомъ и звѣрями, потомъ фи-гуры зажигались, и охваченные пламенемъ люди и животныя погибали. Отдѣльныхъ лицъ закалы-вали съ разными пріемами сами жрецы, поль-зуясь своею жертвою для разнаго рода гаданій о будущемъ по ея предсмертнымъ судорогамъ и т. д. Любопытные остатки ужаснаго обряда, дол-го державшіеся во Франціи. Описанныя Цезаремъ чучела, сплетенныя изъ ивовыхъ вѣтвей употреб-лялись тамъ до нашего времени въ день Ивана Ку-пала, только людей замѣнили животными: кошками, собаками, лисицами, волчатами. Въ Парижѣ эти обычаи были уничтожены толь-ко въ началѣ царствованія Людовика XIV. Можно думать, что и со времени Юлія Цезаря всесож-женія людскія совершались именно въ томъ праздникѣ лѣтняго солнцестоянія, который потомъ превратился въ Ивановъ день.

Если культъ главныхъ боговъ прида-валъ религіи Кельтовъ особенно суровый и мрач-ный характеръ, то была въ ней и другая сто-рона, ясная, свѣтлая, радостная, мягкая и человѣч-ная. Такимъ именно культомъ почитался ма

лый галльскій Олимпъ"(1). Кромѣ общихъ боговъ, имѣвшихъ общенаціональное значеніе, у Галловъ было еще много мѣстныхъ божествъ. Эти наполняли водилища, долины, горы и стояли гораздо ближе къ человѣку, находились къ нему въ болѣе постоянныхъ и въ то же время болѣе интимныхъ отношеніяхъ. Важно отмѣтить эту сторону кельтскихъ вѣрованій, такъ какъ въ сущности характеръ религіозныхъ воззрѣній народа опредѣляется не столько того высшего, сколько этого низшего миѳологіего; первая больше находится въ рукахъ жрецовъ, послѣдняя прямо развивается въ народѣ. Какъ и другіе Арійцы Кельты легко превращали предметы и явленія въ живыя божественныя существа. Каждая мѣстность, каждый источникъ получали своего генія. Арденскій лѣсъ былъ посвященъ богинѣ Ардуинѣ; Черный лѣсъ (Шварцвальдъ) богинѣ Абнобѣ; есть надписи, свидѣтельствующія о почитаніи Вогезовъ — лѣса или самыхъ горъ; встрѣчаются благодарственныя посвященія „шести деревьямъ" и „семи дубовъ". Рѣки тоже были предметомъ культа, что видно изъ надписей напр. Deae Sequanae (богинѣ Сенѣ) и т. п. Озерамъ приносились жертвы въ Галліи еще во время Григорія Турскаго. Города и поселенія тоже были божествами, т. е. имѣли своихъ геніевъ, которые носили ихъ имена и были предметомъ почитанія. Наиболѣе было распространено почита-

(1) Въ ст. В. Г. Васильевскаго (стр. 180–8) сдѣланъ прекрасный очеркъ этой стороны кельтской религіи, изъ котор. я и выбираю факты.

ніе водныхъ источниковъ; водные духи-обыкновенно женскаго пола-считались благодѣтельными друзьями человѣка; они исцѣляли болѣзни, облегчали страданія избавляли отъ всякихъ бѣдъ. До сихъ поръ многіе источники посѣщаются поселянами съ цѣлью получить избавленіе отъ болѣзни, обезпечить здоровье дѣтей, благосостояніе скота и хорошую жатву. Такъ дѣлали еще галлы до Римлянъ, потомъ романизованные Галло-Римляне, которые ходили къ источнику пить воду, чтобы прогнать лихорадку, приносили богинѣ яйцо, монету, свой ножъ, и уже научились дѣлать изображенія водныхъ богинь. Культъ этотъ черезъ средніе вѣка прошелъ и въ наше время.

Не менѣе дружелюбный и свѣтлый характеръ имѣли другія женскія божества, извѣстныя подъ именемъ Богинь-матерей Deae matres, Deae-matronae, déesses-mères. Культъ ихъ явно былъ народнымъ, чисто народнымъ вѣрованіемъ. Сопоставленіе ихъ съ классическими „парками", встрѣчающееся на нѣсколькихъ памятникахъ не имѣетъ больше значенія, чѣмъ отожествленіе другихъ (великихъ) кельтскихъ боговъ съ римскими божествами: парки, если и имѣютъ, то очень отдаленное сходство съ ними. Богини-матери, подобно паркамъ, изображаются втроемъ и обыкновенно представляются на барельефахъ въ видѣ молодыхъ женщинъ съ выраженіемъ благосклоннымъ и серьезнымъ; одѣтыхъ въ длинные одежды съ широкими складками, сидящія обыкновенно въ си-

дячемъ положеніи, съ плодами или цвѣтами въ ру-
кахъ, съ дитятею или нѣсколькими на колѣняхъ;
впрочемъ есть памятники, на которыхъ всѣ три
стоятъ и держатъ въ рукахъ плоды или цвѣты.
Означенные атрибуты даютъ право разсматри-
вать матерей какъ божества полевыя, прино-
сящія обиліе и урожай, представляющія произво-
дительную силу природы. Онѣ заставляютъ со-
зрѣвать жатву, онѣ также заботятся о про-
долженіи семьи и рода, о благосостояніи городовъ
и общинъ. Богини-матери, находящіяся въ очевид-
номъ родствѣ съ богинями источниковъ и часто
призываемыя подобно имъ къ извѣстному мѣс-
ту - Matribus Treviris (въ Трирѣ), Matrebo Namau-
sicabo (въ Нимѣ), - были любимыми геніями галль-
скаго народа; громадная популярность ихъ
культа засвидѣтельствована числомъ памят-
никовъ, посвященныхъ имъ въ древности и проч-
ностью воспоминаній, сохранившихся объ ихъ
культѣ въ настоящемъ. Ихъ почитаніе было
распространено болѣе или менѣе въ чистомъ
видѣ въ римскую эпоху. Въ средніе вѣка онѣ пре-
вратились въ добрыхъ госпожъ, въ бѣлыхъ жен-
щинъ, les bonnes dames, les dames blanches, въ бла-
годѣтельныхъ фей, живущихъ въ гротахъ,
въ развалинахъ замковъ, покровительствую-
щихъ слабому противъ несправедливыхъ при-
тѣсненій сильнаго, наводящихъ страхъ своимъ
появленіемъ на ночныхъ грабителей и злодѣевъ.
До сихъ поръ народъ относится съ глубокимъ
почтеніемъ къ „чернымъ Дѣвамъ" (vierges noires),

къ деревяннымъ статуэткамъ, представлявшимъ изображеніе сидящей женщины, съ покрываломъ на головѣ и съ младенцемъ или нѣсколькими на колѣняхъ. Эти почернѣвшія отъ долгаго пребыванія въ землѣ изображенія древней богини, отчасти вслѣдствіе сходства позы, принимались за чудотворныя, вновь обрѣтенныя древнія изображенія Богородицы, и такимъ образомъ богини-матери снова получали поклоненіе въ католическихъ церквахъ, основанныхъ часто на мѣстахъ языческаго почитанія.

Вотъ то немногое и отрывочное, что можно сказать съ большей или меньшею достовѣрностью.

---

2. Друиды.

Чтобы дополнить и закончить нашъ краткій очеркъ о религіи Кельтовъ, дадимъ нѣсколько свѣдѣній о жреческомъ ихъ сословіи, о знаменитыхъ друидахъ. Друиды были интереснымъ какъ религіознымъ, такъ и соціальнымъ явленіемъ въ Кельтскомъ быту и потому то они давно привлекаютъ вниманіе наблюдателей и ученыхъ. О нихъ много говорили и древніе писатели, и новые изслѣдователи, приписывая имъ не только жреческое значеніе, но и какое то глубокое таинственное знаніе, оригинальное вѣроученіе и сложную и возвышенную философскую доктрину. Къ сожалѣнію немало фантазій внесено было

въ изображеніе кельтскаго друидизма, чѣмъ очень затруднена была возможность дать о нихъ ясное представленіе, что и безъ того трудно, вслѣдствіе недостаточности и неясности источниковъ.

Главнымъ нашимъ руководителемъ при сужденіи о друидахъ является все тотъ же Юлій Цезарь, который подробно говоритъ о нихъ въ двухъ главахъ (13-14) VI книги своего сочиненія о Галльской войнѣ. Изложу прежде всего разсказъ Цезаря, а потомъ сдѣлаю нѣсколько добавочныхъ толкованій. Въ подробности уже нѣтъ времени входить.

Цезарь сообщаетъ, что въ Галліи есть два класса, имѣющіе преобладающее соціальное значеніе, — это друиды и всадники. Друиды завѣдуютъ богослуженіемъ, совершаютъ общественныя и частныя жертвоприношенія, объясняютъ религіозныя преданія. Къ нимъ толпами сходится молодежь, чтобы учиться, и они пользуются у Галловъ большимъ почетомъ. Они разбираютъ всѣ общественные и частные процессы, будь это уголовныя преступленія, напр. убійство, либо простыя тяжбы изъ за наслѣдства или владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, и назначаютъ вознагражденія и пени. И если либо частный человѣкъ, либо цѣлое племя не повинуется ихъ опредѣленіямъ, то они подвергаютъ виновнаго отлученію отъ культа. Это для галловъ самое тяжкое наказаніе, потому что отлученные признаются всѣми за нечестивыхъ и преступныхъ людей, всѣ ихъ сторонятся, избѣгаютъ встрѣчи съ ними и разговора, — изъ опасенія, чтобы ихъ прикосновеніе не

См.

пришло какое несчастіе. Они стоятъ внѣ закона, для нихъ закрытъ доступъ ко всякимъ почестямъ. Во главѣ друидовъ стоитъ одинъ, пользующійся среди прочихъ по-жизненно верховной властью. Когда онъ умираетъ, ему наслѣдуетъ достойнѣйшій изъ среды всѣхъ друи-довъ. Если есть нѣсколько равныхъ, между ними производится выборъ голосованіемъ друидовъ, иног-да же вопросъ о главенствѣ рѣшается оружіемъ. Въ опредѣленное время года друиды собираются на съѣздъ въ извѣстное священное мѣсто въ стра-нѣ Карнутовъ (нынѣшній Шартръ) въ центрѣ Гал-ліи. Туда же сходятся всѣ, у кого есть тяжбы, предлагаютъ ихъ на судъ друидовъ и покорно по-винуются ихъ рѣшеніямъ. Вѣроученіе друидовъ возникло въ Британіи и оттуда, какъ говорятъ, перенесено въ Галлію. Въ Британію и теперь от-правляются тѣ, которые хотятъ ближе и точ-нѣе его изучить. (Зги) Друиды не платятъ податей, освобождены отъ военной службы и избавлены отъ всякихъ другихъ повинностей. Прельщаясь такими важными привилегіями, многіе приходятъ къ нимъ для обученія и по своей волѣ и посылае-мые родителями и другими родными. Друиды заставляютъ ихъ заучивать множество сти-ховъ и время ученія иногда продолжается до 20-ти лѣтъ. Они не считаютъ возможнымъ передавать письму свою науку, хотя во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ общественнаго и частнаго характера не избѣгаютъ пользоваться греческимъ алфавитомъ. Вѣроятно, догадывается отъ себя Цезарь, они со-блюдаютъ эту тайну по двумъ причинамъ: хо-

ы ученіе не распространялось въ народѣ, и чтобы ученики, надѣясь на письмо, не стали пренебрегать упражненіемъ памяти. Друиды въ особенности стараются распространить убѣжденіе, что душа не уничтожается послѣ смерти, но переходитъ изъ одного тѣла въ другое. Они полагаютъ, что это убѣжденіе, внушая презрѣніе къ смерти, всего лучше можетъ содѣйствовать возбужденію мужества. Они также много разсуждаютъ о звѣздахъ и ихъ движеніи, о протяженіи земли и міра, о природѣ вещей, о силѣ и могуществѣ безсмертныхъ боговъ и преподаютъ все это юношеству.

Таковъ, почти дословно приведенный нами, разсказъ Цезаря, изъ котораго получается довольно отчетливая картина. Видно, что друиды были нетолько представителями <u>культа</u>, но имѣли также могущественную <u>политическую</u> организацію и <u>общественную</u> силу. Они не составляли касты въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.к. пополнялись извнѣ. Но пополненія эти происходили съ строгимъ выборомъ, и такимъ образомъ получалась все таки замкнутая корпорація, съ монархическимъ устройствомъ, которая во главѣ имѣла выборнаго пожизненно верховнаго жреца, пользовавшагося громаднымъ значеніемъ и вліяніемъ. Эта власть „выбраннаго первосвященника" и упоминаемое Цезаремъ „право интердикта" (отлученія) заставило <u>Моммсена</u> придать черезчуръ большое значеніе корпораціи друидовъ и считать ее, какъ органъ религіозно-національнаго объединенія го-

литически раздробленной Галліи.

„Кельтское жречество, говоритъ онъ (Римская Исторія III, 195), несомнѣнно соединяло Британскіе острова и всю Галлію, а можетъ быть, и другія кельтскія страны одной общей религіозно національной связью." — Указавъ затѣмъ на религіозную организацію друидовъ и ихъ гражданскія привилегіи, Моммсенъ прибавляетъ, что значеніе ихъ усиливалось тѣмъ, что „они имѣли внутреннюю общину, которая въ отношеніи мелочной набожности и слѣпого повиновенія жрецамъ не уступала ни въ чемъ позднѣйшимъ ирландцамъ...." „Понятно, что подобное жречество старалось захватить и отчасти захватило въ свои руки и свѣтскую власть," — руководство выборами, лишеніе гражданскихъ правъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общинъ, юрисдикцію, притязаніе на рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. Указывая на такое огромное религіозное и политическое значеніе друидовъ, Моммсенъ заключаетъ, что корпораціи друидовъ „было не далеко до церковнаго государства съ папою и соборами, съ клерикальной свободой отъ повинностей, отлученіями и духовными судами; только это церковное государство не отрекалось, какъ позднѣйшее римское, отъ всякаго принципа народности, но было, напротивъ, прежде всего національнымъ."

Сопоставленіе друидизма съ католицизмомъ и папствомъ, которое дѣлаетъ Моммсенъ, слишкомъ смѣло и произвольно. Но во всякомъ случаѣ нужно думать, что въ дру-

Сод.

повидимому были зародыши богатой духовной и соціальной жизни, которая могла придать своеобразный характеръ кельтской культурѣ, если бы ей суждено было самостоятельно развиться.

Чтобы дополнить вышеприведенный разсказъ Цезаря о друидахъ, намъ надо еще разобрать вопросъ о происхожденіи и распространеніи друидизма. Опредѣлить послѣднее болѣе или менѣе возможно. Друидизмъ существовалъ лишь въ Британіи и собственной Галліи (Celtica, Gallia comata) Слѣдовъ его не находимъ ни за Пиринеями, ни въ Цизальпинской Галліи, ни на Дунаѣ т. е. ни въ позднѣйшихъ, ни въ древнѣйшихъ мѣстностяхъ изъ занятыхъ Кельтами въ Западной Европѣ. Стало быть надо предположить, что это религіозное явленіе развилось у Галловъ въ довольно поздній періодъ и существовало въ IV и V вв. до Р. Х., можетъ быть, только въ самомъ зародышѣ.

Интересно бы знать, самостоятельно ли возникъ и развился друидизмъ внутри кельтской націи, или же онъ былъ заимствованъ Кельтами у какого-нибудь племени? На этотъ вопросъ ученые отвѣчаютъ различно: D'Arbois de Jubainville[x] напримѣръ предполагаетъ, что друидизмъ есть явленіе, развившееся внутри Кельтской расы въ Британіи и оттуда перешедшее на континентъ; онъ высказывалъ прежде, что Галлія была просвѣщена друидизмомъ незадолго до времени Цезаря, въ послѣднее время онъ сталъ утверждать, что дру-

(x) См. Introductions a l'étude de la litterature celtique (P. 1883.)

культъ уже былъ извѣстенъ въ Галліи въ IV в.. Но другіе французскіе и англійскіе ученые (x) высказываютъ иное предположеніе, что друидизмъ былъ особенностью религіи _до-кельтскаго_, _неарійскаго_ населенія западной Европы (напр. Лигурійскаго), народовъ, строившихъ дольмены. Кельты нашли будто бы друидизмъ и въ Галліи и въ Британіи, какъ общую религію первобытнаго населенія отъ Балтики до Гибралтара. Онъ, конечно, былъ гораздо грубѣе у этихъ народовъ, имѣя характеръ кудесничества. Кельты постепенно усвоивали друидизмъ отъ этихъ предшественниковъ, и уже въ ихъ средѣ онъ мало по малу выработался въ оригинальное, національное религіозное ученіе. Такъ что лишь зародыши этого жречества могли быть принесены древними безымянными обитателями Европы съ далекаго востока. Такимъ образомъ въ новомъ только свѣтѣ и смыслѣ возобновляется здѣсь гипотеза о дольменахъ," какъ „друидическихъ памятникахъ". Эти памятники связаны съ культомъ несомнѣнно, можетъ быть, даже съ друидическимъ культомъ, только этотъ друидизмъ будетъ не кельтскій, а до-кельтскій. Такая гипотеза происхожденія друидизма очень естественна, вѣроятна и заманчива, такъ какъ она многое разъясняетъ, но все же это только гипотеза, и подтвердить ея достаточными данными невозможно.

Главная функція друидовъ была, конеч-

x) См. _Belloguet_. Ethnogénie gauloise, _Rhys_. Celtic britain, 1882 _Elton_, Origin of english history. 1882.

но, жреческая. Они - посредники между людьми и богами. Никакое богослуженіе безъ нихъ не обходится. Они совершаютъ жертвоприношенія и руководятъ теми страшными человѣческими жертвами, о которыхъ разсказываетъ Цезарь.

При жертвоприношеніяхъ и богослуженіи имъ помогали низшіе жрецы, которыхъ классическіе писатели называютъ μάντεις (прорицатели у Діодора) и vates (οὐάτεις Страбонъ); латинское слово, обозначающее этихъ послѣднихъ есть Eubages (Оно встрѣчается у Аммиана Марцеллина). Это второстепенный, подчиненный слой жречества въ Галліи: въ немъ видятся признаки жреческой іерархіи.

Кромѣ того и въ тѣсной зависимости отъ своихъ жреческихъ обязанностей, друиды являлись магами, кудесниками, гадателями (x), знахарями и врачами людей и животныхъ (xx)

(x) Цицеронъ разсказываетъ въ своемъ трактатѣ De divinatione, что даже варварскіе народы занимаются гаданіями; такъ въ Галліи есть "друиды" Онъ самъ зналъ одного изъ нихъ. Эдуя Дивитіака, который утверждалъ о себѣ, что знаетъ законы природы и предсказывалъ будущее отчасти посредствомъ птицъ, отчасти по догадкѣ. Друиды гадали и при помощи человѣческихъ жертвъ.

(xx) Плиній Старшій (писатель 2ой половины I го в. по Р. Х.) въ своей естественной исторіи, которая писалась уже тогда, когда политическое и религіозное значеніе друидизма въ Галліи клонилось уже къ паденію, вслѣдствіе столкновенія съ римскимъ вліяніемъ и властью, говоритъ, что въ его время друиды удержали за собой изъ прежнихъ своихъ функцій, главнымъ

Кур-

соединение этихъ обязанностей въ одномъ лицѣ очень часто встрѣчается у народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія. — Эта первоначальная форма друидизма въ видѣ жречества, соединеннаго съ магизмомъ, довольно долго сохранялась въ средневѣковой Ирландіи. Въ Ирландскихъ филѣ (они ~~[illegible]~~ также были и судьями) Arbois de Jubainville видитъ ни что иное, какъ потомковъ древнихъ друидовъ.

Выработавъ въ себѣ сильную религіозную <u>организацію и пріобрѣтя могущественное вліяніе</u> образомъ знахарство и занятіе медициной. Въ связи съ этимъ находилось почитаніе „омели" (gui, viscus) и другихъ чудесныхъ растеній. „Чужеядныя растенія на дубахъ, разсказываетъ Плиній, друиды считаютъ за даръ, ниспосланный съ небо- и за признакъ дерева, избраннаго самимъ богомъ. Они называютъ омелу именемъ, которое значитъ <u>панацея</u> (всеобщее лекарство). Они думаютъ, что омела, принятая въ питье, сообщаетъ плодовитость всякому безплодному животному и что она можетъ служить лекарствомъ противъ всякихъ ядовъ". „Очень рѣдко, отмѣчаетъ онъ, удается находить омелу, а по отысканіи ее снимаютъ съ дерева съ великими религіозными церемоніями и прежде всего въ шестой день луны. Совершивъ, какъ слѣдуетъ, подъ самымъ деревомъ жертвоприношеніе и пиршества, подводятъ двухъ быковъ бѣлаго цвѣта, рога которыхъ тогда впервые только связываются. Жрецъ въ бѣлой одеждѣ взлѣзаетъ на дерево и срѣзаетъ омелу золотымъ серпомъ; принимается она въ бѣлый плащъ. Затѣмъ приносятъ въ жертву быки съ моленіемъ, чтобы богъ сдѣлалъ свой даръ счастливымъ для тѣхъ, кому далъ его". Въ древнѣйшихъ эпическихъ сказаніяхъ Ирландіи сохранились слѣды медицинской репутаціи друидовъ.

Ша

на уми, друиды постепенно захватили въ свои руки и разныя функціи свѣтской власти. Мы видимъ ихъ въ разсказѣ Цезаря занимающими важное мѣсто въ судебномъ устройствѣ Галліи. Трудно разобрать въ полности судебныя права друидовъ и ихъ отношеніе къ свѣтской судебной власти, но ясно, что и тутъ они играли важную роль. Утративъ жреческое значеніе подъ вліяніемъ Рима, а потомъ христіанства они долго сохранили свое значеніе судейской корпораціи не въ Галліи, гдѣ исчезли довольно рано вслѣдствіи дѣятельнаго преслѣдованія Римской власти, но въ отдаленной Британіи и Ирландіи, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ подъ именемъ <u>Брегоновъ</u>. Эти брегоны, мы видѣли, руководятъ тамъ юриспруденціей и составляютъ сборники законовъ еще въ V в. по Р. Х. Они являются тамъ хранителями священныхъ формулъ древняго права, долго передававшихся устно, „по наслышкѣ" изъ поколѣнія брегоновъ въ поколѣніе. Такимъ образомъ функціи друидовъ съ теченіемъ времени диффиренцировались, при чемъ жреческая исчезла раньше, судейская же продержалась дольше.

Помимо того, что друиды были жрецами, гадателями, знахарями и судьями, они были еще <u>учеными</u> и вмѣстѣ съ тѣмъ <u>учителями юношества</u>. Классическимъ писателямъ они представлялись хранителями особой темной доктрины, особой „теологіи" очень будто бы глубокой, носившей темный характеръ, но свидѣтельствовавшей о довольно вы-

сок

около нихъ философскимъ развитiи (*) Конечно, это мнѣнiе невѣрно, и надо противъ него предостеречь: древнiе создали его по общему предразсудку по которому „все неизвѣстное необыкновенно" (omne ignotum pro magnifico) совсѣмъ не зная ученiя друидовъ. Но замѣчательно, что и въ недавнее время нѣкоторые ученые (напр. Мишле) повторяли его за ними.

Сущность ученiя друидовъ по Цезарю сосредоточивалась около ихъ вѣрованiя въ переселенiе душъ (метемпсихоза). Но, кажется, Цезарь невѣрно понималъ ихъ ученiе, сами же друиды вѣрили не въ переселенiе душъ, а только въ индивидуальное безсмертiе. Подтвержденiе этого мнѣнiя мы имѣемъ и у другихъ писателей; Луканъ такъ говоритъ о друидахъ: „Вамъ однимъ (друидамъ) дано знать или не знать боговъ и величiе неба; по вашему ученiю не въ безмолвныя жилища Эреба и не въ блѣдное царство подземнаго Дита устремляются тѣни умершихъ; но въ другомъ мiрѣ тотъ же духъ управляетъ членами, и смерть есть только середина долгой жизни... Отсюда у мужей такая охота бросаться за оружiе и такая решимость умирать: было бы недостойно щадить жизнь, долженствующую возвратиться." Кромѣ Лукана и Валерiй Максимъ говоритъ въ томъ же смыслѣ. Онъ приводитъ оригинальный обычай галловъ давать другъ другу взаймы деньги съ условiемъ уплаты въ другомъ мiрѣ; это по

(*) Дiодоръ Сицилiйскiй напр. называетъ ихъ философами и даже сравниваетъ ихъ ученiе съ доктриною Пиѳагора. Тоже самое говоритъ Валерiй Максимъ.

объясненію самыхъ древнихъ основывалось на представленіи о безсмертіи и слѣдовательно тождественности души. Разсказъ того же Цезаря о погребальномъ обрядѣ Галловъ противорѣчитъ первому его предположенію галловъ въ переселеніе душъ. „Похороны, говоритъ онъ, сравнительно съ образомъ жизни галловъ вообще отличаются великолѣпіемъ и пышностью, и все, что было дорого умершимъ при жизни, въ томъ числѣ и животныя, бросаются въ огонь, а не задолго до нашего времени, по совершеніи всѣхъ похоронныхъ обрядовъ, сжигались вмѣстѣ рабы и кліенты, которыхъ наиболѣе любилъ умершій." Очевидно, что такого рода обряды основывались на томъ коренномъ и твердомъ религіозномъ убѣжденіи, что и въ будущей жизни люди будутъ нуждаться въ томъ же самомъ, въ чемъ нуждались въ настоящей. Душа и тутъ сохраняетъ свою тожественность, человѣческую форму. Галлу не понадобилась бы ни его лошадь, ни рабы, если бы душа его послѣ смерти переселялась въ животныхъ. Въ вѣроученіи друидовъ древнихъ наиболѣе поражала важность, которую тѣ придавали ученію о безсмертіи души. Нѣтъ ничего удивительнаго, что друиды и вообще Кельты вѣрили въ загробную жизнь; но какова была природа этого безсмертія, это остается неясно. Помпоній Мела, который писалъ сто лѣтъ послѣ Цезаря, ничего не прибавляетъ новаго, говоря только, что они учатъ, что „есть другая жизнь въ жилищѣ мертвыхъ."

Ист. Средн. вѣков. Ч. II. Лист 19. Ег.

Съ такими опроверженіями друидической мудрости не хотятъ согласиться кельтофилы. Генрихъ Мартенъ, напр., старался сопоставить съ друидизмомъ позднѣйшія средневѣковыя произведенія Кельтской Ирландской литературы. Такъ называемыя тріады (религіозныя изреченія), въ которыхъ идетъ рѣчь о переселеніи душъ и даже о единобожіи, и которыя онъ называетъ новодруидическими текстами (x) Но это названіе — просто фантазія кельтофиловъ. Они не имѣютъ прямой связи съ первоначальною кельтскою религіею. Эта такъ называемая ново-друидическая литература сама врядъ ли очень древняя (рукописи ея не восходятъ раньше XVI в.). Тексты были записаны какимъ-нибудь мѣстнымъ поэтомъ, который могъ не понимать ихъ смысла и внести въ запись много ложныхъ измышленій, такъ что первоначальная кельтская основа, вѣроятно, исказилась новѣйшими наслоеніями. Въ тріадахъ есть несомнѣнные слѣды христіанства и средневѣковой схоластики. Въ общемъ выводѣ надо сказать, что попытки приписать друидамъ глубокую философскую мудрость — неудачны. Можетъ быть, друиды и были уже на пути къ выработкѣ особенной теологической системы, но еще не дошли до нея и были пока только истолкователями народнаго культа.

Кромѣ друидовъ нѣкоторые классическіе писатели упоминаютъ еще о друидессахъ;

(x) См. cf Martin. Le mystère des bardes de l'île de Bretagne, въ его кн. Etudes d'archéologie celtique

Сол.

неизвѣстно, были ли это жены друидовъ (въ чемъ, впрочемъ, мало вѣроятія) или же женщины, посвященныя въ тайны друидическаго ученія, составлявшія коллегіи жрицъ. Впрочемъ, это самое названіе друидессъ встрѣчается только у позднѣйшихъ писателей. Разсказы о друидессахъ острова Sein (у западной оконечности Бретани), которыя предсказывали будущее и успокаивали бури, или колдуньяхъ горы Бмени (также въ Бретани), которыя могли превращать людей въ животныхъ, наконецъ о жрицахъ Луарскаго о-ва Намнетовъ, которыя растерзывали на части проникавшихъ къ нимъ мужчинъ, — очень сомнительны.

Съ друидами нельзя связывать и смѣшивать бардовъ, какъ дѣлаютъ многіе писатели. Барды, первоначально, вѣроятно, были народными пѣвцами, а потомъ даже обратились, такъ сказать, въ придворныхъ пѣвцовъ, представляя изъ себя нѣчто въ родѣ скальдовъ Германскаго сѣвера, и стояли совершенно отдѣльно отъ друидовъ. Считать ихъ вдохновенными прорицателями, поэтами истолкователями культа и отожествлять съ друидами нѣтъ основанія. Этимъ мы, собственно, закончимъ отдѣлъ о первобытномъ населеніи Европы. Галлія была завоевана Римлянами, и борьба съ друидизмомъ, также, какъ и съ другими своеобразно-національными учрежденіями кельтовъ (x), явилась однимъ изъ принци-

(x) См. по вопросу о друидахъ большую прекрасную статью въ Grande encyclopédie (подъ словомъ druide). Въ ней указана

Вся.

новъ политики Римлянъ. Къ анализу и оцѣнкѣ всемірно-исторической роли Римской имперіи мы теперь и обратимся; скажемъ только въ видѣ прибавленія нѣсколько словъ о характерѣ Кельтовъ.

Литература о друидахъ. Объ ~~исч~~ исчезновеніи друидизма хорошо говоритъ Fustel de Coulanges (Instit. I)

Характеръ Кельтовъ.

(Матеріалъ для психологіи кельтскаго племени)

Въ заключеніе описанія общественнаго и религіознаго строя Кельтовъ, попытаемся сгруппировать въ одно цѣлое нѣкоторыя черты кельтскаго племеннаго характера, которыя указываются древними писателями и новыми учеными (x)

Новые историки и мыслители, изучая съ одной стороны по древнимъ авторамъ и другимъ источникамъ нравы и темпераментъ Кельтовъ и съ другой наблюдая характерныя психологическія особенности современныхъ Французовъ, считающихъ себя потомками Кельтовъ, не могли не замѣтить большаго сходства между тѣми и другими. Основныя черты характера, нравственнаго и умственнаго типа, вкусы и стремленія Галловъ временъ Цезаря повторяются въ современныхъ Французахъ, сохраняются до нашихъ дней; несмотря на цѣлый рядъ крупныхъ переворотовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, совершавшихся на почвѣ Галліи впродолженіи послѣднихъ тысячелѣтій, Французы, говорятъ, остаются чистыми Галлами. Такое оригинальное проявленіе наслѣдственности въ области психической является тѣмъ болѣе удивительнымъ, что антропологическій типъ французовъ не галльскій, и допустить физіологическое сродство ихъ съ Кельтами можно лишь съ большими ограниченіями.

(x) Такая попытка сдѣлана проф. Васильевскимъ въ его статьѣ о Кельтахъ, которою мы и пользуемся. Данныя изъ древнихъ авторовъ подробно сгруппированы въ книгѣ А. И. Горіевскаго, Галлы въ эпоху Юлія Цезаря.

Я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями и сближеніями, которымъ, конечно, не придаю глубоко рѣшающаго значенія, но которыя не безынтересны и могутъ навести на нѣкоторые любопытные психологическіе вопросы на исторической почвѣ. Можетъ быть, старое наблюденіе о сходствѣ Французовъ съ Кельтами, которое стало почти общимъ мѣстомъ, и которое приходитъ на память всякій разъ, когда приходится думать о Французахъ, когда заходитъ рѣчь о прошлыхъ дѣяніяхъ и будущихъ судьбахъ великаго и блестящаго народа, требуетъ провѣрки, а выведенное изъ него заключеніе значительнаго ограниченія или измѣненія или болѣе тонкаго пониманія и сложнаго толкованія.

Воспользуемся прежде всего оригинальнымъ отрывкомъ, взятымъ у одного новаго французскаго писателя, замѣчательнаго историка, Токвилля, изъ его извѣстнаго сочиненія - L'ancien régime et la révolution(xx) Онъ именно, изучая темпераментъ современныхъ ему его соотечественниковъ, утверждаетъ, что въ немъ повторяется нравственная природа древнихъ Кельтовъ.

„Изъ всѣхъ явленій французской исторіи наиболѣе страннымъ и необыкновеннымъ кажется самъ французскій народъ, былъ ли когда на свѣтѣ народъ, болѣе исполненный контрастовъ и болѣе способный вдаваться въ крайности, болѣе руководящійся чувствами и менѣе принципами, стоящій то много выше, то много ниже общаго уровня человѣчества, - народъ столь неизмѣнный въ главныхъ своихъ чертахъ, что легко его узнавать въ разсказахъ Цезаря, и столь непостоянный въ своихъ ежедневныхъ помыслахъ и вкус-

(xx) Кн. Токвилля существуетъ въ русскомъ переводѣ подъ ред. Н. Кондарева „Старый порядокъ и революція" (СПб. 1861).

лонностяхъ, что нерѣдко онъ самъ для себя становится неожиданнымъ зрѣлищемъ, и самъ не менѣе иностранцевъ принужденъ изумляться при видѣ собственныхъ дѣлъ своихъ, - народъ болѣе привязанный къ своему дому и къ своимъ привычкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способный все измѣнять и идти на край свѣта, коль скоро онъ вышелъ изъ обычной колеи, непокорный по природѣ и уживающійся съ произвольнымъ и насильственнымъ правленіемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ съ разумнымъ и свободнымъ правленіемъ лучшихъ гражданъ, никогда не свободный настолько, чтобы нельзя было поработить его, и никогда не порабощенный такъ, чтобы онъ не могъ свергнуть съ себя иго, не знающій границы ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ, легко водимый на ниточкѣ и неудобоуправляемый, какъ только поданъ ему примѣръ сопротивленія власти, годный на все, но стоящій на высшей степени совершенства только въ военномъ дѣлѣ, народъ, болѣе преклоняющійся передъ случаемъ, передъ силою, передъ успѣхомъ и блескомъ, чѣмъ передъ истинной славой, болѣе способный къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели, къ геніальности, чѣмъ къ здравомыслію, къ составленію колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ къ совершенію великихъ предпріятій: самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, попеременно возбуждающая къ себѣ удивленіе, ненависть, жалость, страхъ, но никогда не равнодушие."

Короче говоря, основными чертами французскаго характера Токвилль выставляетъ подвижность и непостоянство, неустойчивость и наклонность къ массовымъ увлеченіямъ. („mobilité" и „sociabilité", какъ говорятъ современные французы.).

Тѣ же черты искони были главными недостатками или выдающимися качествами древнихъ Галловъ, какъ это видно изъ опредѣленныхъ словъ классическихъ писателей. По замѣчанію Цицерона, Галлы такъ отличаются природою и обычаями отъ прочихъ народовъ, что можно легко уловить особенности ихъ характера. Извѣстный римскій диктаторъ Камиллъ, по Титу Ливію, называлъ Галловъ націей, которой природа дала и тѣло и духъ болѣе великіе, чѣмъ крѣпкіе и сильные. Причиной такого величія духа были воспріимчивость, необыкновенная горячность, впечатлительность, составлявшія всегда отличительныя черты характера Галловъ. При этомъ они не обладали способностью твердо хранить разъ воспринятыя впечатлѣнія. „Всякій, кто только хочетъ, говоритъ Страбонъ, (Географ. IV. 4), — гдѣ бы, когда бы, и подъ какимъ бы ни было предлогомъ, легко можетъ возбудить и воодушевить Галловъ, и тогда они готовы на всякую опасность." Благодаря такой впечатлительности и подвижности Галлы легко подчинялись авторитету предпріимчивыхъ людей, замышляющихъ громкія дѣянія; у нихъ была страсть къ перемѣнамъ, къ политическимъ переворотамъ. (Novis rebus student). По словамъ Цезаря, Галлы были очень любопытны и падки до новостей; онъ описываетъ, какъ они, собираясь толпами на рынкахъ, останавливали и осыпали вопросами купцовъ и путниковъ, откуда они, что видѣли и что слышали. И часто, по замѣчанію того же Цезаря, на основаніи ложныхъ слуховъ они быстро принимаютъ гибельныя для себя, необдуманныя рѣшенія о важныхъ дѣлахъ. Они очень легко идутъ, напримѣръ, на войну съ громаднымъ увлеченіемъ и стремительностью,

но быстро остываютъ. „Трудно сказать“, пишетъ Цезарь (VIII.3.), — „болѣе ли заносятся Галлы при малѣйшихъ успѣхахъ, или падаютъ духомъ при незначительной неудачѣ“. И такъ Цезарь ставитъ въ вину Галламъ „чрезмѣрную быстроту и неосновательность рѣшеній („Gallorum sunt subita et repentina consilia“) и отсутствіе твердости въ перенесеніи послѣдствій своихъ поступковъ. Полибій говоритъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Галлы руководствуются не столько разумомъ, сколько горячностью своего сердца (II.35) Такое увлеченіе первымъ впечатлѣніемъ было тѣмъ опаснѣе, по мнѣнію Страбона, что Галлы имѣли обыкновеніе сходиться на совѣщанія цѣлыми массами, массами проникались однимъ и тѣмъ же чувствомъ и безразсудно шли подъ вліяніемъ страстнаго общаго порыва на всякія безумія[x] Такимъ образомъ Цезарь и Полибій называютъ Галловъ легковѣрными и легкомысленными, необдуманными и безразсудными, неустойчивыми въ намѣреніяхъ и слабодушными. (Infirmitas, levitas et mobilitas animi). Далѣе, по замѣчанію Ливія (а также и Цезаря), Галлы, вообще склонные къ увлеченію, прежде всего увлекаются собою, они заносчивы, тщеславны и хвастливы. Они еще поражаютъ болтливостью и пристрастіемъ къ краснорѣчію въ ущербъ правдивости. Діодоръ говоритъ, что Галлы любятъ выражаться темно, замысловато, цвѣтисто и напыщенно съ преувеличеніями и прикрасами. Они очень цѣнятъ живой разсказъ, легко поддаются остроумной и красивой фразѣ, настолько и ораторскому

[x] Подробный переводъ характеристики Галловъ Страбона приведенъ у Glasson, Histoire des inst. et du droit de la France. I, 80.

Гал-

эффекту, и сами очень хорошо умѣютъ говорить. Страбонъ и Ливій указываютъ еще на одну особенность Галловъ - любовь къ военной славѣ. Страбонъ говоритъ, что Галлы - военная нація по самой природѣ, и они обладаютъ въ высокой степени нѣкоторыми качествами хорошаго солдата, но въ войнѣ они недостаточно устойчивы и выносливы, не могутъ терпѣть трудъ и зной, жажду и безсонницу. Цезарь и Полибій подтверждаютъ это. Война съ ея разнообразными и сильными ощущеніями особенно привлекаетъ Галловъ скорѣе сама по себѣ, чѣмъ ея результатами. Добыча для нихъ менѣе важна, чѣмъ слава и возможность тщеславиться успѣхами. Ливій разсказываетъ, что „широкія раны, которыя они получали въ сраженіи, нисколько ихъ не смущали; иногда даже сами они разрѣзали кожу, чтобы рана была замѣтнѣе. Но если рана была мала, но глубока и опасна, тогда они приходятъ въ отчаяніе."

Эти всѣ черты характера Галловъ бросались въ глаза Римлянамъ, какъ противоположность серіозной и постоянной важности (gravitas) римскаго народа.

Впрочемъ (это отмѣчаютъ древніе), Галлы иногда забываютъ свою неустойчивость и легкомысліе и проникаются духомъ самоотверженія и фанатизма, который особенно ярко выражался, напримѣръ, въ безусловной вѣрности галльскихъ кліентовъ вождямъ (Caes. III, 22).

Вообще Галлы полны контрастовъ. Отъ преувеличенной самонадѣянности до унынія, отъ презрительной насмѣшливости до благоговѣнія, отъ величайшей заносчивости до смиренія, лести и униженія, отъ безумной храбрости и беззавѣтной преданности до панической трусости и полнаго упадка духа у нихъ часто

только одинъ шагъ.

Разбросанныя у древнихъ авторовъ черты для характеристики галловъ собираетъ въ цѣльный, мастерски написанный образъ, отчетливый, рѣзкій и сильный, современный, знаменитый историкъ Моммсенъ[1]

„Кельтская, иначе Галатская или Галльская нація," говоритъ онъ, -„ получила отъ общей матери иное приданое, чѣмъ Италійская, Германская и Эллинская сестры ея. При многихъ солидныхъ и еще болѣе блестящихъ достоинствахъ, у нея недостаетъ той глубокой нравственной и государственной основы, на которой зиждется все хорошее и великое въ человѣческомъ развитіи. Для свободнаго Кельта, говоритъ Цезарь, - считалось позорнымъ воздѣлывать поле собственными руками. Земледѣлію они предпочитали пастушескій образъ жизни, и даже въ плодородныхъ доминахъ По промышляли по преимуществу свиноводствомъ, питаясь мясомъ отъ своихъ стадъ и пребывая съ ними денно и нощно въ дубовыхъ лѣсахъ. Той преданности родимой почвѣ, которая свойственна Италійцамъ и Германцамъ, у Кельтовъ недостаетъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны они любятъ селиться въ кучѣ, по городамъ и мѣстечкамъ, разростающимся и пріобрѣтающимъ у нихъ значеніе, какъ кажется, ранѣе, чѣмъ въ Италіи. Гражданское устройство ихъ очень несовершенно: не только единство народное выражается у нихъ слабою племенною связью, что можно, пожалуй, сказать вначалѣ и обо всѣхъ націяхъ, - но даже и въ отдѣльныхъ общинахъ у нихъ не хватаетъ единодушія и твер-

[1] См. Римская Исторія т. I стр. 308. (русскій переводъ).

Въ

дой организаціи власти, строгаго духа гражданственности и послѣдовательности стремленій. Единственная организація, которой они подчиняются, – это военная, изъ дисциплины своей избавляющая. Галловъ отъ тяжелой работы самообладанія. „Выдающіяся свойства Кельтскаго племени", говоритъ историкъ его Тьерри, – „сугу[illegible] личная храбрость, которою они превосходятъ всѣ другіе народы, открытый, стремительный, доступный всякому впечатлѣнію темпераментъ, бойкій умъ, но при этомъ крайняя подвижность, отсутствіе выдержки, отвращеніе отъ подчиненности и порядка, хвастливость и нескончаемые раздоры, слѣдствіе безграничнаго тщеславія." Короче говоритъ въ томъ же смыслѣ старикъ Катонъ: „У галловъ болѣе всего въ ходу двѣ вещи – военное дѣло и красное слово."(x) Такія свойства хорошихъ солдатъ и плохихъ гражданъ объясняютъ намъ историческій фактъ, что Кельты поколебали всѣ государства, но сами не основали ни одного.

Вездѣ мы ихъ видимъ готовыми странствовать, т. е. предпринимать походы; предпочитая движимое добро клочку земли, и всему вообще золото, и занимаясь войною, какъ организованнымъ разбоемъ, или даже какъ ремесломъ за плату, во всякомъ случаѣ, впрочемъ, съ такимъ успѣхомъ, что даже римскій историкъ Саллюстій признаетъ превосходство Кельтовъ надъ Римлянами. Это настоящіе ландскнехты древности, какъ намъ представляютъ ихъ изображенія и разсказы; большія, неуклюжія фигуры съ косма-

(x) „Pleraque Gallia, duas res industriosissime persequitur: rem militarem et argute loqui." (Cato, Origines II, 2. edit. Jordan).

той головой и длинными усами, совершенно наоборотъ съ Греками и Италійцами, которые стригли усы и голову, — въ пестро-цвѣтныхъ и вышитыхъ платьяхъ, которыя въ битвѣ нерѣдко сбрасывались, съ широкими кольцами на шеѣ, безъ шлема и безъ какого бы то ни было метательнаго оружія, но за то съ необъятнымъ щитомъ и длиннымъ, дурно закаленнымъ мечемъ, съ кинжаломъ и пикой, и все это въ золотыхъ украшеніяхъ, такъ какъ они вообще умѣли недурно выдѣлывать изъ металловъ. Для похвальбы служило все, даже рана, которую часто значительно расширяли, чтобы похвалиться болѣе широкимъ рубцомъ. Сражались они обыкновенно пѣшіе, но иные кланы, кромѣ того, и верхомъ, причемъ за каждымъ вольнымъ человѣкомъ слѣдовали два конные оруженосца; боевыя колесницы были у нихъ издревле въ употребленіи, такъ же, какъ у Ливіанъ и у Грековъ. Иныя черты напоминаютъ средневѣковое рыцарство, больше всего чуждый Грекамъ и Римлянамъ обычай поединковъ. Не на войнѣ только имѣли они обыкновеніе вызывать на бой отдѣльнаго непріятеля, сперва осмѣявъ его словами и тѣлодвиженіями, — и въ мирное время они нерѣдко бились между собою на смерть, въ блестящемъ вооруженіи. За этими подвигами слѣдовали, само собою разумѣется, попойки и пиршества. Такимъ образомъ, подъ собственными или чужими знаменами, среди нескончаемыхъ битвъ и такъ называемыхъ геройскихъ подвиговъ, вели они свой неустойчивый, солдатскій образъ жизни, разсѣявшій ихъ отъ Ирландіи и Испаніи вплоть до береговъ Малой Азіи; но что бы они ни начинали, все расплывалось, какъ весенній снѣгъ, и нигдѣ ими не было основано большаго государства, нигдѣ

Куль-

не основали они своей культуры."

„Каждая страница Кельтской Исторіи, говоритъ Моммсенъ въ другомъ мѣстѣ,(x) подтверждаетъ суровое слово одного изъ немногихъ Римлянъ, которые умѣли не презирать такъ называемыхъ варваровъ, — именно, что Кельты смѣло бросаютъ вызовъ будущей опасности, но что у нихъ падаетъ духъ передъ настоящею. Въ могучемъ вихрѣ всемірной исторіи безпощадно сокрушающемъ всѣ народы, не отличающіеся твердостью и гибкостью стали, подобная нація не могла долго существовать. Заслуженно вытерпѣли Кельты материка отъ Римлянъ ту же участь, которую ихъ соплеменники въ Ирландіи испытываютъ до нашихъ дней отъ Саксовъ. Судьба ихъ — перейти, какъ элементъ броженія будущаго развитія, въ другую національность, превосходящую ихъ въ государственномъ отношеніи. Разставаясь съ замѣчательной и странной націей, мы позволяемъ себѣ еще напомнить, что въ извѣстіяхъ древнихъ о Кельтахъ береговъ Луары и Сены едва ли существуетъ одна изъ характеристическихъ чертъ, по которымъ мы привыкли узнавать національный характеръ ирландскаго „падди" (крестьянина). Мы видимъ здѣсь собранными все — небрежность въ воздѣлываніи полей, любовь къ возліяніямъ и дракамъ, хвастливость, рѣчь полную сравненій и гиперболъ, намековъ и забавныхъ оборотовъ, комическій юморъ, любовь къ пѣснямъ и сказаніямъ о дѣлахъ минувшихъ дней и положительное ораторское и поэтическое дарованіе. Любопытство и безумное легкомысліе, дѣтскую набожность, видѣвшую въ жрецѣ отца, рѣдкую искренность національнаго чувства и почти семейную связь, соеди-

(x) Т. III. стр. 276.

нявшую соотечественников въ сношеніяхъ съ иноземцами, склонность возставать подъ руководствомъ перваго вождя, а рядомъ полную неспособность достигнуть какой-нибудь прочной военной или политической организаціи, или хотя бы умѣть вынести ее. Всюду во всѣ времена мы видимъ все ту же націю, живую и поэтическую, слабодушную и искреннюю, любопытную, легковѣрную, любезную, умную, но совершенно никуда не годную въ политическомъ отношеніи, и поэтому то судьба ея повсюду и всегда оставалась все та же."

Вотъ характеристика, начертанная рукою мастера, строгая и твердая. Но нѣкоторые черты въ ней вызываютъ недоумѣнія и вопросы.

Почему Моммсену понадобилось сравненіе древняго Кельта береговъ Сены и Луары съ ирландскимъ крестьяниномъ (падди), а не съ французскимъ. Надо еще рѣшить, справедливо ли обвиненіе въ лѣности и ирландскаго падди, но упрекнуть въ томъ же французскихъ крестьянъ не рѣшился и Моммсенъ. Извѣстно, что они, напротивъ, отличаются трудолюбіемъ, бережливостью, доходящей до скупости; упорство въ преслѣдованіи своей цѣли, состоящей въ пріобрѣтеніи и охраненіи завѣтнаго куска земли, характеризуетъ и упрямаго бретонца и оверньца. Французскій мастеровой также отличается прилежаніемъ и тщательностью работы. Нравы французской буржуазіи заставили даже признать бережливость и скопидомство, выдержку и предусмотрительность французскими національными „добродѣтелями". Эти качества прямо противорѣчатъ легкомыслію, подвижности и безпечности кельтскаго характера. Ихъ только отчасти мож-

но признать привитыми культурой, такъ какъ эти качества обнаруживаются даже съ особою силою въ тѣхъ классахъ и мѣстностяхъ, куда культура проникала всего меньше.

Съ другой стороны подобныя противорѣчія можно встрѣтить уже въ описаніи древнихъ Галловъ у классическихъ авторовъ. Такія противорѣчія особенно подчеркиваетъ Беллоге въ третьей части своего сочиненія "Ethnogénie Gauloise," посвященной Галльскому генію (Le Génie gaulois.) Онъ отмѣчаетъ, подобно другимъ, какъ существенные признаки галльскаго природнаго національнаго характера слѣдующія черты: страсть къ битвамъ, преувеличенную національную гордость, безмѣрную хвастливость, живую пылкость и впечатлительность физическую и нравственную, вслѣдствіе которой они постоянно переходили отъ одной крайности къ другой, отъ крайней самонадѣянности къ унынію и отъ которой проистекали ихъ любопытство, легковѣріе, подвижность, вошедшія въ пословицу. Но затѣмъ Беллоге выдвигаетъ, находя ихъ также въ извѣстіяхъ древнихъ писателей, совсѣмъ иныя особенности; онъ говоритъ, что съ одной стороны Галлы отличались крайнимъ непостоянствомъ и недостаткомъ энергіи, а съ другой — твердой и героической преданностью своимъ вождямъ; вѣрность и цѣломудріе женъ были у нихъ противоположностью холодности и распутства мужчинъ; необыкновенная жадность къ золоту и въ то же время щедрое посвященіе его богамъ, тяжелая неподвижность ума и страсть къ краснорѣчію, грубая и наивная простота и способность придумывать всяческія хитрости на войнѣ

ленивый, мало возбужденный интеллектъ и способности къ изобрѣтеніямъ; наконецъ замѣчательная воспріимчивость Трансальпинскихъ Галловъ къ искусствамъ и цивилизаціи, тогда какъ ихъ братья въ Италіи долго оставались чуждыми самымъ простымъ удобствамъ жизни, которыя они могли позаимствовать у Этрусковъ и Римлянъ.

Такимъ образомъ получаются двѣ группы непохожихъ качествъ. Белloге объясняетъ такія противорѣчія существованіемъ на Галльской почвѣ двухъ или болѣе расъ, Кельтовъ съ одной стороны, Иберовъ и Лигуровъ съ другой, которыя почти вездѣ достигли значительной степени сліянія между собою, вслѣдствіе чего писатели уже смѣшивали ихъ во времена Цезаря, не находя физическихъ или духовныхъ различій. По мнѣнію Беллоге, духовныя особенности, присущія этимъ различнымъ расамъ, преимущественно двумъ - Лигурійской и Кельтической, могли смѣшаться и перейти къ потомству; онѣ и сохранились путемъ наслѣдственной передачи у современныхъ Французовъ, причемъ въ однихъ мѣстностяхъ или семьяхъ и личностяхъ возобладали однѣ черты, въ другихъ - другія. Онъ пытается распредѣлить приходящуюся на долю каждого изъ предковъ часть духовнаго наслѣдства. Живость и подвижность темперамента Беллоге считаетъ достояніемъ обѣихъ расъ, но болѣе свойственными Лигурамъ. Галлы же чистой крови отличались дикимъ увлеченіемъ, необдуманностью и звѣрской яростью, невоздержанностью, страстью къ нарядамъ, излишнимъ тщеславіемъ своими подвигами и самымъ происхожденіемъ, откровенностью, легковѣріемъ, пылкимъ

Лиmoграф. Руднева Нов. пер. д. 5. к. 46.

Ист. Средн. вѣк. Ч. II Лист 20. Дух.

гостепріимствомъ, простотой и косностью ума. До кельтская раса обладала живостью ума, природнымъ краснорѣчіемъ, насмѣшливостью и тѣмъ, что неправильно называется „esprit gaulois", — безпокойнымъ любопытствомъ, хитростью и способностью къ изобрѣтенію и подражанію и т. д.

Ученый авторъ вдается въ этой характеристикѣ въ излишнія тонкости и допускаетъ натяжки. Классическіе писатели изображали древнихъ Лигуровъ нѣсколько иначе, какъ націю трезвую, привычную къ труду, экономную, упрямую, переносящую всякія утомленія и лишенія. Страбонъ говоритъ (III, 4, 17.), что у нихъ самыя женщины, пользовавшіяся большимъ почетомъ и вліяніемъ въ дѣлахъ общественныхъ, были очень работящи и выносливы, особенно когда дѣло шло о нанивѣ. Авзоній замѣчаетъ, что Лигуры, кромѣ того отличались лживостью и хитростью; дипломатическіе и торговые таланты ихъ потомковъ, средневѣковыхъ Генуэзцевъ, можетъ быть ведутъ отсюда свое начало.

Но находя невѣрными и искуственными многія детали въ объясненіяхъ Беллоге, можно вполнѣ признать правильность основной мысли, которую онъ развиваетъ. Онъ говоритъ, что нѣсколько антропологическихъ типовъ (племенъ, націй), смѣшиваясь, сливаясь, образуя одно новое сложное цѣлое (народность), новый производный антропологическій типъ, передаютъ этому послѣднему таинственными путями наслѣдственной преемственности и свойства своего нравственнаго темперамента. Такъ и тутъ духовныя черты Лигуровъ и Кельтовъ, сочетаясь и

Сид. И. П. Г.

переплетаясь и передаваясь по наслѣдству изъ рода въ родъ въ теченіе вѣковъ, часто своеобразно и причудливо проявляются въ нравственной природѣ ихъ потомковъ — собственныхъ Французовъ, также Бретонцевъ, Ирландцевъ и др.; отчасти даже Испанцевъ. „Дѣйствіемъ силы, еще болѣе таинственной, чѣмъ физическій атавизмъ, говоритъ профессоръ Васильевскій (популяризируя выводы Беллоге), одно извѣстное качество или недостатокъ одной изъ расъ будетъ господствовать въ одной странѣ, а другое возобладаетъ въ сосѣдней провинціи. Такъ, во Франціи проявляется живость ума Лигура въ Провансѣ и Бургони, его упрямство въ Бретани, старое галльское хвастовство въ Гаскони, а римскій духъ законности и порядка въ Нормандіи." Сверхъ того, населенія, долго жившія изолированно и потому оставшіяся позади движенія цивилизаціи, тамъ лучше сохранили выдающіяся черты, наслѣдованныя у общихъ предковъ. Нижне-Бретонецъ представляетъ болѣе вѣрно первоначальнаго Галла, только привычка къ труду и выдержка здѣсь привились à la longue къ запальчивому и тяжелому интеллекту Кельта. Беллоге думаетъ, что именно Ирландецъ всего болѣе похожъ на классическаго Галла Цезаря и Тита Ливія; тогда какъ житель Вельса въ одно и то же время тревожно-безпокойный (remuant) и упрямый, подвижный тѣломъ и духомъ, представляетъ намъ лучшій портретъ Лигура чистой крови. Наконецъ Галлъ Шотландіи, хищный и хитрый, какъ его братья на Альпахъ, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ труду сохранилъ главнымъ образомъ гордость расы и вздорливый, драч-

[Interlinear note: Напр. [illegible] провансалец [illegible] с [illegible] (Italiennes)]

*) и далее [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], Тэнъ [illegible] [illegible] и [illegible] Кельта.

ливый духъ (esprit querelleur) своихъ кельтскихъ предковъ."

Подобнаго же рода попытки народно-психологическаго синтеза характера, дѣлаютъ нѣкоторые англійскіе изслѣдователи (нап. Пайкъ и Никелсъ) относительно Англичанъ, происхожденіе которыхъ еще болѣе, можетъ быть, смѣшано, чѣмъ происхожденіе Французовъ. Ихъ гипотезы и сближенія очень интересны, какъ лишнія иллюстраціи интересующаго насъ теперь вопроса. Я не излагаю ихъ, такъ какъ уже некогда(x) и на сказанномъ останавливаюсь. Я, повторяю, не могу вывести изъ разсмотрѣнныхъ попытокъ ретроспективнаго психологическаго анализа вполнѣ опредѣленной характеристики древнихъ Кельтовъ; но нѣкоторыя основныя черты ихъ племеннаго темперамента, въ который вошли и элементы духовной природы смѣшавшихся съ ними ихъ предшественниковъ, довольно отчетливо вырисовываются изъ данныхъ древнихъ авторовъ, разсмотрѣнныхъ въ свѣтѣ наслѣдственно переданныхъ ими потомкамъ качествъ, наблюдаемыхъ теперь, между прочимъ, въ современныхъ Французахъ. Этими народно-психологическими набросками, которымъ я придаю лишь второстепенное значеніе иллюстрацій, я заканчиваю рѣчь о Кельтахъ.

Переходимъ къ Римлянамъ и ихъ воздѣйствію на первоначальное населеніе Европы.

Конецъ I-го вып. II-ой части.

(x) См. краткое изложеніе въ ст. В. Г. Васильевскаго, с. 161-162. Для характеристики Кельтской народной психологіи очень интересныя данныя могутъ быть извлечены еще изъ ст. Ренана „La poésie des races celtiques".

[illegible]